

**МЕЛОДИ
БИТТЕРСВИТ**

и

АГЕНТСТВО

ОХОТНИЦ НА ПРИЗРАКОВ

КИТТИ ФРЕНЧ

Веселый и таинственный роман

vk.com/beautiful_translation

«Мелоди Биттерсвит и агентство охотниц на призраков»

Китти Френч

Серия «Женское агентство охотниц на призраков» #1

Глава первая:

— Как ты проводишь свободное время, Мелоди?

Я посмотрела в его красивые карие глаза и соврала.

— Знаешь ведь, все как обычно, — я пожалала плечами, показывая, что абсолютно нормальна. — Много читаю... Хожу в кино. И все такое.

Я смотрела, как Ленни переваривает мои слова, и выдохнула с облегчением, когда его глаза засияли.

— Какие жанры?

— Фильмов или книг? — спросила я, растягивая время, ведь на самом деле у меня не было возможности заниматься таким.

— Фильмы. Боевики или романтика? Нет, дай угадаю, — он прищурился, разглядывая меня. — Ты похожа на любительницу романтических комедий.

— Да? — искренне удивилась я. Невысокая я больше походила на Уэнзди Аддамс, чем на диснеевскую принцессу. Может, я и перегнула, но вы поняли: я брюнетка, а мой вкус в выборе одежды многим не нравится. Вряд ли кто-то смотрел на меня и думал, что я причудливая. Может, Ленни видел что-то, что упускали остальные, в том числе и я. И это мне даже нравилось, ведь все, кто знал про мою семью, относились ко мне предвзято, ведь вся моя семья странная.

— «Четыре свадьбы»? — с надеждой спросил он.

Я кивнула, не признавшись, что в этом фильме мне понравились только похороны.

— «Отпуск по обмену»?

Я снова попыталась изобразить интерес и промолчала, ведь была уверена, что ему не захочется слушать, как я лучше воткну в глаза иголки, чем буду смотреть на слишком позитивную Кейт Уинслет, ведущую в бассейн старика.

Я была рада, когда принесли счет, и мы смогли уйти оттуда, ведь Ленни вел разговор, а я умудрялась убеждать его, что поспеваю за ним. Может, все еще изменится.

Ленни подъехал на скучном седане к моему дому, остановившись на брусчатке и выключив двигатель. Я не была против скучного. Я уже привыкла к скучному, так что я соблазнительно улыбнулась ему, понадеялась, что мама будет спать, и пригласила его на кофе.

«Только бы все прошло хорошо», — почему я не могла просто поцеловать его на прощание, пообещать продолжение языком и уйти? Он бы позвонил снова, я уверена.

Но нет. Я жадно потащила его через черный ход, прижав палец к губам, показывая, что нужно вести себя тихо, пока мы проходили мимо квартиры мамы и по старой деревянной лестнице в мою квартиру.

Он положил ладонь на мою талию, пока я поворачивала ключ, по спине бежали мурашки. Только посмотрите, как по-взрослому я сегодня себя вела! Ужин с красивым мужчиной, разговор, а теперь еще и кофе... а там и пошалить можно. Я не была девственницей, но мою личную жизнь устроить давно не удавалось. Под «давно» я имею в

виду последние два года после нашего с Лео расставания. Точнее, это Лео бросил меня, сославшись на разные интересы. Ха. Если учесть, что моя безумная семейка была единственными психами в городе, если не считать его, то он был отчасти прав.

Но хватит о Лео и моей жалкой личной жизни. Сейчас я не хотела, чтобы Ленни узнал о моей семье, я желала, чтобы он и дальше видел меня крутой и нормальной девушкой, и чтобы поцеловал меня.

— Ты напоминаешь мне Клару Освальд, — прошептал Ленни на верхних ступеньках. — Большие карие глаза и умные остроты. Это очень сексуально.

Боже, похоже, он коснулся губами моей шеи! Дверь порой заклинивало, и я открывала ее плечом, но в этот раз я не хотела выглядеть как полицейский, вламывающийся внутрь. К счастью, Ленни этого не увидел, он прошел за мной в комнату. Я включила настольную лампу и обнаружила на кофейном столике свою маму в слишком коротком синем пеньюаре, вскинув руки в потолок и закинув голову.

— Черт! — выругался Ленни, испугавшись. И его нельзя было винить. Моя мама была красивой женщиной роста балерины, худой и с серебряными волосами, что ниспадали волнами ниже ее лопаток. Не седыми. А серебряными, такими они были с ее рождения, и сейчас казалось, что ее только что распяли на моем столике.

Я вздохнула и опустила сумку рядом с торшером. А я была нормальной.

— Эм, мама?

Она медленно сделала пару вдохов и открыла глаза, став из безумной леди почти нормальной женщиной. Она уставилась на нас.

— Боже правый, Мелоди, — проворчала она, упирая руки в бока. — Я почти установила связь. Он прячется на чердаке, уверена.

Я рискнула оглянуться на Ленни, а он уже явно не целовал мою шею.

Он вскинул брови, безмолвно спрашивая: «что происходит?», а потом отвел взгляд, когда мама поманила его, как сирена рыбака на камни.

— Вашу руку, юноша.

— Нет! — почти заорала я, но Ленни уже пересек комнату, протягивая руку. Мама хитро посмотрела на меня, спустилась со стола и схватила Ленни за руку.

— Длинная линия жизни, — прошептала она, водя красным когтем по ладони Ленни.

— Мама, — предупредила я, но она делала вид, что не слышит мой серьезный тон. Я другого и не ожидала, ведь она уже так делала. Хотя фишка со столом была новой, но она была умелой в том, чтобы проверять моих парней, подходят ли они для жизни с нашей сумасбродной семейкой. Хотя тут ей доверять нельзя было. Лео прошел ее проверку блестяще, и чем все кончилось? Мое сердце было разбито, а он попал в сюжет в утреннем выпуске новостей как клиент психушки. Так где справедливость?

В этот раз скелет появился из шкафа рановато. Рано или поздно это раскрылось бы, и, несмотря на мои попытки привязать к себе Ленни, долго это избегать не вышло бы.

Меня зовут Мелоди Биттерсвит, и я вижу мертвых людей.

И не только я. Но пока что я последняя в долгом роду Биттерсвитов с этим даром или проклятием, зависит от того, как посмотреть на это. Моя семья давно праздновала нашу странность, она повлияла и на бизнес нашей семьи — «Веселых духов» на улице Чейплвик. Мы были здесь дольше, чем настоящая церковь в конце улицы. Потому, видимо, нас и принимали в городе как ребят со странностями, но *своих* ребят со странностями. Начиналось все с маленького магазинчика в одну комнату размером, а теперь это был целый

ряд после двухсот лет; и теперь у нас были три здания с террасами, случайно собранных в одном большом хаотичном месте. Они были и работой, и домом не только для меня, но и для моей мамы Сильваны и для ее мамы, Дайси. Вообще-то бабушку звали не Дайси, а Парадайс но она предпочитала Дайси после встречи с моим дедушкой Дюком в свой пятнадцатый день рождения, когда он написал на стене здания «Дайси и Дюк» внутри сердца мелом. Он будто написал это на ее сердце.

— Сильвана!

Помяни черта. Они спать не собираются?

Я открыла дверь и обнаружила на пороге бабушку с рукой, поднятой для стука. Думаю, можно было радоваться, что она хотя бы оделась прилично, если так можно было описать шелковое лиловое кимоно до пола с драконами на нем. Ее золотые волосы были, как обычно, элегантно собраны на голове, а губы ее пылали алой помадой. Многие даже смотреть на это не смогли бы, но бабушка была уверенной в себе и красилась искусно этой помадой. Она проплыла мимо меня, не поздоровавшись, и уставилась на маму с Ленни, держащихся за руки.

Боже.

Начну-ка я это утро с клятвы, что я найду себе новое место жительства, чтобы со мной в одном доме не было мамы и бабушки. Не поймите меня превратно, это место было прекрасным, и я любила семью. И, теоретически, у меня было здесь личное пространство. Мама и бабушка жили на первом этаже за «Веселыми духами», а я — в небольшой квартире на втором этаже. И мне это нравилось чаще всего, ведь у меня был свой маленький дом, но я оставалась рядом с семьей. Это было хорошо и круто, вот только моя семья была сумасшедшей и могла в любой момент появиться в моей квартире, используя второй ключ, что я давала им для экстренных случаев, а не для того, чтобы меня смущать.

— Почему Сильвана развлекается с мужчиной, что вдвое ее младше, в твоей квартире? — бабушка смотрела то на меня, то на мою маму. — Нужно было сказать, что ты ждешь встречи, милая. Я бы ушла, — она коснулась ладонью ее волос. — Хоть полотенце на дверную ручку повесила бы. Разве не так о таком сообщают? Чтобы не стучали, когда в комнате занято.

Она была довольна собой, а по одному взгляду на Ленни было понятно, что он уже думает, как убежать от этих дам, написав мне потом, что это было худшее свидание в его жизни. Его взгляд переместился от меня к двери, и я почти слышала, как он просит меня выпустить его невредимым.

— Это не мамино свидание, а мое. Было, — проворчала я и отвлеклась, ведь пенсионер с пивным животом и в запятнанной супом рубашке медленно спустился с потолка, из-под его широких шорт торчали худые ноги. Помните ведь, я вижу мертвых? Как и мама с бабушкой, и они тоже смотрели, как он спускается, с одинаковым отвращением.

— Наконец-то, — сказала мама и отпустила руку Ленни, найдя новую жертву. — Я два часа гонялась за тобой по этому зданию. Твоя жена хочет знать, что ты сделал с деньгами, что она спрятала в зеленом чайнике. И она говорит, что тебе лучше проиграть их в ставках, иначе она с тобой разберется.

Бабушка закатила глаза.

— Вряд ли она с ним уже разберется. Он шесть недель как мертв.

— Тебе хорошо говорить, ведь ты спишь со своим мужем, хотя он уже двадцать лет как умер, — мама отбросила серебряные волосы на спину. Туше.

Ленни заскулил и помчался к двери, успев выпалить: «Появились дела, мне пора», а потом побежав по ступенькам, перепрыгивая их. Я услышала, как дверь снаружи хлопнула. Наверное, теперь он прощается со своим ужином.

* * *

— Завтрак, милая?

Утром мама вела себя так, словно ничего не случилось ночью, когда я вошла босиком в теплую кухню, выполненную в фермерском стиле. Это была общая кухня мамы и бабушки.

Все было двояко, знаю. Я возмущалась, что они ходили ко мне, но сама заходила к ним, как к себе, но виновата была мама. Она оставляла открытой дверь и заманивала меня запахами еды, а я не могла пройти мимо сладкого. Думаю, она нашла способ пускать запах свежих вафель в древнюю вентиляцию дома. И она знала, что я не сдержусь. Сахарная тревога! Тревога! Мелоди Биттерсвит прибыла на уютную кухню мамы за сладостями и с возмущениями насчет личной жизни!

— В этот раз вафлями ты не откупишься, — проворчала я. Почти всю ночь я ворочалась, думая о том, что моя жизнь катится в никуда, и что-то нужно менять. — Где бабушка?

— За тобой, — я обернулась, пока бабушка рычала, показывая руками пасть волка, веселясь. Она все еще была в расшитом лиловом кимоно, она налила себе крепкий кофе и устроилась за деревянным столом.

— Я рада, что вы обе здесь, — сказала я, отодвигая один из стульев, а они все были разными, и наливая сироп на вафли, от которых пыталась отказаться. Я бросила туда еще и голубику, чтобы заглушить вину из-за большого количества сахара. — Мне нужно вам кое-что сказать.

— Забеременела, наконец? — глаза бабушки сияли, она хлопнула в ладоши.

— Если вспомнить, как вы отпугиваете моих парней, это маловероятно, так ведь?

Мама не скрывала радости:

— Когда женятся на женщине, женятся и на ее семье.

Я стиснула зубы, и мысли о моей судьбе придали мне сил.

— Я начинаю свой бизнес.

Они повернули голову и уставились на меня огромными глазами. Я вдруг поняла, что все вышло.

— В пустой комнате под моей квартирой, — продолжила я. «Веселые духи» было таким просторным местом, что несколько комнат пустовали, и большая на первом этаже как раз подходила мне. Там был свой выход на улицу, куда могли приходиться клиенты, а еще был большой камин, чтобы согреть место холодными месяцами.

Технически комната была в моей части здания, и я не ожидала возражений.

— Но это мой склад, — сказала мама, замерев со сковородой в руке.

Я с сарказмом посмотрела на нее.

— У тебя нет там склада.

Она не могла спорить. Мы имели дело с мертвыми. А им не нужны были полки.

— Я пару раз проводила там сеансы, — отметила бабушка.

— Да, и в последний раз сказала, что больше этого там делать не будешь, ведь там негативная энергетика.

Я подозревала, что под сеансами она подразумевала местный клуб картежников, и бабушке просто надоело быть и с живыми людьми, и с духами, что приходили с ними. Но сегодня ее обвинения должны пойти мне на пользу.

— Мне двадцать семь, — напомнила я. — Пора мне встать на ноги.

Мама посмотрела под стол на мои ногти на ногах, черно-белые в крапинку, и браслет на лодыжке с серебряными звездочками, сомневаясь, что я могу прочно стоять на своих ногах.

— Чем займешься? — спросила бабушка, кривясь, когда мам предложила ей вафли, накалывая на вилку вместо этого ягоду голубики. Она была худой и ела, как птичка, оставляя место для шампанского, которое часто пила. Когда она умрет, или если умрет, на камне нужно вырезать: «Где-то всегда пять часов».

Вот и момент истины.

— Охота на призраков, — пробормотала я, набрав полный рот вафель и глядя на тарелку.

— Что, Мелоди? — бабушка прислонилась к столу.

Мама, чей слух был острым, с подозрением посмотрела на меня.

— Да, — нежно сказала она, — повтори, Мелоди, только ГРОМЧЕ, — рявкнула она.

Я тяжело вздохнула и прочистила горло.

— Я открою агентство и буду помогать людям избавиться от надоедливых призраков.

Бабушка с шоком на лице обхватила края кимоно.

— Избавляться? — она взглянула на мою маму. — Сильвана, ты это слышала?

— Это почти не отличается от того, что мы уже делаем, — объяснила я, пытаюсь найти положительные стороны.

— Наша семья представляет интересы мертвых, а не живых, Мелоди. Это мы делаем, — нахмурилась мама.

Она говорила так, словно я нарушила закон семьи, и я подавила очевидный ответ. Вообще-то «Веселые духи» наживались на живых, а не на мертвых, действуя посредниками между двумя сторонами. Мы были чем-то вроде астрального телефона, потому им нужны были призраки вокруг. Да... я ожидала, что мои планы не одобряют.

— Я знаю, — сказала я, стараясь говорить спокойно и ровно. — Но и вы знаете, что я не такая, как вы обе, как все наши предки.

— Ты Биттерсвит, Мелоди. Ты такая же, как все мы, — сказала бабушка, жуя голубику.

— Да, я их вижу. Вижу. Но разница между нами в том, что я не хочу их видеть. И мне не нравится, что они повсюду вылезают. Я не хочу тратить время, выясняя, что великая теть Алиса имела в виду, говоря о странном на смертном одре, как и не хочу передавать послания недовольных жен о пропавших деньгах из чайника.

Мама с жалостью смотрела на меня. Я знала, что зря это затеяла, но она заслужила это после того, как она залезла на мой кофейный столик прошлой ночью.

— Унижать наши ценные услуги глупо, Мелоди Биттерсвит.

— Ладно, может, я зря сказала про чайник, мам, я знаю, что твое дело важное, и это хорошо, но это не для меня.

Я повернулась к бабушке.

— И ты тоже права, — я накрыла ее руку в перстнях своей ладонью. — Я их вижу. Я вижу их всюду, потому даже не вижу смысла дальше искать нормальную работу.

Они не спорили, ведь со всей работой, что я нанималась вне семейного дела, шло что-то не так. Моя работа помощником адвоката закончилась тем, что умершая мать адвоката была в офисе и не давала ни минуты покоя. Она изводила посланиями для него, в основном, из-за того, что ей не нравился его пылкий роман с секретаршей. Мне тоже это не нравилось, но я держала свое мнение при себе. И дошло до того, что я наорала на нее, чтобы она отстала от

сына, что увлечение ее сына это не ее и не мое дело, и все было бы нормально, если бы не пришла его жена, чтобы забрать на обед, и не услышала каждое слово. И адвокату самому понадобился адвокат. Я работала и медсестрой в стоматологии, и за мной ходил давно умерший стоматолог, который десятки лет назад лечил здесь и уходить не спешил. Он постоянно мешался мне, из-за него я пригодила не те новые коронки для депутата, после чего он стал похож на коня. Он все еще винил меня в том, что потерял свое место на следующих выборах.

— Я тоже буду помогать мертвым, но не так, как вы. Разве ты не видишь этого, бабушка? Вы с мамой больше похожи на телефон. А я буду... — я искала подходящее слово.

— Диспетчером для призраков? — маму легко убедить не получалось.

Я пожала плечами.

— Можешь и так назвать. Не мне выбирать название, но все мы знаем, что порой призраки достают так, что их нужно прогнать.

— Ты собираешься мешать. Биттерсвиты не мешают. Это не наша работа.

Я видела, что мама упрямо сжала челюсти. Но если я не уговорю ее, работы мне не видать.

— Бабушка?

Мы с мамой посмотрели на нее. Она наколола еще одну ягоду и сунула в рот, медленно разжевала, хотя знала, что мы ждем ее вердикт. Мама явно у нее переняла привычку драматизировать.

Бабушка смотрела на меня и направила на меня вилку.

— Это не повредит фирме семьи? Нам нужны призраки в округе, милая.

— Нет, я буду иметь дело с призраками, что застряли и вредят. Вы и не поймете, что я здесь. Обещаю, — я покачала головой и вдохнула, мысленно умоляя их.

Она разжевала еще одну ягоду, пока думала, а потом отложила вилку.

— Шампанского, Сильвана. Наша малышка решила заняться делом.

Я не сдержалась и улыбнулась, но не позволила себе обнять ее, потому что мама замолчала, она пугающе смотрела на меня.

— Опять это из-за двадцати семи лет? — мягко спросила она.

Я быстро отвела взгляд при упоминании недавнего дня рождения. Она была права, и обмануть ее было сложно.

— Мы проходили через это, — сказала она. — Это только цифры.

Двадцать семь кому-то, может, и были цифрами, но не для меня. В этом возрасте мама родила меня, а бабушка — мою маму. В таком возрасте умер мой отец, его мотоцикл попал под колеса грузовика, когда он спешил в больницу к рожавшей меня маме.

И этот возраст ранил меня сильнее, чем я представляла. Я ожидала нормальный день рождения, а столкнулась с ужасной проблемой: «Чем заняться в жизни?». Это поставило меня в тупик, меня затапливало страхом, эмоциями и слезами. Я подумала о маме, к этому возрасту она уже нашла любовь, призвание и родила. Я подумала об отце, который не появлялся после гибели, жизнь которого оборвалась, когда моя только началась.

До двадцати шести лет и триста шестидесяти четырех дней я была ребенком, играющим во взрослую. Но в день рождения я отбросила все эти детские вещи и составила список. Я хотела, чтобы жизнь была хорошей, насыщенной и богатой на любовь и гордость, и чтобы со мной случалось что-то хорошее.

Мне было все равно, сколько свиданий не удастся, сколько жаб придется перецеловать,

сколько раз придется рисковать, только бы я нашла человека, который будет оберегать мое сердце вечно.

И хотя было страшно, я собиралась основать свое агентство, и мне хотелось получить одобрение мамы.

Бабушка пришла на помощь с неожиданным предложением.

— Она может работать с Глендой по пару часов каждое утро, Сильвана.

Гленда Джексон была секретарем и центром вселенной «Веселых духов», чудесной женщиной, когда дело доходило до организации. Она была здесь, сколько я помнила, она могла оббежать весь мир в свободное время, если бы захотела. Нам повезло, что она все силы пустила на то, чтобы мы держались на плаву, и с недавних пор я была ее помощницей, когда оставила попытки найти обычную работу. Я была тут лишней. Мама с бабушкой были рады посвящать время и энергию своим сеансам, а Гленда все организовывала. Так нам было проще, а ее еще и уважали в Чейплвик, она добавляла нам нормальности, в наши призрачные дела. Она знала все в Чейплвик, и если Гленда чего-то не знала, значит, это не стоило внимания.

Отличный ход бабушки. Услуги Гленды позволяли маме знать, что я делаю, а мне — получить то, что я хочу. В этой семье долго не проживешь, пока у бабушки есть дипломатические умения, что могли уговорить Швейцарию. Мама была недовольна, но тот, кто знал ее плохо, не заметил бы этого.

Она надулась и возмутилась:

— Тебе нельзя шампанского. Сейчас завтрак.

Бабушка пожалала плечами, но не расстроилась.

— Всегда где-то пять часов, Сильвана.

Глава вторая:

— Чем я думала? Я понятия не имею, как вести бизнес. Все будет ужасно, я обречена на провал. Даже призраки будут смеяться надо мной.

Я рухнула, как мешок картошки, в потертое кресло рядом с камином в моем новом офисе и почти исчезла в облаке поднявшейся пыли. Прошло два дня после моего заявления, а я уже нервничала.

— Боже правый, Мелоди! — Марина вытащила сдутую жвачку и бросила в урну, чтобы не брать в рот ее, покрытую пылью. Моя лучшая подруга с младшей школы, Марина была близка мне и тем, что наши семьи сделали нас изгоями, хоть мы и пытались скрыть это. Ее сицилийская бабушка передала ей в наследство итальянскую красоту, а дедушкины способности к «бизнесу» привели к богатству и опасной репутации семьи Малонэ. Она потеряла девственность в девятнадцать, потому что порой вела себя так, что могла запугать и отправить в нокаут, от этого подростки нервничали.

Как только пыль со старых кресел рассеялась, она пристально посмотрела на меня, прислонившись к столу, который уже час терпеливо оттирала, превращая из безобразного в годный к использованию.

— Раз — все не так ужасно, ты не обречена на провал.

Она считала на пальцах, помогая мне.

— Два — что с того, что ты не умеешь вести бизнес? Ты быстро учишься, к тебе на два часа в день приходит Гленда Джексон по утрам. Эта женщина может покорить всю страну за

обеденный перерыв.

Я немного успокоилась, ведь она была права. Когда мы были в школе, Гленда исправила наше расписание с зорким глазом, что был опаснее, чем у Анны Винтур. И мы обе отлично сдали экзамены, потому что боялись ей перечить.

— И три, — Марина разжевала новую пластинку жвачки и выпрямила третий палец. — Кому будет известно, что призраки смеются над тобой? Они мертвы, а ты — нет, так что ты уже победила. И они не будут смеяться, когда ты засосешь их в призрачный пылесос, или что ты там будешь использовать.

Я невольно рассмеялась.

— Не это, но спасибо, — хотелось бы жить с пятью принципами Марины «не вздумай сдаваться». — Может, мне обрезать волосы, чтобы выглядеть серьезнее? — спросила я, она взглянула на меня, словно спрашивая: «Совсем уже с ума сошла?».

— У тебя всегда эта стрижка, еще со школы, — рассмеялась она. — Ты присвоила это каре, Мелоди. Да и поздно уже менять систему.

— Систему?

Она указала на меня.

— Ты всегда будешь невысокой милашкой с большими карими глазами и губами с вишневым блеском, а я всегда буду распутницей с копной волос, красной помадой и плохим поведением. Мы дополняем друг друга. Ты не можешь стричься, это ломает систему.

Это было новым подходом для меня, но я понимала, что она права. Мы десять лет улучшали свой внешний вид, мы успели выучить, как правильно себя подавать. А еще я не могла жить без вишневого блеска для губ. Он спасал меня от сахарной зависимости. Так что прическу не меняю.

Я менять облик не собиралась, но офис был недавно отремонтирован, так что выглядел шикарно. Если не считать ужасное кресло, на котором я сидела, он был вымыт, отполирован и отчищен, а я уже потратилась на новое пурпурное вращающееся кресло для клиентов и решетчатые жалюзи, что были во всех офисах, считались признаком профессионализма. Я избегала очевидного: не было техники или пальмы до потолка, не было тяжелых стеклянных пепельниц с окурками. Это место было функциональным, но видна была женская рука в вазе со свежими тюльпанами на кофейном столике в зоне отдыха. Зона отдыха! Точно! Вот тебе и зона! Хотя на деле там был лишь серый диван и старое кресло у камина и телевизора, но там ведь можно было отдохнуть? Я была нацелена на городских девушек, не хотела казаться шаманкой, изгоняющей призраков. И никакие благовония в этом офисе жечь не будут.

— Может, тебе стоило и оставить благовония, — улыбнулась Марина, а за меня ответил мой средний палец.

Она пожала плечами и отошла от стола. Послав мне воздушный поцелуй, она собралась уходить.

— На этом все. Мне пора, — я знала, что ей нужно идти присматривать за дедом, пока ее мама работала. Семья для Марины была важнее всего.

— Утром в понедельник придешь?

— Думаешь, я опоздаю на первое рабочее утро? — она закатила глаза. — Девять часов. Мы с тобой. Охотницы открываются. И это будет шикарно.

Она подмигнула и пошла к двери, сообщив, что принесет пончики, через плечо, после чего исчезла. Я слушала, как ее быстрые шаги утихают вдали, мысленно поблагодарила ее последнего начальника за то, что пару недель назад уволил ее. Я не знала подробностей, но

ее увольняли уже не первый раз, и я подозревала, что Марина была из тех, кто не любил, когда ей управляют, даже если это ее непосредственная начальница, что имела право так делать. Она не расстраивалась, ведь работала не из-за денег, а чтобы покинуть семейное гнездо. Она сама напросилась работать в агентство, и я была только рада ее обществу и поддержке.

Нас было трое. Марина, Гленда Джексон и я. Знаю, Гленда приходила всего на пару часов, но, поверьте, это нельзя было назвать неполноценной работой.

Я устала. Кресло хоть и было пыльным, но я склонила голову в сторону и закрыла глаза. Я уже видела во сне Роберта Дауни-младшего в костюме Железного человека, делающего мне колени предложение, когда кто-то кашлянул. Я не слышала, чтобы открывалась дверь, так что не открыла глаза и вздохнула.

— Если вы не невероятный красавчик с глазами цвета эспрессо и острым языком, и не влюблены в меня безнадежно, уходите.

Молчание, а потом:

— Я лысый, мне шестьдесят два, и я умер три недели назад по глупой случайности, но я сделаю вид, что это не так, если ты сядешь и выслушаешь меня.

Я застонала и открыла глаза, увидев у камина лысого старика в ярком жилете. У него были красные щеки, что было странно для мертвеца. Наверное, при жизни он выпивал.

— Я слушаю, — проворчала я. — Кто вы и что вам надо?

— Артур Элиотт, — он протянул руку, и мы усталились на нее, он медленно опустил ее, понимая, что я не могу его ладонь пожать.

— Ошибка новичка, — сказала я ему. — Что за случай?

Артур покачал головой и посмотрел на свои тяжелые ботинки.

— Работал на пивоваренном заводе. На меня упала бочка во дворе.

Это объясняло его яркий жилет. Я удержалась от вопроса, пил ли он в тот момент из бочки.

— Ладно, это объясняет, как вы умерли. Но не объясняет, что вы делаете в моем новом офисе.

Он огляделся и кивнули.

— Здесь мило.

Я видела достаточно призраков, чтобы знать, что обычно они что-то хотят. Его попытка похвалы не польстила мне. Я скрестила руки на груди и пристально смотрела на него.

— Ладно, — сказал он, поглаживая лысую голову. — Я сначала пошел вверх к Дайси, но она предложила поговорить с тобой.

— Бабушка послала вас?

Что она задумала? В моем бизнес-плане не было ее направлений призраков сюда, даже если ей некогда самой разбираться с ними.

Артур кивнул.

— Это насчет моего мальчика, Артура, знаешь?

— Вас и вашего сына зовут Артурами? — отвлеченно сказала я. — Это не мешает?

Он покачал головой.

— Жена называла меня Большим Артом, а его — Маленьким Артом. Это работало, пока он не вымахал, — он печально улыбнулся. — Но теперь в этом нет нужды. Теперь он, наверное, просто Арт.

Я с сочувствием кивнула, все еще не понимая смысла его рассказа.

— И вы пришли ко мне из-за Маленького Арта, потому что...? — я пыталась его натолкнуть на мысль, потому что глаза старика стали туманными, и я знала, что будет потом, если я не остановлю его. Он умер недавно, так что еще не привык к этой мысли, так что мог сорваться.

— Просто Арта, — напомнил он хмуро, вытирая рукой глаза, хотя не мог плакать.

Я кивнула и быстро сказала:

— Да, Арт, — можете звать меня жестокой, но если был хоть малейший шанс быстро разобраться с Большим Артом, я могла бы скорее закрыть глаза и ухватиться за сон с Робертом Дауни-младшим. Железный человек еще стоял на колене и ждал моего ответа, но он не мог задерживаться надолго.

— Ему нужна работа.

Я прищурилась, понимая, куда он клонит. Я убью бабушку.

— Арту нужна работа?

Большой Арт кивнул.

— Он ничего не знает о призраках, конечно, но он хороший, а мама беспокоиться за него. Мы беспокоимся. Потому я, наверное, застрял здесь. Стыдно, но сегодня день рождения моей матери, и я хотел удивить ее, прийти, хотя не проводывал пятнадцать лет. Здесь устраивают вечеринки?

Я пыталась уловить смысл разговора.

— Боюсь, я немного не понимаю.

Он вскинул брови.

— Твоя бабушка сказала, что ты поймешь. Тебе ведь нужен кто-то, кто будет носить сумки и делать чай? — Арт смотрел на меня умоляюще, хоть и был мертвым алкоголиком. — Не нужно платить ему много, его мама хорошо его кормит. Просто ему нужна работа и небольшой доход, чтобы он был рад. Других желающих, может, и не найдешь.

— Слушайте, Большой Арт, — я старалась говорить вежливо. — Если бы я искал помощника на рынке, Арт был бы первым в очереди, но это не так. Но я буду помнить о нем, ладно?

Он помрачнел.

— Я подвел его. Единственный сын, а я бросил его, так ведь?

— Не вините себя, — попросила я. — Это неудача. Такое нельзя предсказать.

Он обхватил руками голову.

— Было ужасно больно.

— Представляю.

— Запишешь его имя на всякий случай?

— Я запомню. Младший Артур Элиотт.

— Ты не знаешь, где он живет.

Я встала с кресла и села за стол, открыла там выдвижной ящик. Марина положила туда все необходимые предметы. Чистый блокнот А4 в линию был готов к работе. Заточенные карандаши. Новый ластик. Ряд синих, черных и красных ручек. Как я ее люблю.

Я схватила блокнот и карандаш и записала «Артур Элиотт» на первой строке. Большой Арт продиктовал мне адрес, я улыбнулась, карандаш замер. Мне нравилось писать за столом, так казалось, что я за работой.

— Я должна знать что-то еще? У него есть какие-то навыки?

Я пожевала конец карандаша и посмотрела на Большого Арта, а он сдерживал слезы.

— Никаких, — прошептал он.

— Никаких? — повторила я громче. — Даже работать по дереву не умеет?

— Чертовы хулиганы! — вырвалось у Большого Арта. — Мой Арти мягкий, а они не могла оставить его в покое. Он всегда оказывался в стороне. Мы с его мамой ничего не знали, пока нас не вызвали, чтобы узнать, почему он прогуливает.

— Над ним издевались?

Большой Арт кивнул.

— Из-за пустяков. Прыщи, рост. Ты знаешь, как это — бросаются как собаки на кость. Ему было бы все равно, будь у него друг, но он никак никого не найдет.

Никто не понимал одиночества изгоя лучше меня. Если бы у меня не было Марины, моя жизнь в школе была бы такой же, как у Маленького Арта. Я посмотрела на печального краснощекого мужчину перед собой и достала из ящика еще чистой бумаги.

— Сядьте, Арт.

Через полчаса он изменился. Вместе мы написали письмо Артуру Элиотту-младшему, предлагая ему место помощника, заявляя, что его рекомендовали, и что он должен прийти на собеседование к Мелоди Биттерсвит, владелице «Агентства охотниц на призраков» на улице Чейплвик. Из-за названия мы с Мариной спорили неделю. Она настаивала на этом варианте хотя я все еще боялась, что клиенты будут ожидать от нас ужасные белые объемные костюмы и засасывание призраков в колбу за спиной.

Большой Арт просиял, когда я сложила письмо пополам.

— Маленький Арт любит Гарри Поттера, так что ему понравятся эти загадки.

— Боюсь, у меня нет совы, чтобы доставить письмо, — сказала я, облизнула марку и приклеила на конверт.

Большой Арт передо мной таял.

— Похоже, вы успеете на день рождения матери, — прошептала я.

— Присмотри за ним за меня.

— Постараюсь, — сказала я, отогнав жалость. Я положила письмо на лоток для исходящих писем, чтобы потом отправить. Только посмотрите, что я использую! Я замерла на миг, наслаждаясь ощущением работы за столом в первый раз, а потом схватила конверт и нацарапала: «Руководство с сожалением сообщает, что приносить с собой рептилий запрещено» внизу красными печатными буквами. Обещаю, что если Артур Элиотт придет с питоном, он не пройдет во входную дверь.

Глава третья:

— Я забыла пончики.

До девяти утра оставалось две минуты, я с ужасом посмотрела на Марину и уткнулась головой в стол.

— Мы обречены.

Она рассмеялась и вытащила милую винтажную банку для печений от Амаретти Вирджиния из большой сумки и сбросила жакет.

— Это сойдет? Нонна приготовила их только этим утром специально для тебя.

Я радостно застонала:

— Я люблю твою бабушку сильнее своей. Моя в лучшем случае приготовит липкие

булочки на занятии, — я подняла крышку блестящей лаймово-золотой коробки и радостно посмотрела на сияющее чудо — глазированные булочки Нонны Малонэ.

Я с довольным видом втянула воздух.

— Лимон?

— Булочки с лимонным ликером.

Небесные ароматы, что пропитывали дом Марины, наполнили офис, успокаивая. Я задумалась, не рано ли начинать поедать сладкое в девять утра. Марина решила за меня, опустив крышку на место и отодвинув коробку подальше от меня. Она хорошо меня знала: я не могла остановиться, когда дело касалось сладкого. Я радостно съела бы всю коробку, а потом валялась бы под столом.

— Что-то слышно от Маленького Арта?

Я покачала головой.

— Нет. Но прошло всего два дня, если не считать выходные.

— Наверное, то письмо испугало его. Если он что-то понял, он прячется сейчас в чулане под лестницей, — улыбнулась Марина, устраиваясь в кресле, что уже было очищено от пыли. Она пришла на работу в черных узких джинсах и шифоновой блузке в черный горошек, ее темные волосы волнами ниспадали на плечи. Я посмотрела на свою одежду: джинсы цвета индиго и футболка с длинными рукавами синего и белого цвета. В последний миг я накинула на шею красный шарф, и, между нами, я думала, что мы похожи на парижских девушек. Разница между нами была лишь в том, что Марина несла себя на высоких каблуках, а я — на плоской подошве. В моем шкафу было полно балеток и кедров, и это радовало меня больше, чем других женщин — шкатулки с драгоценностями.

— Разве предложение пугающее? — было сложно судить, ведь мое понимание странного было сформировано в странной семье.

Лицо Марины говорило «да, это самое страшное и странное письмо, что получали в Чейплвике».

— Ты работаешь здесь, и ты нормальная, — возразила я, хотя Марина не была такой уж правильной. Она не ответила, я прищурилась и подумала. — Гленда! — я прокричала ее имя. — Гленда нормальная.

Смех Марины сочился сарказмом.

— Гленда невероятная. И под ее одеждой точно есть облегающий костюм супергероини.

Кстати, о Гленде Джексон. Она — лиса. Seriously. Рыжие волосы и выдающаяся грудь. Нам приходилось держать ее подальше от пожилых мужчин, чтобы она не собирала их на месте, чтобы у этого места не было пошлой репутации.

Мы подскочили, когда кто-то легонько постучал в дверь.

— Боже, надеюсь, это не Гленда. Если она услышала меня, она проглотит мою голову, не жуя, — прошептала Марина.

— Не должна. Она начнет со следующей недели. Я попросила об этом бабушку, чтобы мы хоть могли делать вид, что знаем, что делаем.

— Неделя?

А в дверь снова тихо постучали, и Марина поднялась и ответила, уперев руку в бок.

— Агентство охотниц на призраков. Чем могу помочь?

Звучало бы профессионально, если бы она не жевала жвачку в стиле подружки-проститутки Джулии Робертс в «Красотке». Впрочем, она была на нее и похожа... только не

была проституткой.

— Можно поговорить с Мелани Свитбиттер?

— Мелоди Биттерсвит, — исправила Марина. — О каком разговоре может идти речь, если вы не можете правильно произнести ее имя?

Я кашлянула и подошла к Марине. Мы смотрели на высокого неуклюжего парня на пороге, а он стал цвета свеклы, пока рылся в кармане плохо сидящего пиджака. Он вытащил письмо, которое я узнала, и с дрожью раскрыл его. Артур Элиотт. Он казался юной, бледной копией своего краснощекого отца.

— Мелоди Биттерсвит? — сказал он, нервно поглядывая на нас.

Марина кивнула на меня, а я шагнула вперед и протянула руку.

— Я Мелоди, — я старалась говорить уверенно, пока пожимала его потную руку. — Ты, должно быть, Артур. Заходи.

Я отошла, чтобы впустить его. Пришлось отодвинуть за локоть Марину, ведь она осталась на месте, закрывая проход.

— Разве у нас нет пароля? — прошипела она мне, Артур протиснулся мимо нас.

— Например? — сказала я уголком рта.

Она пожала плечами и закрыла дверь.

— Не знаю! Пончики? Булочки с лимоном?

Я сдержала смех.

— Веди себя прилично. Ты распугаешь людей.

— Сказала та, что видит мертвых.

Артур замер у стола, глядя на нас глазами размером с футбольные мячи.

— Я не вовремя? — паника в его шепоте показывала, что он был уверен, что пришел не вовремя, и был готов немедленно уйти.

— Нет, нет. Садись, Артур. Ты как раз вовремя.

— Да? — он был потрясен слышать, что успел на встречу, о времени которой и не знал.

Марина подошла и выдвинула стул для Артура. Он сглотнул, словно стул был электрическим, опустил свое долговязое тело туда, облизнув губы.

— Воды? — предложила я, заняв свое место за столом. Парень кивнул. Я не удивилась. Он, казалось, мог упасть в обморок. — Марина, можешь принести Артуру стакан воды?

— С виски? — пошутила она, посмотрев на него. Он медленно покачал головой.

— Я пью лишь пиво. Две банки по пятницам с папой, — в его глазах вдруг появились слезы, Марина была потрясена. Я опустила взгляд и дала ему секунду собраться.

— Вода, — напомнила я Марине, и она хлопала Артура по плечу и отправилась на поиски стакана. Такой была Марина. Она полна остроумия, всех веселит, но внутри она была сентиментальной. Она сидела рядом со мной и рыдала, когда Кейт Уинслет доставала старика из бассейна, пока я обхватывала горло и делала вид, что подавилась попкорном. Вы поняли мысль.

— Вы отправили мне письмо, — сказал Артур, глядя на свои колени.

— Да. Я слышала, что ты можешь подойти для работы здесь.

Он вскинул голову, но по его глазам я видела, что он мне не верит.

— От кого слышали?

Ой. Черт. Я не могла рассказать ему, что ко мне приходил его отец и просил нанять его на работу, так ведь?

— От... друга? — попыталась я, его взгляд стал еще тревожнее. Ах, точно. У него нет

друзей. — Эм... от учителя?

Он покачал головой, и я вспомнила слова его отца о проблемах Артура.

— В общем, не помню, — сказала я, помахав рукой. — Поговорим о работе, а там я и вспомню.

Он все еще с тревогой смотрел на меня.

— Работы не много, — сказала я, ведь даже не знала еще, что ему поручить. — Помогать здесь, ходить со мной на задания в... поле.

Он смотрел на свои сияющие черные туфли.

— Мне нужно будет купить резиновые сапоги?

Я нахмурилась.

— Для полей, — объяснил он.

— О! Нет... — я улыбнулась. — Прости, Артур. Нет, в поле — то есть в дома клиентов или в здания, где есть проблемы.

— Не в поля?

Я покачала головой.

— Не в поля.

Он провел пальцем по внутренней стороне воротника рубашки и благодарно принял стакан воды от Марины. Он опустошил его одним глотком и отдал ей пустой стакан.

— Спасибо, — сказал он.

— И тебе не нужно носить костюм, — улыбнулась я. — Мы предпочитаем обычную одежду, — я напоминала заметки из учебника по ведению дел из семидесятых.

Марина кивнула.

— Да, обычную. Платья в пятницу. Розовое по средам. Голые вторники!

Она вскинула руки и явно не понимала, что запугивала бедного Артура. Он подавился.

— Она шутит, — быстро сказала я. — Она все время такая, ты привыкнешь. Я привыкла.

— Письмо... там было о призраках, — сказал Артур, обретя голос.

— Верно, — сказала я. — Агентство новое, но наша цель — помогать людям, которым кажется, что их дома, как бы лучше сказать, захвачены призраками.

— И мы... что делаем?

— Ну, — я взглядом предупредила Марину, что говорить буду я. — Входим, ищем призраков, и если они там есть, мы узнаем, чего они хотят и решаем проблему, чтобы они ушли.

Артур не отводил от меня взгляда.

— Как мы узнаем, есть там призраки или нет?

Я прочистила горло.

— Ладно. Только не пугайся. Я их вижу.

Он вздрогнул и посмотрел на меня так, словно у меня выросла еще одна голова.

— Специальными очками?

Я покачала головой.

— Нет, Артур. Своими глазами. И слышу своими ушами. Я нормальный человек, как и ты, но я могу видеть и говорить с мертвыми.

Я говорила негромко и размеренно, и он все понял.

— Вы тоже? — он посмотрел на Марину, а та расхохоталась.

— Нет, глупый. Здесь с таким умением только один Брюс Уиллис.

Артур сделал паузу.

— Знаете, что в том фильме мертвых видел не Брюс Уиллис?

Мне понравилось, что ему хватило смелости исправить Марину. Может, он не безнадежен. Он посмотрел на меня, и я не упустила надежду в его глазах.

— И вы научите меня их видеть?

— Боюсь, этому нельзя научить, — осторожно сказала я. — Ты или можешь, или нет. Я не выбирала эту способность. Я просто могу. И вся моя семья может.

Артур выглядел так, словно в его голове погасили лампочку.

— Так вы как Лео Дарк из телека?

Я подавила желание зарычать.

— Не совсем, нет, — я вздохнула и сказала. — Немного похожи. Но я намного лучше

— Да, — вторила Марина. — Она видит их всюду и постоянно. Ты к ней привыкнешь, — мило улыбнулась она и добавила. — Я привыкла.

И вдруг Артур широко улыбнулся, словно засияло солнце.

— Вы смешные.

Марина подняла воображаемую чашку.

— К вашим услугам каждый день.

Я смотрела ему в глаза и тщательно подбирала слова.

— Ну? Что скажешь, маленький Арт? Хочешь тоже быть здесь каждый день?

Он застыл, медленно поднял письмо и спрятал во внутренний карман пиджака, пока думал над ответом. Когда он поднял голову, глаза выдали ответ раньше, чем рот.

— Да.

Я широко улыбнулась и пожала его руку. В этот раз его ладонь не была потной, а улыбка была искренней.

Марина проводила его до двери и тоже пожала руку.

— Увидимся утром, — сказала она, похлопав его по руке. — Ты волшебник. Артур.

Он замер и нахмурился.

— Я — ученик-охотник на призраков, а не волшебник.

Марина закатила глаза, я опустила голову, скрывая улыбку. С этими двумя тут не заскучаешь.

Марина закрыла дверь и прижалась к ней спиной.

— Ставлю десять фунтов, что он не придет, — сказала она.

— Придет.

Я видела перемену в нем, когда я назвала его маленьким Артом. Он знал, кто порекомендовал его для работы, он не хотел подводить отца.

Я схватила коробку булочек Нонны и подняла крышку. Запах был таким сильным, что было удивительно, как булочки еще не парили.

Марина порылась в сумке и вытащила пачку сицилийского черного кофе.

— Перерыв?

Я кивнула и рассмеялась.

— Голые вторники.

* * *

Пятнадцать минут спустя мы пили кофе, и я пыталась решить, отправит ли третья булочка меня в сахарную кому, когда Лео Дарк эффектно взмахнул на экране своим смокингом.

— Кто-то должен сказать ему не красть фишки Шерлока Холмса. Он не Бенедикт

Камбербэтч, — скривила губы Марина, и я любила ее верность.

Я решила, что телевизор в офисе — нужная покупка, чтобы смотреть новости и прочее. Мы точно не собирались смотреть там утренние передачи и повторы «Зачарованных». Серьезно. Но после того как придет Гленда Джексон. Я схватила пульт и сделала громче, чувствуя, как начинает покалывать спину, пока мы смотрели на готическое викторианское здание, которое я смутно узнала.

— Я знаю это место, — Марина отряхнула джинсы от крошек. — Это за окраиной города. Бримсдейл Роуд, вроде?

Я кивнула, слушая, как владелец жалуется, что не может держать работников там, потому что ему докладывают о появлениях призраков в доме Скарборо. Лео кивал, хмурясь в нужных местах, пока слушал Донована Скарборо, а тот ворчал, что унаследовал дом, а теперь не может из-за этого его продать. Покупатели могли изменить место в дом престарелых, но те легко пугаются, потому сначала нужно заявление, что это место свободно от призраков. Он говорил с плохо скрываемой насмешкой.

Знаете чувство, когда инстинктивно не нравится кто-то, но причины назвать вы не можете? Вот так у меня было с Донованом Скарборо. Он напоминал городского банкира с животом, раздувшимся после ужинов с клиентами, в костюме и сияющих туфлях и с не менее сияющим лицом. И мне казалось, что его осветленные волосы и искусственный загар не шли ему. Он мог быть страшным братом Питера Стрингфеллоу.

Смокинг Лео развевался на ветру, он повернулся к камере и отметил, что ситуация невероятно деликатная, а потом пригласил нас смотреть в следующий раз, кто случится, когда он в прямом эфире пойдет в дом, чтобы найти источник проблем.

Я выключила телевизор и с восторгом посмотрела на Марину.

— Ты думаешь о том же, что и я?

— Что мне нужно спрятать булочки для твоего же блага?

Я послала прощальный поцелуй коробке, и она забрала ее.

— Нет, — я встала и схватила ключи от машины. — Что нам нужно спешить на Бримсдейл Роуд.

Глава четвертая:

— Поверить не могу, что ты это купила.

Лицо Марины прекрасно отражало отвращение из ее голоса, пока она садилась на пассажирское место деловой машины, что я купила для агентства. Ладно, может, я и привираю. Это было больше похоже на спасение машины от дробилки. Мягче всего машину можно было описать винтажной, форд транзит 1973 года, но точнее было описывать машину странной клячей. И все же я считала машину очаровательной, и минусы в работе заслоняли для меня рисунок выцветшего лимонного леденца и двойной цвет машины. Марина же была итальянкой. Она была из страны огненно-красных Феррари, белых ламборджини, и она чуть не рухнула от шока, увидев мою машину.

— Не знаю, что тебе не нравится, — я застегнула ремень и похлопала осторожно по деревянной панели, только чтобы она не отвалилась. — Здесь куча места для всех наших вещей, а сидения — настоящая кожа. Наверное.

Марина безмолвно провела пальцем по трещине в темном пластиковом сидении. Я затолкала обратно в трещину набивку и улыбнулась.

— Будет в миллион раз лучше, когда на боку нарисуем наш знак.

— У нас есть знак?

— Еще нет, — сказала я, но все еще бодро, ведь нам маячила первая работа в доме Скарборо. — Артур похож на художника. Поручу ему первое задание утром.

— Только так можно ухудшить машину еще сильнее — дать Артуру разрисовать ее краской для плакатов, — Марина опустила зеркальце, чтобы проверить идеальную красную помаду, и вздохнула, обнаружив дыру там, где должно было находиться зеркало. — Я нарисую.

— Ты? — я вставила ключ и завела с шумом двигатель. Я полагалась на предложение Марины, ведь она умело рисовала, но пусть она думает, что это была ее идея, а не моя.

Она прищурилась.

— Не старайся меня обмануть, Биттерсвит. Ты знала, что я скажу это.

Я рассмеялась, и мы вскрикнули, когда машина резко разогналась и помчалась по улице, как ракета.

— Ну, Мелоди! — Марина убрала пряди прилипших к помаде волос. — Ты хоть водить этим умеешь?

— Булочка крутая, тебе нужно просто привыкнуть к ней, — я сбавила ход, двигатель притих, скорость стала приятнее. — Видишь? Идеально.

Она замолчала, краем глаза я видела, что она смотрит на меня.

— Ты назвала машину Булочкой?

— Только что придумала.

— Можно узнать причину?

— Она напоминает мне булочки с лимончелло Нонны. Она красивая, лимонная и опасна для нашего здоровья.

— Она пахнет иначе, — сморщила носик Марина. — Пахнет волосатым механиком.

— Последние десять лет она провела в грязном дворе волосатого механика. И под выцветшей желтой краской прячется сердце Булочки, нового члена агентства.

Марина покачала головой, а мы остановились на светофоре.

— Булочка, ага, — она с надеждой покрутила регулятор отопителя.

Я посмеялась над ее оптимизмом, я управлялась с рычагом, а потом махнула на радио, что не работало годами.

— Можешь настроить нам навигатор на Бримсдейл Роуд?

Она тихо рассмеялась и вытащила свой телефон. Она прятала его в лифчике с пятнадцати лет, считая это самым безопасным местом в ее переполненном доме. Между нами, Марина — не плоская доска. И я не один раз получала от нее звонки из лифчика, пока она восхищенно смотрела снукер. Не судите ее, фобия у нее с детства, проведенного с любимым папочкой, Нонно, как она называла его.

Пальцы Марины порхали по клавиатуре телефона, через миг я скривилась, когда крики Шэрон Осборн заставили меня повернуть влево.

Пятнадцать минут спустя мы тихо двигались по Бримсдейл Роуд, так мне казалось. Булочка скрипела и пытала, как связанная корова, нас трясло всю дорогу, и мы каждый раз при рывке надеялись, что не оставим ржавый кузов на шоссе.

— Нам туда, — прошипела Марина, указывая на огромный дом и сползая по сидению.

Я взглянула на нее.

— Выпрямись! Ты привлечешь к нам внимание.

Марина рассмеялась.

— Ага. Точно. Привлеку. Иначе ведь Булочку никто не заметит?

Я повернула на парковку чуть дальше от нужного дома. Поведение Марины ни на что не влияло, ведь мы не могли привлечь внимание, оказавшись между большим черным джипом съемочной группы и машиной Лео.

— Думаю, они готовятся уезжать, — прошептала я, глядя, как оператор пакует свое оборудование. Я отвела взгляд, чтобы булочки остались во мне, его работа требовала много наклоняться, а он ужасно подобрал одежду, открывающую волосатую щель у штанов на спине. Марина выглянула на дом.

— Будем ждать?

Я постучала короткими синими ногтями по краю большого руля и старалась думать как деловая женщина, а не как обычно, сумбурно.

— Можешь открыть бардачок? — кивнула я на панель.

Марина нажала кнопку, ничего не случилось.

— Заклинило, — она нажала еще раз, как нетерпеливый ребенок, а потом надулась, когда ничего не вышло. — Булочка против.

Я отогнала ее руку.

— Думаю, Булочке просто нужна тяжелая рука, — я ударила дверцу бардачка, и она открылась. — Видишь? — я вытащила из глубин свой волшебный шар.

— Серьезно? Так ты будешь принимать решения?

Марина была более чем знакома с моей верой в волшебный шар. Странно, что она удивилась.

— Я почти все важные решения в жизни так принимала. Зачем менять?

— Эм, потому что так ты похожа на тринадцатилетнего подростка, а не платящую налоги взрослую?

Я вспомнила лиловые волосы и готский макияж, что был в меня в тринадцать.

— Я была неотразимой тогда, и ты это знаешь, Малонэ, — тряхнув шар я посмотрела на него. — Мне нужно платить налоги?

— Без понятия, — пожала плечами Марина. — Оставь этот вопрос Гленде Джексон.

— Там уже большой список. Шесть альбомных листов.

Мы посмотрели в окошко волшебного шара, пузырьки медленно рассеялись.

— Сколько раз я тебе говорила не трясти его?

— Привычка, — вздохнула я. Я знала, что трясти шар нельзя, им нужно взмахивать, иначе там появлялась пена, как в стиральной машине, но мне нравилось ожидание, пока пузырьки рассеивались, открывая ответ. Очень нравилось. Только так я успевала представить, что оттуда доносится низкий загадочный голос моего личного гения. Или не так. Если я хочу пользоваться им во взрослых делах, что меня пугали, лучше делать это в тишине и притвориться, что мысли мои.

— Отлично, — я передала шар Марине. — Шар говорит «да». Спрячь обратно.

Она посмотрела на бардачок и ловко ударила каблуком, рассмеявшись, когда дверца открылась, а потом она так же включила отопление.

— Ты права. Булочка любит, когда грубо.

Я покачала головой.

— Больше уважения к старшим. Ты — каратист, ударивший пенсионера.

Марина захлопнула бардачок.

— Но ты убила ударом раньше.

— Ладно тебе. Я принесла в жертву старушку и спросила совета у Богов шара. Пора за работу.

Я выпрыгнула из Булочки и закрыла дверь с пылью, показывающей, что машина держится на краске, ржавчине и удаче.

— Сначала пройдемся, осмотрим все, — сказала я, Марина вышла на укрытый листвой тротуар и коснулась моей руки.

— Нужно было взять плащ, — она потерла мою руку.

— Почти май, ты что? — я подошла к ней и ее искусственному меху, мы пошли беспечно по тротуару. Оператор, к счастью, уже закончил и скрылся в машине, так что мы делали вид, что просто гуляем поздней весной. — Значит, это машина Лео, — я кивнула на джип с тонированными окнами и номером «ДарКинг1», что показывал его эгоизм.

— Я бы не догадалась, — Марина закатила глаза, увидев номер. — Можно поточить ногти о его машину?

— А что такого?

Она вздохнула и похлопала меня по руке.

— Он в списке тех, кого я хочу убить.

— Знаю, — успокоила ее я. — Я пытаюсь его простить, так что и ты попробуй.

Она фыркнула.

— Я злюсь.

— Ты из Сицилии. Конечно, это так, — я повела ее дальше. — А это того Скарборо, владельца дома? — мы прошли мимо дорогой белой машины, что выпирала на тротуар. — Он паркуется так, слово ему плевать на всех.

Марина заглянула в окно и с отвращением сморщила носик.

— Он курит, как дымоход, а потом скрывает запах жвачкой.

Она уже вела себя в стиле детективной игры «Клуедо», и я решила проследить, что она не купит газету и не вырежет в ней дырки для глаз.

— Если мертвых мы будем анализировать так же хорошо, станем миллионерами.

Мы подошли к дому Скарборо, окруженному старыми розовыми кустами и цветущим деревом.

— Шш, — Марина прижалась к ограде, задев дерево. — Я слышу голоса.

— Нам не нужно так прятаться. Мы не делаем ничего плохого, — сказала я, убирая лепестки вишни из волос. Я взглянула на нее, у Марины была такая же цветочная корона. Мы напоминали невест. Но это не очень радовало.

Я стряхнула цветы с ее головы и потащила ее на тротуар.

— Идем. Делай вид, что ты нормальная.

— Сказала та, что говорит с призраками.

— Это нормально для меня.

Я замедлилась, мы вышли из-за растений. Дом Скарборо был мечтой продюсеров на канале Дом. Он напоминал супермодель, что не выспалась, потрепанный, но с прекрасной структурой, манящей потенциалом. Такой дом был кошмаром нетерпеливому Доновану Скарборо, ведь он терял шансы получить деньги. Мы увидели кого-то в дверях дома.

— Это он. Скарборо, — прошептала Марина. Я знала, я видела его по телевизору.

— Хмм, — я пыталась понять, с кем он говорит, но отсюда не было видно. Что теперь? Разрывая тонкий лепесток, я перебирала варианты. А: мы пойдем смело по дороге и

предложим услуги. Б: продолжим тут жаться в стиле безумных беженцев из культа цветочных детей. В: что-то среднее. Мне нравилась середина, это было удобнее всего. Я надеялась, что со временем стану увереннее, чем сейчас. Дайте пару месяцев, и я буду смело ходить к клиентам, а не жаться десять минут на входе.

— Сначала стряхнем цветы с волос, потом приблизимся, чтобы его слышать.

Мы согнулись, тряхнули волосами, и я рассмеялась, когда мы переглянулись, потому что волосы Марины встопорщились, став в два раза объемнее.

— Теперь ты как из рок-группы 80-х.

— А тебя словно ограбил певец из рок-группы 80-х, — парировала она, кивая, а потом пригладила пальцами мои волосы. — Идеально.

Я слышала разговор лучше теперь, ведь мы были ближе.

— Кому-то не повезло, — прошептала я, стараясь разобрать слова.

— Он кричит на Лео?

Мы придвинулись ближе.

— Мамбо-джабмо, хлоп-шлеп...

Это я слышала ясно. Скарборо был не в лучшем настроении, общительность пропала вместе с камерой.

— Заканчивай уже бормотать и очисти это место от всего, кроме мебели, понял? Хотя можешь и это барахло забрать. Это место будет домом престарелых, как только я избавлюсь от всего этого ужаса.

— Слово «дух» произносить можно, — донесся презрительный голос Лео, мы приближались к двери по неровной дороге. Я беззвучно рассмеялась, что Скарборо разозлил Лео словами о барахле сильнее, чем о бормотании. Они стояли спинами к нам, и мы могли подслушивать незамеченными. — Или призрак, если вы смелый. Мы ведь не торговца наркотиками обсуждаем.

Мы приблизились вплотную, и Марина постучала Скарборо по плечу, громко сказав:

— Бу! — и он чуть не выпрыгнул из дорогого костюма, выругался, как моряк.

— Господь всемогущий, — он взял себя в руки и развернулся к Лео. — Что это? Дешевая попытка напугать меня, чтобы я больше заплатил?

Лео не ответил сразу. Он быстро менял выражения лица от «привет, бывшая, которую я бросил, о, и мстительная подружка с тобой» к «не подходи ближе, это работа Лео Дарка». Так я читала перемены в его взгляде.

— Да вы шутите, — ровно сказал он, глядя на меня, а не на Скарборо. На пару секунд я потерялась в его глазах, как случалось со многими, ведь взгляд его очаровывал. Цвет колы с жженым сахаром. Глаза его прищурились с подозрением. Он не всегда смотрел на меня так. Эти глаза улыбались мне, хотели меня в прошлом. Наши жизни были много лет переплетены. Лео Дарк учил меня водить на своей первой машине, мне было семнадцать, ему — девятнадцать, и я помнила, мы много времени провели на заднем сидении той машины. Он не всегда был таким самовлюбленным, это программа испортила его. Дайте человеку микрофон и дизайнерскую одежду, и он будет думать только о себе, забыв об остальных вокруг. И опять я заставляла себя взять себя в руки, ведь я не могла впустить его в свое сердце дважды. Он ушел внезапно, встал с кровати, где оставалась я, и уехал в Лондон, едва его пригласили на ТВ. Если бы он написал мне письмо, там было бы что-то вроде: «Спасибо за пять лет, Мелоди, они были веселыми, но бесцельными, так что я бросаю тебя, как камень, чтобы следовать за судьбой на золотых улицах Лондона. С любовью, Лео

(прибереги письмо, моя подпись скоро будет стоять целое состояние)».

— Лео, — я кивнула и повернулась к Скарборо. — Мистер Скарборо, я видела вас утром по телевизору и пришла предложить помощь.

— В моей передаче, — заявил Лео и встал плечом к плечу со Скарборо, создав стену, что не пускала в дом. — Спасибо, но, боюсь, у нас нет времени на зевак.

— Зевак? — фыркнула Марина, и я впилась в ее руку, пока она не ударила его.

Глядя на Скарборо, я вежливо улыбнулась:

— Я Мелоди Биттерсвит, хозяйка агентства охотниц на призраков. Мы — местные специалисты в этой области, мистер Скарборо, и я думаю, что могу вам помочь, — раньше я бы считала себя предательницей, забирая работу у Лео, но теперь... Что было, то прошло. Он потерял право на мою верность, когда бросил. Говорили, что сложное — это любовь, война и ловля призраков. Точнее, я так говорила, если он меня не исправлял.

— У него есть вся помощь, — сказал Лео. Глаза его пылали злостью, это не вязалось с ровным тоном голоса.

— Это мне решать, — процедил Скарборо, и я заметила брешь в их отношениях, которую хотел скрыть Лео.

— Может, мы и не из телевидения, — начала я.

— И не в глупых костюмах, — шепнула Марина, губы Лео скривились.

— Но, обещаю, что знаю, что делаю, так что могу справиться быстро.

Я смотрела на Скарборо, хотя Лео явно хотел вмешаться. Он мог вполне поднять руку, словно просил учителя заметить его. Он с трудом прятал все за показным спокойствием Шерлока. И положил ладонь на руку Скарборо.

— Донован. Можно называть вас Донни?

— Нет.

Лео замолк на секунду и продолжил:

— Донован.

— Мистер Скарборо.

— Ладно, мистер Скарборо, я пришел с высокими рекомендациями и поддержкой профессионалов, — Скарборо оглянулся на Лео и упомянутых профессионалов, но мы увидели там лишь двух светловолосых женщин в холле за ними. Одна держала шляпу Лео, другая — его портфель, они были в одинаковых черных мини-юбках и красных туфлях. Но одинаковой была не только одежда, а все в них. Они были идентичны.

— Черт возьми! Это пугает, — выдохнула Марина, я могла лишь согласиться. Лео, казалось, заполучил близняшек-барби.

— У меня есть команда, — возразила я, кашлянула громче, ведь понимала, что словно пыталась звучать как Мартин Лютер Кинг. Все четверо посмотрели на мою команду — Марину — по-разному. Скарборо был ошеломлен, глаза девушек были пустыми, а Лео насмеялся.

— Марина Малонэ — команда?

Я спокойно кивнула.

— Марина в моей команде, да, как и остальные. Мистер Скарборо, — я повернулась к владельцу дома. — В этой области мою семью давно знают и уважают, и я могу предложить вам такие услуги.

— Ты не думаешь, что эти люди справятся? — он кивнул на Лео.

Я не посмела посмотреть в сторону Лео.

— Нет. Я говорю, что я лучше.

— Черт! — Лео сорвал с себя смокинг и махнул на близняшек, словно злой тореадор.

— Так? — я подняла голову. — Но Исаак думает иначе.

— Исаак? — Скарборо растерянно нахмурился.

Я скрестила руки на груди и кивнула. Я боялась, что начну усмехаться.

— Исаак. Ваш великий дядя.

— У меня нет дяди Исаака... — Скарборо неуверенно притих.

— О, да. Есть. Точнее, был. Он умер почти пятьдесят лет назад, но стоит прямо за вами.

Близняшки ожили, бросили вещи Лео на пол и помчались прочь из дома. Марина вскинула брови, торжествуя и глядя на Лео. Тот сглотнул и уже не был так уверен в себе, пока смотрел за плечо Скарборо.

— Я знал это. Не хотел вас пугать.

Скарборо был потрясен, обеими руками он пригладил волосы.

— Не знаю, что вы творите, но дело такое. Этот дом пугает всех, кто входит в него, включая меня. Всегда, — он оглянулся на холл и задрожал. Думаю, Марина о нем говорила верно, он не был рад унаследовать дом Скарборо. Как можно было не видеть потенциал этого места, продавать его, лишь бы поскорее избавиться, для дома престарелых? — Мне плевать, кто его очистит, но заплачу я одному. Но пока не будет результатов, не будет ни монеты.

Он вытащил ключ из кармана жилета.

— Вот. Задняя дверь.

Я сдержала вопль радости, он отдал ключ мне, а другой, с надписью «Входная дверь» отдал Лео.

— Старайтесь. Победитель получит все. Двигайтесь, ведь каждый день делает мне только хуже.

Мы с Мариной отошли с его пути, он умчался, а Лео вышел на крыльцо и встал рядом со мной.

— Дядя Исаак попрощался, — крикнул он Скарборо, тот замер, словно думал об ответе, но пошел в машину, не оглядываясь.

— Лжец, — прошептала я, мы оба знали, что Исаак сказал нечто более опасное.

Он не отрицал.

— Что ты здесь забыла?

— Это моя работа.

— С каких пор? — фыркнул он. — Насколько я помню, твоя семья передает послания о пропавших кольцах и прочем барахле.

Я ошетибилась из-за его слов о маме и бабушке. Пропавшие кольца и прочее могли не казаться важным всем, но человеку, который приходил за помощью, это было важно. Они получали послания, что хоть человека уже нет рядом, его любовь осталась. Что умершие знали, как человек плачет перед сном, потому что не может найти важное кольцо, забыл выставить банки, потому что не привык так делать. Простые вещи были важны, и Лео Дарк, тоже видящий призраков, должен был понимать это. Я хотела побить его, но решила не спешить. Я не дам Лео Дарку вывести меня из себя в первый рабочий день. Лучше наоборот.

— Ты будешь красоваться по телевизору, но это я решу это дело, — я спрятала в карман ключ и весело улыбнулась, а потом взяла Марину за руку и пошла по дорожке, оставив его наедине с мыслями.

— Вот так, — прошипела Марина. — Пусть боится нас!

— Это вряд ли, — отозвалась я уголком рта. А она, наверное, вела себя так и в утробе матери. Я качнула бедрами и, вроде бы, услышала смех Лео. Мы были на улице и спешили к Булочке. — У тебя ключи, — сказала я, зная, что Лео все еще смотрит. Марина порылась в сумочке и вытащила их, приставила к Булочке, открывая вымышленный замок, а потом отдала мне.

— Еще раз.

Я сунула ключ в дверь и повернула.

— Скажем Артуру, чтобы осмотрел и это.

Я не успела закрыть дверь, Лео подошел к Булочке и положил руку с весельем на капот.

— Поверить не могу. Ты купила «Чудо-машину».

— Уйди, — и слова сорвались с губ раньше, чем я поняла их. — Булочка — винтажная классика.

— Булочка? — если слово могло быть заряжено таким количеством насмешки, то я его слышала.

Марина была рядом со мной, она потянулась через меня и положила рядом с его рукой новую визитку, а потом вернулась на место и пригладила волосы.

Лео вскинул брови, прочитав визитку, перевернул ее.

— Агентство охотниц на призраков? А это не похоже на... — он пожал плечами, усмехаясь, — Скуби Ду?

— Только не начинай, ладно?

Лео спрятал визитку в карман.

— Пенелопа Питстоп?

Девушки-барби за ним посмеялись, хотя точно не знали, о ком он. Я впилась в руль и склонилась, чтобы видеть его.

— Кстати, дамы, Пенелопа Питстоп опережала свое время. Ездила на быстрых машинах и побеждала парней.

Я завела двигатель, Булочка дернулась к веселью Лео. Марина выстрелила из воображаемого пистолета в Лео, подула на них, и мы уехали, оставив их смотреть нам вслед. Мы завернули за угол, она съехала на сидении, дрожа от смеха.

— На быстрых машинах?

Я оглянулась на нее и ускорила, мы невольно рассмеялись.

Глава пятая:

Марина проиграла мне десятку, когда в 8:51 следующим утром Артур Элиотт пришел на первый рабочий день. Он постучал так же робко, как в прошлый раз, и Марина прошла к двери так, словно хотела его побить.

— Эм, во что ты вырядился?

Артур посмотрел на безупречный костюм темно-желтого цвета, а потом на нас. Его лицо покраснело.

— Перебор?

— Да, ты ведь не Дэн Экرويد, — кивнула я и сочувственно улыбнулась. — Джинсы завтра?

— А можно пойти переодеться? — прошептал он. — Всего две остановки.

Марина со смесью мягкости и гранитной твердости отозвалась:

— Знаешь, что? Не нужно. Ты идеально одет для покраски машины.

Он просиял и поднял мятый пакет.

— Я принес бутерброды на обед.

Вспомнив пончики Нонны, я сняла крышку с банки цвета лайма.

— А Марина принесла итальянские пончики.

Я посмотрела на идеальные пончики с кремом, захотелось впитаться в один.

— Ты их сделала? — Артур восхищенно смотрел на Марину.

— Ее Нонна, — вмешалась я, потому что она выглядела опасно. — Бабушка Малонэ для нас с тобой, — добавила я, видя смятение Артура.

— Для перерыва на кофе, — отметила Марина и забрала у меня банку. Мне не нравилось, что это повторялось.

— А можно пить чай вместо кофе?

Марина, которая все отдала бы за чашку крепкого кофе, покачала головой.

— Нет чайных пакетиков.

Артур покопался в карманах, а потом вытащил пакетик.

— Я взял свои.

Я заметила юмор в его глазах, он положил их на столик, и я оценила его подготовку.

А Марина явно нет.

— Зачем?

— От кофе я схожу с ума, — сказал он, развернувшись.

Марина взглядом предложила попробовать на нем кофе, но я пожала плечами и улыбнулась.

— Если Артур хочет чай, пусть пьет.

— Нонна не одобрит чай с ее пончиками, — мрачно сказала она.

— А разве нужно ей рассказывать? — с надеждой взглянул на Марину Артур.

— Ладно. Ни слова Нонне, иначе придется покупать угощения, а этого ведь никто не хочет?

Мы покачали в унисон головами, и Марина расправила властно плечи. Она долго оттачивала мастерство угрожающего поворота шеи, и я знала, как это устрашало в действии.

Они напоминали мне щенят, борющихся за место в новой стае. Марина была как хаски, красивая и опасная, а Артур мог быть длинноногим догом, неуклюжим, но желающим угодить. А кем была я? Веселой, но способной укусить. Вспоминался джек-рассел-терьер — маленький, назойливый. Хотя... они ведь не осознавали границ, вели себя порой глупо, но храбро? Это по мне. Я хотела быть смелой, выбивать успех для агентства. Я долго пыталась подстроиться под окружающий мир, как квадратная шпилька в круглое отверстие, пыталась поддаться семейному делу, из-за которого чувствовала себя ребенком. Но я уже не была маленькой, и круглой, как ни старайся, мне не стать. Агентство было моим шансом пробить в стене квадратную дыру для себя, создать место для себя, где я смогу быть собой, не сдерживаться. Это моя стая, и я поведу их к славе.

Марина открыла сумочку и вытащила фартук, чтобы уберечь безупречную одежду.

— Идем, Артур. Булочка сама себя не покрасит.

— Булочка?

Марина пошла к двери.

— Я вас познакомлю, — она склонила голову, разглядывая его. — Водить умеешь,

Артур?

Печаль смывла веселье с лица Артура.

— Папа дал мне пару уроков, пока не... Нет, я не вожу.

Она кивнула.

— Я научу тебя.

Я не упустила страх в глазах Артура после слов Марины.

— Или мы оплатим тебе уроки, когда у нас пойдут дела, — предложила я. — Будет хорошо, если у тебя будут права.

— Вы сделаете это? — прошептал он с сияющими глазами.

Я отметила мысленно, что нужно записать его на уроки, как только у нас будут деньги. Я не врала, когда говорила, что его права будут полезны, хотя уроки на современной машине не подготовят его к управлению Булочкой-бегемотом. Зато это будет шанс для Артура Элиотта стать тем, кто сдал экзамены и обрел место в мире без лишних проблем. До этого он умудрялся споткнуться о каждую трещину, упустить все веселье, и хоть он не был девушкой, он был ценным членом агентства, и я хотела, чтобы он это почувствовал.

— Не дай ей сходить с ума, Артур. Ты один из нас.

Он сглотнул и нервно моргнул, но я не упустила того, что он расправил плечи и стал чуть выше. Он пошел за Мариной к двери, но замер, кашлянул, и мы посмотрели на него.

— Можете называть меня Арт, — нервно выпалил он.

Я вспомнила его отца, Большого Арта, что просил здесь за сына, и кивнула.

— Арт.

— А мне нравится Арти, — сказала Марина, задумчиво глядя на него.

На миг он замер. Наверное, сначала он хотел отказаться, но тут я поняла, что он не возмущен, а скромно гордиться, что ему дал прозвище кто-то еще, а не мама.

— Тогда Арти, — решила я.

Марина поманила его за собой.

— Идем уже, Арти, — сказала она. — Тебе нужно увидеть Булочку, а потом мы будем красить.

Они ушли, а через пару минут я услышала шум Булочки, выхлопы, а потом она поехала по улице.

Я взялась делать записи о Бримсдейл Роуд, но кто-то постучал в дверь. Я знала точно, что это не Марина и Арти, я достаточно ходила с ней по магазинам, чтобы знать, что их не будет еще пару часов. И стук был не «кто-то здесь есть?», а «я знаю, что ты здесь, так что открывай».

Марина не стучала, а Артур, Арти, был скромн. И я сказала:

— Открыто, — сидя за столом.

Лео распахнул дверь, и я пожалела о своем решении. Если бы я знала, что это он, то спряталась бы под столом, пока он не уйдет. Но я решила не сдаваться теперь.

— Я ждала тебя, — сказала я в стиле злодея из бондианы.

— И, словно по волшебству, я здесь, — заявил он, раскинув руки и озираясь. — Команды, как вижу, нет?

— Костюма и жутких близняшек, как вижу, нет?

Он фыркнул. Я и не ожидала, что это заденет его, ведь он был еженедельно по телевизору. Вытащив мою визитку из кармана рубашки, он перевернул ее и прочитал, словно напоминал себе подробности.

— «Агентство охотниц на призраков». Серьезно?

Я пристально смотрела на него.

— А что не так?

Он потер задумчиво рукой по гладко выбритому подбородку.

— Здесь... было дешевое помещение?

— Здесь отлично подходящее помещение, — сказала я, скрестив руки. Будь я Мариной, я бы закинула ноги на стол, но я была в кедах, а не на шпильках, так что больше напоминала студентку, а не начальницу. — Пришел пожелать нам удачи, Лео?

Он провел рукой по черным волосам оттенка лакрицы и рассмеялся. Конечно, я не могла сказать, что он не вдохновлялся Лоуренсом Ллевелином-Боуэном, но у Лео получалось неплохо. Природа позаботилась о нем, лицо его было оригинальным, с сильными чертами, полным харизмы, и камера любила его, отсюда появилась и армия фанаток, что звали себя в Твиттере Темненькими.

— Тебе понадобится не только удача, Мелоди.

— Да? — я вздохнула, вложив в этот вздох «была, делала, не грузи меня бредом», чтобы убедиться, что он понял, что меня не интересует его мнение.

Опустившись на кресло цвета фуксии, он вернул мою визитку в карман и кивнул.

— Понимаю, — прошептал он. — Не ты первая хочешь посмотреть, как и что я делаю.

Я закатила глаза.

— Твое самомнение не знает границ, да?

— Самомнение? Ты ворвалась в мое дело, сказала моему клиенту, что ты лучше меня, а теперь говоришь, что проблемы с самомнением у меня?

О, так это его задело. Я отклонилась в кресле и встретила его взгляд.

— Я понимаю. Ты привык быть единственным, а теперь боишься борьбы.

На миг воцарилась тишина, мы смотрели друг на друга через стол. Мы знали силы и слабости друг друга, но еще не сталкивались вот так. Ностальгия пыталась воззвать к той части меня, что еще поддавалась на его чары, ведь кусочек моего сердца всегда буде его. Крошечный кусочек, что не мог помешать мне жить, полюбить нормального мужчину, чье самомнение не было размером с луну. Мы были парой, а теперь стали соперниками, и он пытался раздавить меня морально.

— Если отдашь ключ от дома Скарборо, мы больше не будем говорить об этом, — уголки его губ приподнялись, словно он предлагал хорошую сделку. Он напоминал вампира, пытающегося очаровать меня, и я видела, что он может очаровывать людей так, что они впустили бы его в дом, а он высушил бы их до дна. Он всегда был таким, и я довольно долго была с ним по доброй воле. Но не теперь, к несчастью для него. Сложно остаться в розовых очках, когда тебя бросили ради славы.

— Нет уж, — рассмеялась я. — Скарборо честно дал мне ключ от дома. Ты делаешь свое дело, а я — свое. Я постараюсь не пересекаться с тобой, если это поможет, — я пронзительно смотрела на него.

— Не поможет.

Я пожала плечами.

— Тогда ничего не выйдет.

Он оглядел офис.

— Ты придумала все из мести?

Самомнение его не унималось.

— Лео, жаль тебя расстраивать, но с тобой у нас все кончено. Я давно этого хотела, так что, хоть тебе сложно поверить, но мое дело не связано с тобой, — я замолчала и решила добить его. — Тем более, теперь мы соперники.

Он прищурился, его губы изогнулись, словно сотни насмешек крутились в его голове. Так и было, но он сдержал их в себе, отодвинул шумно кресло и встал.

— Ладно. Будь по-твоему.

Я кивнула и встала, скрестив руки и с вызовом вскинув голову.

— Спасибо. Так и будет.

Наши взгляды пересеклись, на миг я испугалась, что поддамся этому вампиру.

— Победит лучший.

— Или лучшая, — сладко сказала я, подмигнув и улыбнувшись ему, а он театрально ушел. Я смотрела пару секунд на закрытую дверь. Я слышала его злые шаги, но не понимала, нервничаю я или чувствую прилив сил из-за того, что ему пришлось сюда прийти. Наверное, я чувствовала и то, и другое.

* * *

— Обед, — сообщила Марина, когда она вернулась пару часов спустя, и на ее фартуке была краска всех цветов радуги. Они с Арти приехали не так давно с краской и прочим, чтобы покрыть Булочку тремя слоями, и я оставила это им по нескольким причинам.

Во-первых, из нас двоих Марина была творческой, а я в этом понимала мало. Она была в этом хороша. Но важнее было, что так я хотела сдружить Арти и Марину, чтобы они узнали друг друга, но без бутылки водки, ведь он вряд ли пил, а она могла выпить больше моряка.

Арти шел следом с розовой краской в волосах и широчайшей улыбкой на лице.

— Посмотри на Булочку, — сказал он оживленно. — Она потрясающая.

— Так ты ее встретил, — сухо сказала я.

— Встретил? Я ездил на ней!

Я с тревогой посмотрела на Марину.

— Остынь, — сказала она. — Только по парковке у торгового центра. Он не плох.

— Я потрясал, — улыбнулся Арти.

— Будет лучше после парочки уроков, — Марина заправила волосы за ухо и улыбнулась мне, ее глаза сияли. — Сходи и посмотри, начальница.

Мы вышли на мощеную дорожку, чтобы посмотреть на Булочку. Не знаю, чего я ожидала, как и не думала о логотипе, ведь дизайн Марины с моим воображением связан не был. И Арти тоже не участвовал.

— Это... это... — я пыталась описать свои мысли. — Марина, это невероятно!

Она усмехнулась.

— Не только я, Арти тоже помогал с дизайном.

Я посмотрела на него, стоявшего рядом с ней. Он был на фут выше, краски на нем было больше. Судя по их виду, Марина командовала, а Арти исполнял.

— Мы начали с этого, — Марина указала на розовый круг и крестик внизу, — ведь это женский знак, наш знак, — она посмотрела на Арти. — Возражения не принимаются.

Он кивнул и указал на маленький небесно-голубой круг со стрелой, что был не больше моей ладони.

— Она дала мне добавить это, хоть и незаметно. Это мужской знак, ведь и я часть агентства, — он вдруг нахмурился. — Ты не заметила, да?

Он задержал дыхание, глядя то на Марину, то на меня.

Я покачала головой.

— Я никогда бы не заметила без твоей подсказки, Арти.

Я не врала. Маленький рисунок был скрыт среди дизайна Марины. Она сделала так, что название обвивало женский символ изящно и смело, а еще были силуэты двух женщин в профиль и в старинных позах, что явно были вдохновлены «Ангелами Чарли». Я присмотрелась, и это были не просто женщины. Это были мы. И не только это. Я помнила, что мы начинали так позировать пару лет назад после нескольких коктейлей в саду Марины.

— Как ты это сделала? — удивилась я, приблизившись.

Марина пожала плечами.

— Хорошая память.

— Она все продумала, — сиял Арти.

Марина вскинула взгляд к небесам и фыркнула:

— Я часть ночи продумывала это.

Я хорошо ее знала.

— И не зря. Это идеально.

Марина кивнула.

— Знаю.

Когда знал, что Булочка станет такой крутой? Они отполировали ее, спрятали ржавчину, и я могла сказать, что она выглядела свежо, как овечка весной. Конечно, это было лишь внешне, внутри она осталась старой, но все равно ее словно одели в новое платье, мы дали ей вторую жизнь в агентстве.

Мы заглянули внутрь, и я заметила разноцветную гавайскую гирлянду на зеркале заднего вида. Я посмотрела на Марину.

— Что? — она смотрела с вызовом и насмешкой, словно думала, что я скажу, что это слишком. — Каждой девушке нужно ожерелье.

Я рассмеялась, благодарная, что она была частью агентства и моей жизни.

— Спасибо. За все.

— Она хотела нарисовать пистолеты в твоих руках. Я остановил ее, ведь вряд ли на призраков подействует пуля, — сообщил Арти за нашими спинами, пока мы шли в офис. Я тихо смеялась, а он неплохо справился с горячим сицилийским нравом Марины.

Глава шестая:

— Мы поедем на Бримсдейл Роуд?

Было полчетвертого, и мы были полны кофе, чая и невероятной выпечки Нонны. Поездка пойдет нам на пользу, но сильнее я хотела увидеть, как Арти отреагирует на все это дело с призраками. Я надеялась, что он не перепугается. Марина была со мной достаточно долго, чтобы привыкнуть к моей странности еще со времен, когда мы темноволосыми девочками гуляли во дворе. Я веселила ее, рассказывая, как дедушка-призрак нашей директрисы преследовал нашу мисс Транчбол только в одних выцветших трусах, выкрикивая оскорбления и сигарой в зубах. Я знала, что Марина не отвернет идеально накрашенных глаз, но понимала, что Арти будет сложно.

Он замер с нашими пустыми чашками.

— Мы едем на охоту?

— Ты рад?

Я смотрела на него, скрестив пальцы под столом, чтобы он не отказался.

Он широко улыбнулся.

— Рад? Да!

— Ты ведь понимаешь, что не увидишь их, хоть их видит она? — Марина бросила на него взгляд «была и делала».

— Никогда не знаешь. Магия Мелоди может окутать и меня.

— Не окутает.

Я подняла волшебный шар и ключи булочки, а они все перепирались. Он не увидит их. Мы с Мариной это знали. Мне нравился его энтузиазм, но я знала, что с этим мне справляться одной. Пора показать Арти важный урок охоты на призраков. Это не магия, не передающееся умение, как и не то, что заставляет восторгаться.

— Радуйся нормальной жизни, Арти, — сказала я, запирая дверь офиса. — Ты даже не знаешь, как тебе повезло.

Мы забрались в Булочку, я была за рулем. Марина и Арти сидели рядом. Марина ударила по бардачку и вытащила наши с ней солнцезащитные очки, а потом покопалась в сумочке и выдала дополнительные очки Арти. Мы одновременно нацепили очки, и я повернула ключ, заводя машину.

— Мне еще никогда не везло, — весело сказал Арти. — До этих пор.

* * *

Все казалось тихим на Бримсдейл Роуд, когда мы остановились у дома Скарборо. Не было съемок и Лео Дарка, не было вообще никого.

— Почему он не мог дать ключ от главного входа? — ворчала Марина, пока мы шли мимо спутанных сорняков вдоль дома. Арти шагал первым, пробивая нам путь через заросли.

— Ворота закрыты, — сообщил он, дернув засов. Мы стояли и смотрели на выцветшую зеленую ограду. Марина дернула засов сильнее, а потом отступила и уперла руки в бока.

— Ворота закрыты.

Арти кивнул.

— Я так и сказал.

— Мне тоже проверить? — я осматривала дом, тщетно надеясь, что одно из высоких окон откроется. Но все они были плотно закрыты. Жаль, что я не подумала взять у Донована Скарборо номер, стучать в дверь заброшенного дома смысла не было, отец Скарборо умер несколько лет назад. И призрак нам дверь не откроет, так ведь? Да. А других вариантов нет.

— Подними-ка нас, Арти.

Он повернулся ко мне с огромными глазами.

— Хочешь перелезть? Ты же не знаешь, что на другой стороне!

— Вряд ли там собака или обрыв, да? Там пусто, и нам нужно туда попасть, так что если других идей нет, поднимай меня.

Он с неуверенностью смотрел на меня, на его лице медленно появилась улыбка.

— Это круче, чем я думал. Не говорите только маме, что я помогал залезть сюда.

— Мы ведь не вламываемся, — заметила Марина, глядя на нас с пачкой сока в руке. — У нас есть ключи, помнишь?

— Готовься, Арти, — сказала я, ставя ногу на его больше ладони, через миг он поднял меня в воздух, и я почти оказалась на вершине ворот.

— Арти, опускай ее осторожно! Ты же не бревно метаяшь! — кричала, паникуя, Марина.

Он начал дрожать и сомневаться в себе. Я потеряла уверенность в нем и тоже начала раскачиваться. Черт! Так я умру! Пролечу по воздуху, как тряпичная кукла.

— Вниз! — приказала я, словно он был щенком. К счастью, он послушался, и я схватилась за край ограды, а потом перелезла на другую сторону и опустилась на пыльный контейнер. Я отряхнулась, проверила себя на переломы, успокоила биение сердца, а потом сдвинула ржавый засов и открыла ворота для них.

Арти был в ужасе, лицо было мрачным, уголки губ — опущены.

— Прости.

— Эй, все хорошо, — я похлопала его по руке. — На миг я подумала, что умру, но этого не случилось. Мы крутые, верно?

— Ты качалась, как балерина в бурю, — сказала мрачно Марина, пройдя мимо.

— Прости, Мелоди, — сказал жалобно Арти. — Я никогда не поднимал никого, а ты весишь мало. Я думал, ты будешь тяжелее.

Я рассмеялась.

— Совет на будущее, Арти. Не говори девушке, что она выглядит тяжелее, чем есть.

Мы завернули за угол дома и оказались на широкой террасе с видом на сады.

— Ого, — выдохнула Марина рядом со мной. Я чувствовала то же самое, была в этом месте угасающая роскошь, красота, что почти превратилась в кости. Сад был диким, старые деревья разрослись, клумбы и газоны были запущены, но размер сада поражал. Я легко могла представить, каким шикарным он был десятки лет назад, когда красиво одетые дамы ходили по ухоженным газонам, пока джентльмены играли в крокет. Они ведь играют в крокет? Я не знала. Я сочиняла в голове, но мысль была в том, что это место было прекрасным в дни своего расцвета.

— Мне вдруг показалось, что мы в одном из тех фильмов, когда семья узнает, что дом, полученный ими в наследство, кишит призраками, — прошептал Арти, глядя на здание.

— Разве не потому мы здесь? — сказала Марина, повернувшись к большому зданию в стиле викторианской готики. Бримсдейл Роуд была замкнутым кругом старых домов. А дом Скарборо выделялся из них тем, что не был переделан и обновлен; он был потрепанным и с тусклыми окнами, страшная сестра рядом с сияющими Золушками.

Я вытащила из кармана джинсов большой старый ключ и пошла к задней двери.

— Идемте, воины. Пора осмотреть поле боя.

Я хотела войти в дом. Я знала, что там пусто уже несколько лет, с тех пор как отец Донована Скарборо был перевезен в дом престарелых. Я успела узнать до этого, что дом нельзя было продать без согласия его нынешнего владельца, а старик Скарборо отказывался продавать его при жизни. А теперь он умер, и его единственный сын даже обратиться тут не спешил, просто хотел продать дом подороже.

Ключ было сложно повернуть в ржавом замке.

— Арти, поможешь? — сказала я, и он с готовностью вышел вперед.

— Я не хотел тебя обидеть с весом, — тихо сказал он, когда я отодвинулась.

— Просто открой мне дверь, и мы забудем об этом, — улыбнулась я, и на его губах появилась тень улыбки. Я сделала мысленно пометку, что его нужно дразнить осторожно, а другая пометка была красной ручкой — напомнить Марине делать так же. Он был не таким, как мы, наша дружба была долгой, полной общих секретов. У Арти такой роскоши не было, он все еще учился, и ему было сложно понимать, что наш сарказм в словах был проявлением верности и доверия.

Мы с Мариной смотрели, как он возится с ключом, а тот не поддавался. Арти надавил сильнее, и замок все-таки сдался.

Мы захлопали в ладоши, когда Арти открыл дверь и повернулся с довольным видом к нам.

— Вот ты и прощен, Силач, — Марина подмигнула ему, он покраснел, а она прошла мимо него к дому. Я оставила дверь открытой и спрятала ключ в карман, когда зашла. Не знаю, почему. Это был инстинкт, появившийся от просмотра фильмов ужасов.

— Ау? — мы открыли дверь, и голос Марины разнесся по большой кухне, в которой мы и оказались. Внутри было холоднее, чем снаружи, ведь закрытые жалюзи не пропускали свет осеннего солнца.

— Ты ведь понимаешь, что тут никого нет?

— Просто вежливость, — она вскинула брови. — Кто знает.

— Судя по состоянию замка, мы можем быть уверены, — прошептала я, проведя пальцем по толстому слою пыли на столе.

— Что теперь? — шепнул Арти рядом со мной.

Они смотрели на меня, и я кашлянула.

— Медленно обойдем место, осмотримся.

Рядом с кухней был огромный коридор потрепанного вида. Каблуки Марины цокали по декоративной синей, белой и терракотовой плитке, пока мы не замерли в зловещей тишине. Я решала, куда идти дальше. Главная лестница закручивалась, выглядела так, словно по ней ходили когда-то дамы, которых я представляла на газонах, словно она была создана для другой эпохи. Я посмотрела на свои любимые конверсы и почувствовала себя одетой несоответственно.

— Посмотрим сперва вниз.

Красивая лепнина в виде арок украшала коридор, и я открыла одну из больших старых дверей, оказавшись в гостиной. Она была большой, точно в четыре раза больше моей комнаты, и разбитой на две части. Три строгих дивана стояли квадратом у камина, вдаль у окна во всю стену были кресла, оттуда открывался вид на сад. Я представляла, как дамы сидят на диванах, пока их спутники в креслах говорят о делах с сигарами и хорошим виски. Остальная мебель соответствовала размерам комнаты: буфет из вишневого дерева был в восемь футов длиной, а зеркала на нем поднимались во всю стену до украшенного потолка. Свет проникал через большие окна, но остальная часть комнаты была мрачной и холодной.

Я понимала, почему это место хотели сделать домом престарелых. Здесь было много места для инвалидных колясок, можно было легко смотреть на мир через большие окна. Здесь никогда не говорили о модернизации, и тут я кое-что поняла и посмотрела на лампы.

— Здесь есть электричество?

Арти огляделся в поисках выключателя, Марина пошла к окнам в поисках него.

— Так вы вернулись, — я посмотрела в сторону низкого ровного голоса. Исаак Скарборо вошел в комнату. Он был крупным мужчиной, а умер, наверное, когда ему было под восемьдесят, а то и больше. Он был меланхоличен. Как призрак, он ходил здесь и пользовался тем, что почти никто его не видит.

Я кивнула и улыбнулась ему, но не ответила сразу, ведь понимала, что Арти оказался впервые в присутствии призрака.

— Бинго! — он просиял и щелкнул выключателем, центральная люстра ожила. За миг одна из ламп загорелась, другие, покрытые пылью, запахла гарью.

— Значит, видишь меня только ты, — пробормотал Исаак и сел на один из диванов. — Уже хоть что-то.

Он не выглядел человеком, любящим общение. Судя по его одежде, он умер в 1960-х, на нем была белая рубашка, тонкий галстук, бежевый кардиган и подкатанные штаны. Его волосы были седыми и растрепанными. Для старика в таком шикарном доме он выглядел неухожено.

— Лучше выключи, — Марина посмотрела на люстру и сморщила носик из-за запаха. — Мы ведь не хотим в первый день сжечь это место?

— Что за шум? — призрак младше и веселее пришел к Исааку. Я сдержала вскрик, ведь этот призрак был красивым. Если Исаак показывал свою эпоху, то этот парень — еще сильнее. Ему едва было двадцать, когда он умер. И выглядел он как-то неформально. Я ожидала, что он будет в одежде для крикета, но для моего современного взгляда он казался накрахмаленным. Он был весь в белом, в слаксах и рубашке с воротником-стойкой, его рукава были закатаны до локтей, словно он собирался подавать мяч. Его угольно-черные волосы были короткими и приглаженными, для призрака он источал здоровье и юность, и от этого мне стало жаль его. Он явно любил жизнь, но оставил ее в расцвете лет. Он словно сошел с черно-белой открытки за бокалом вина. И он точно был из тех, кто играл на газонах дома Скарборо в крикет, чтобы привлечь внимание дам. Пока не умер. Это все погубило.

Марина рядом со мной кашлянула, привлекая мое внимание, и я поняла, что отвлеклась. Юные и красивые призраки встречаются редко.

— Я бы села на диван с Арти, — шепнула она. — Это сработает?

— Только не на левый. Там сидит Исаак Скарборо, — сказала я уголком рта, радуясь, как всегда, что она знает меня достаточно, чтобы понять, что происходит.

— Сядь со мной, Арти. Думаю, Мелоди что-то нашла.

Я улыбнулась ему и кивнула, чтобы он прошел с Мариной к дивану. Он замер, двигая глазами в стороны, напоминая странные часы с маятником в форме обезьяны, что висели на кухне у соседей.

— Здесь кто-то еще? — почти беззвучно спросил он, замерев, словно изображал статую с музыкальным инструментом, но кто-то выключил звук. Надо будет ему напомнить, что шепот призраки все равно услышат.

— Я тебя слышу, — рассмеялся юный призрак, танцуя вокруг Арти, но я смотрела не на него, а на Арти.

— Да, Арти, есть, — я смотрела ему в глаза. — Назовем для порядка это встречей, да? Ты будешь делать записи. Справишься?

Мне казалось, что он убежит. Он напоминал оленя в свете фар с этими длинными ногами и большими глазами, абсолютно неподвижный. Мы с Мариной настороженно смотрели на него. Я выдохнула, когда он губами произнес «круто» и прошел на носочках к дивану.

— Боже помоги, — пробормотал Исаак, качая головой, глядя, как Арти сгибает длинные ноги и садится рядом с Мариной, а потом достает блокнот с «Доктором Кто» из кармана. Он раскрыл его и записал на первом листе дату, а потом выжидающе посмотрел на нас, готовый к действию.

Я показала ему два больших пальца.

— Да, я поговорю с Исааком и... — посмотрела на младшего призрака, сидящего на подлокотнике дивана.

— Дуглас Скарборо, — подсказал он.

— ...Дугласом Скарборо, — повторила я для остальных.

— Их двое? — прошептал Арти, заметив имена.

— Не стоит шептать, — пробормотала Марина. — Они слышат тебя, как и мы.

— Трое.

Я повернулась на новый голос в комнате и увидела третьего мужчину на кресле у окон. Ему было за семьдесят, он был очень похож на Исаака. Сходство поражало, но только во внешности, а так они были очень далеки друг от друга. Не в обиду Исааку, но он выглядел, как обычный старик в одежде 60-х. Его брат был другим. У него были красивые скулы и длинный нос Исаака, но он был выше и держался прямее, был одет в шелковый халат поверх пижамы и тапочек. В нем чувствовалась холодность, и у меня сложилось впечатление, что он не рад нашему появлению в доме. Он поднялся с кресла, но не сел с остальными. Судя по тому, как напрягся и помрачнел Исаак, я поняла, что любви между ними мало.

— Есть и третий, — сообщила я Марине и Арти, глядя на нового призрака и ожидая, что он назовется. Это не произошло, и Дуглас тихо рассмеялся.

— Это наш старший брат. Ллойд. Третий мушкетер, да?

В его словах крылся сарказм, и, если присмотреться, все они нервничали, хотя Дуглас пытался казаться расслабленным.

Арти повернул голову и проследил за моим взглядом, словно увидел бы их, приложив больше усилий.

— Окей, у нас есть Исаак, Ллойд и Дуглас Скарборо, три брата. А это, видимо, ваш родной дом?

Я смотрела на братьев Скарборо, стараясь вести разговор с ними и держать в курсе происходящего Марину и Арти, повторяя слова призраков. Это мне в новинку, помните? И я не хотела злить братьев, изображая попугая.

Ллойд, прибывший позже всех, перешел сразу к делу:

— Могу ли я узнать, почему вы здесь? — его шелковый голос скрывал угрозу. Я взглянула на Исаака, что был свидетелем моего разговора с Донованом Скарборо вчера.

— Ваш дорогой племянник, Донован, попросил меня поговорить с вами. Уверена, вы знаете, что не так давно умер его отец, и Донован попросил меня прийти, потому что дом выставили на продажу.

Ллойд смотрел на меня с едва скрываемым раздражением.

— И ты — его уста?

— Его глаза, в этом случае, — сказала я. Должна признать, найти подход к Ллойдку было сложно.

— Прости, запомятовал твое имя, — Дуглас провел рукой по темным волосам, я улыбнулась ему, радуясь, что он вмешался.

— Я Мелоди. Мелоди Биттерсвит.

Он вскинул брови, обдумывая мои слова.

— Мелоди. Как мелодия в песне. Я запомню. Но как у тебя получается видеть нас?

Я пожала плечами.

— Семейный дар. Все в моей семье так могут. Это наша фишка.

— Тебе стоит их привести, — беспечно рассмеялся Дуглас. — Кто знал, что у нас могла быть компания?

— Если ты закончил заигрывать... — грубо вмешался Ллойд.

— Эм, еще нет, старичок, — вскинул брови Дуглас. — Мисс Биттерсвит — первый живой человек, с которым я говорю, с 1910 года, и она намного очаровательнее вас двоих, — он посмотрел на меня с хитрым блеском, и я не сдержала улыбку в ответ. Он назвал меня очаровательной? Но сам успел меня немного очаровать. — Ясно? Где твои манеры? — он насмешливо посмотрел на брата и заговорил снова. — Скажите, мисс Биттерсвит, кто это прекрасное создание?

Он кивнул на Марину, что в этот момент отцепляла желтую краску с ногтя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это Марина Малонэ, моя давняя подруга, — сказала я. В ответ она подняла голову и помахала пальцами.

— И Арти Элиотт, мой... — а кто он? — Мой помощник, — решила я. Арти быстро кивнул с нервной улыбкой на губах, пока крутил головой, словно разминал шею, чтобы убедиться, что никого не упустил.

— Я — начинающий охотник на призраков, — сказал он и получил тычок локтем от Марины. — Рад встрече, мистер Скарборо, мистер Скарборо и... — он сверился с блокнотом. — Мистер Скарборо.

Его слова атмосферу в комнате не улучшили.

— Охотник на призраков? — Ллойд свысока посмотрел на меня, Дуглас расхохотался.

— Опять. Помнишь священника, Исаак? От его причитаний у меня потом разболелась голова.

— Ладно, — я решила, что пора все вернуть на места. — Теперь вы знаете, кто мы и зачем здесь. Может, расскажете, почему вы все еще здесь?

— О, это интересно, — улыбнулся Дуглас, скрестив длинные ноги. — Вы первые, мальчишки. Я настаиваю.

Он не выказывал уважения старшим братьям, да и они так относились друг к другу.

Я посмотрела на Исаака, потому что с Ллойдом у меня не задалось.

— Я старший, — сказал, наконец, Исаак.

— А я малыш, — не мог уняться Дуглас. — Навеки двадцать один, благодаря одному из них.

Я от потрясения нахмурилась.

— Хочешь сказать, что один из братьев довел тебя до смерти, когда тебе было двадцать один?

— Я его не трогал, — вдруг разозлился Исаак.

Я посмотрела на Ллойда.

— Я не вонзал в его спину нож. Он был моим братом-близнецом, в конце концов.

Я не могла скрыть удивление. Я посмотрел на Дугласа и Ллойда снова. Они были не так похожи, ведь Ллойд был намного старше, но я не могла представить, как они были похожими в юности.

— Вы были близнецами?

— Не идентичными, — фыркнул Ллойд, и по его тону было ясно, что этот вопрос надоел ему еще при жизни.

— Тут-то и проблема, — сказал Дуглас, вернувшись к своей истории. — Не знаю, кто из них это сделал, и никто из них не признается. Так я и завис здесь.

— В каком году это произошло?

— 1910.

Дуглас Скарборо завис тут на век.

— Было ясно записано, что это дело рук Исаака, — вздохнул Ллойд.

— Не настолько ясно, чтобы я попал за это в тюрьму, да? — парировал Исаак. — Я не тронул этого мальчика пальцем, но всю жизнь платил за его смерть. Родителям нужно было выбрать виноватого из нас, и им стал я, потому что мысль о близнеце, убившем брата, была кошмарной. Эта особая связь близнецов вдруг стала такой важной, да, Ллойд? И все сработало, о нем даже говорить не хотели. Мама попалась на эту уловку. И меня хоть и не отправили в тюрьму, но наказали все равно. Отрезали от семьи, как больную ветвь.

— О, прошу, — вздохнул театрально Ллойд. — Опять про ветвь, Исаак. Смени чертову пластинку!

Старшие братья смотрели друг на друга свысока, и Дуглас поднял руки, словно сдавался.

— Теперь вы видите, что я терпел столько лет, мисс Биттерсвит.

— Прощу, зови меня Мелоди.

— И ты можешь называть нас по нашим христианским именам, — он посмотрел на Арти уничижительно, и я обрадовалась, что он этого не видит. — Мистеры Скарборо — это смешной бред.

— Спасибо, Дуглас, — вдруг я смутилась, назвав его по имени. — Это поможет.

Исаак провел рукой по седым волосам, пригладив их.

— Что именно ты хочешь?

— Как я и сказала, Донован планирует продать дом, но он говорил, что все, кто сюда приходит... как бы сказать деликатнее? Перепуганы вами?

— Я не перепуган, — отметил Арти.

Дуглас схватил со столика книгу и бросил в Арти, тот вжался в диван и закрылся руками, а Марина поймала книгу в воздухе.

Она, шурясь, посмотрела в сторону, откуда прилетела книга.

— Не шалите, призраки, или я принесу из машины пылесос для призраков и поймаю вас всех.

Арти сел ровнее и забрал книгу у Марины, взглянул на обложку.

— Я читал это в школе. Не понравилось, — он опустил книгу на столик. — Теперь нравится еще меньше.

Я скрыла улыбку, а он вооружился блокнотом и ручкой и выжидающе посмотрел на меня. Было что-то в его бодром поведении, что мне очень нравилось, он был остроумным и естественным, зря его недооценивали.

— Вернемся к делу, — сказала я. — Донован Скарборо встревожен, что потеряет покупателей, если мы не поймем, что вас здесь держит.

— Я был убит здесь, — сообщил Дуглас. — Имею право.

— Не мной, — заявил Исаак. — И я не уйду, пока это не докажут.

Медленно становилось понятно, что происходит. Незаконченных дел тут было много. Я посмотрела на Ллойда, догадываясь, что держит здесь его.

— А вы, Ллойд? Почему вы так привязаны к дому?

— Бог знает, — его губы изогнулись. — Это место мне никогда не нравилось, оно — камень на моей шее. Очень не повезло, что у меня случился здесь сердечный приступ, когда я смотрел в окно. Я умер, и никто это не заметил. Я сразу понял, что умер, ведь эти двое устроили мне худший прием.

Исаак скрестил руки на груди и фыркнул:

— Ты не уйдешь, пока не станет известна правда.

— И когда вы умерли? — спросила я, отметив, что слова Исаака надо обдумать позже.

— В августе 1971-го.

Я передала дату Арти, а сама считала. Ого. Ллойд умер сорок четыре года назад, и он погиб последним из братьев. Они долго тут торчали вместе. Конечно, они себя так вели.

— И вы все это время были тут втроем?

— Я же сказал — три мушкетера.

Я прикусила губу после слов Дугласа.

— Но только тут явно не «один за всех, и все за одного», раз один из них убил тебя?

Он улыбнулся и, казалось, хотел ответить так же хитро, но застыл, глядя на дверь. Через пару секунд призраки исчезли, и мы остались одни в гостиной.

— Это частный сеанс, или все могут приходить?

Марина и Арти отреагировали на голос в комнате, и это убедило меня, что это человек, а не очередной призрак дома Скарборо. Я застонала, и если бы в моем характере было топтать ногами, я бы это сейчас сделала, потому что вошел не просто человек. Это был, черт возьми, Флетчер Ганн.

Глава седьмая:

— Что ты здесь делаешь? Это частная собственность, — сказала я, уперев руки в бока.

Он беспечно махнул рукой за спину.

— Калитка была открыта.

Я мысленно ругалась на себя за такой промах. Но урок выучен: нужно прикрывать следы. Флетчер Ганн, или Флетч, как его всюду знали, — это нахальный подражатель, якобы энергичный репортер из «Шропшир Экспресс», постоянно пытающийся опозорить мою семью. Мы несколько лет двигались по кругу, кусая друг друга, но придерживаясь своих половин круга. Честно сказать, его проблемой были не сами Биттерсвиты, его влекло ко всему сверхъестественному. Ему нравилось, когда его факты были черно-белыми, как свежееотпечатанная газета, и потому он совал нос, куда не следовало, чтобы показать себя.

— Смотрите-ка, сам Фокс Малдер, — проворковала Марина, не впечатленная его появлением, как и я. Чтобы вы представили, он похож на юного Духовны. У него такая же аура уверенности и вид «только из кровати, где бы с двумя блондинками», что меня бесило. Горячий ли он? Да. У него глаза цвета морской воды в теплый день, зеленое стекло, отражающее его мысли, а его каштановые волосы касались воротника в стиле «я только что провел по ним руками, разве не красиво?», и так не каждый мог уложить. Он сексуальный, и это скатывалось с него, как волны с песка. То есть, он горяч, но это не скрывало правды, что его сердце холодное и мертвое в его груди. Может, ночью он хранит его в холодильнике.

— Мне нравятся «Секретные материалы», — встрял Арти. — Истина где-то рядом.

Флетч кивнул.

— Но точно не здесь. Разве здесь не пахнет бредом Биттерсвит?

— Иди за свой стол и пиши страничку проблем, или что там у тебя, Флетч. Надоел.

Брови Арти поползли к волосам от моей грубости. Я хотела, чтобы Флетч ушел.

— Мне уже не дают отвечать на проблемы, — сказал он, проходя к дальнему концу комнаты, чтобы посмотреть на сады. — Люди жалуются, что мой стиль слишком грубый, — он пожал плечами. — Не моя вина, что люди предпочитают ложь холодной и тяжелой

реальности, да?

— Все равно в твоём теле нет ни единой сочувствующей косточки, — проворчала я.

— Тут ты не права, — попался он. — Я король сочувствия по нужным причинам. А не в цирке, как Лео Дарк. Или «Веселые духи».

Я не позволила ему так задеть меня.

— Это не твоё дело, но я уже не работаю в фирме семьи.

— погоди, — сказал он и вытащил диктофон из кармана, протянул его ко мне. — Я хочу опубликовать твоё признание, что всё это — лапша на уши.

Марина и Арти встали по бокам от меня, а я качнула голову, не желая раскрывать ему подробности об агентстве.

— Думаю, тебе пора уходить.

Он неспешно ходил по комнате, разглядывая мелочи.

— Я видел это место, — сказал он. — Видел, как Дарк по телевизору был здесь, а теперь здесь ты. А раз вовлечены вы, то это место под моим наблюдением.

— Я в ужасе, — фыркнула я.

Он рассмеялся через плечо и пошел.

— Передай привет маме. Я слышал, как высоко она говорит обо мне в своём радио-шоу.

Как только он ушел, я пнула диван по близости, а Марина показала ему палец в окно.

— Только его нам на первом деле не хватало, — сказала я. Флетч был плохой новостью для меня. Я хотела изображаться деловую даму, но что-то в нём заставляло вести себя по-девичьи. Что я сказала? По-девичьи — странное слово. Он заставлял мою голову совершать глупости. И казалось, что я вспыхиваю изнутри. Боже. Это так отвратительно по-девичьи, что я хочу перерезать себе горло.

— Весь из себя, — фыркнула Марина и забросила рюкзак на плечо. — Уходим?

— Думаю, да, — кивнула я. — Вряд ли Скарборо расскажут нам ещё что-то сегодня. Они разбежались, как пойманные на грабеже воры, когда пришел Флетч.

Мы забрались в Булочку, а я заметила визитку под стеклоочистителем и забрала ее.

— Флетчер Ганн, репортер, — а сзади было написано: «Неплохая машина, Телма». — Телма, — прошипела я.

— Он намекнул на «Скуби Ду», — сказал Арти, застегивая пояс безопасности.

— Да. Спасибо, я поняла, — я резко сорвалась с места, заведя Булочку.

— Вот зараза, — пробормотала Марина. Я всегда могла рассчитывать на её поддержку. — Хотя горяч, и он явно засматривался на тебя сзади. Я застала его с поличным.

— Нет уж, — жарко сказала я. Не хотелось, чтобы он смотрел на мою попу, как и не хотелось признавать, что я поглядывала на его. — Правда?

Марина подмигнула, а я решила подумать об этом позже. Она рассмеялась и посмотрела на Арти.

— Честно говоря, ты точная копия Шэгги.

Он кивнул, не обидевшись.

— Значит, можно завтра на работу привести свою собаку?

— А у тебя она есть? — спросила я, заворачивая за угол.

— Нет.

Я так не думала.

* * *

Когда мы остановились у аккуратного дома его мамы десять минут спустя, Арти схватил

коробочку для обеда и открыл дверь машины.

— Хорошо поработал, — сказала я. — Справился с первой встречей с призраками, как профи.

Он глупо улыбнулся.

— Но видеть было почти нечего, да?

Я рассмеялась и покачала головой из-за его логики, а он оглянулся за сидения сзади грузовика, хмурясь.

— Что-то потерял? — спросила Марина. Его мама открыла дверь дома и дико махала нам с крыльца. Она была маленькой, но смогла как-то родить Арти, она была меньше меня, хотя и меня порой звали крохой.

— Ничего, — сказал Арти. Он пошел прочь, обернулся, когда Марина начала закрывать дверь. — У нас ведь нет пылесоса призраков, да?

Я не понимала, серьезен он или шутит.

* * *

— Мелоди, дорогая. Можем поговорить?

От мамы эта фраза поднимала красные флаги так высоко на шестах, что их увидели бы на луне. В ее случае разговор означал огромную боль для меня.

— Ты звонишь мне для такого вопроса? Мы в одном здании.

Она была наверху в передней части «Веселых духов», а я — в задней части закрывалась после третьего дня деловой дамы. Меня ждало горячее свидание с ванной, и я не хотела ничего нарушать.

— Я бы пришла, милая, но у меня гости.

Она говорила так ласково, обычно, на субботней утренней радио-передаче, и это все только ухудшало.

— Кто?

— Спасибо, милая. Я открою для тебя кофейный пирог, как ты любишь.

Она повесила трубку, я растерянно смотрела на телефон.

— Откроет пирог? — а она хороша. Она заманивала меня сахаром, и я хотела открыть рот и откусить побольше.

Прокатив по столу волшебный шар, я спросила, игнорировать мне приглашение/приказ мамы или идти по лестнице в квартиру.

Пузырьки рассеялись, и появился ответ.

«Насколько я вижу, да».

Что — да? Идти или игнорировать? Я не помнила, как ставила вопрос. Черт. Конечно, я приду к кофейному пирогу.

* * *

Две идеальные задницы, спины и прически в стиле Монро. Нужно было понять. Я хотела уйти, пока меня не заметили, но рядом оказалась бабушка.

— Тебя она тоже позвала? — спросила она.

— Заманила кофейным пирогом.

Бабушка выдохнула.

— Мне предложила шампанское.

Я оценила это.

— Она очень хочет, чтобы мы пришли.

Бабушка посмотрела в стекло старой двери магазина.

— Кто это?

— Дарканутые.

— Вики и Ники, вообще-то, — ответил низкий голос, мы обернулись и увидели Лео Дарка за собой. Он был в джинсах и старой футболке и на миг неуместно напомнил мне, каким был до того, как в нем проснулась жажда славы, и о том, как я снимала именно эту футболку через его голову, чтобы раздеть его.

— Скажи, что это не их имена, — сказала я, игнорируя факт, что он был горяч без своего костюма. Я поставила барьер после того, как мы перестали срывать друг с друга одежду.

— Лео, дорогуша! — промурлыкала бабушка, как кот на солнце, раскинула руки и заключила его в свои крепкие объятия. Я отметила мысленно, что нужно поблагодарить ее за верность позже.

— Гламурная, как и всегда, Дайси, — он подмигнул мне поверх ее плеча, а у меня болела рука, желающая выколоть ему глаз. — Мы можем? — он отодвинулся от бабушки и распахнул дверь, чтобы все внутри поняли, что мы здесь. Не сбегать. Я тяжело вздохнула и пошла внутрь за худой нефритовой спиной бабушки.

— Вы здесь, — обрадовалась мама прибытию поддержки.

— Ты вернулся, — Вики и Ники не тронули куски пирога, они смотрели на Лео, как на прибывшего мессию.

— Нужно было забрать из машины это, — он достал бутылку шампанского и отдал повеселевшей бабушке в сильно украшенные руки. — А это вам, Сильвана, — он отдал маме умело собранный букет цветов.

Она положила их на стойку с улыбкой, что контрастировала с ее раздутыми ноздрями и опасным блеском в глазах.

— Спасибо, Лео, — она отрезала ему кусочек пирога и придвинула блюдце. — Что привело тебя в «Веселых духов»? Не думала, что мы увидим тебя после того, как ты съел сердце Мелоди на обед и выплюнул.

Я замерла в ужасе, и близняшки вскрикнули в унисон, их вилки звякнули о бабушкины лучшие фарфоровые блюда. Я не знала, понимали ли они намек мамы, или думали, что Лео мог есть людей, но они обернулись.

— Уверен, мы это прошли, — сказал Лео, и голос его был карамелью поверх взъерошенных перьев. — Я пришел дать тебе это, Мелоди, — он вытянул из кармана маленькую розовую коробочку и протянул мне. — Чтобы пожелать удачи в новом бизнесе.

— Предложение мира? — сказала я, убирая упаковку, чтобы увидеть серебряную подкову. — Или пришел сказать, что передаешь охоту на призраков в пользу маленьких пони?

— Мир, — он пропустил мой сарказм и вскинул голову, изображая, видимо, благородство. — И просьба держаться подальше от дома Скарборо в пятницу. У меня прямой эфир.

Ах, вот в чем дело. Он боялся, что я испорчу ему карьеру на утреннем телевидении. Я опустила упаковку на стол и с сожалением вздохнула.

— Как продвигается дело? — спросила я.

— Ужасно, — сказала Вики или Ники, и в то же время другая покачала печально головой и прошептала:

— Отвратительно.

Лео пронзил их долгим мрачным взглядом, они взяли себя в руки и вспомнили, на кого работают.

— Ужасно... круто? — попробовала Вики. Ники кивнула и добавила:

— До безобразия круто.

— И у меня, — кивнула я. — Интересное дело, кстати.

— Думаешь? Исаак показался мне агрессивным.

Я прекрасно знала, что Лео выпытывает информацию, и я не хотела ему ничего давать. Он не мошенник, видит призраков, как и я. Я подозревала, что его проблема с братьями Скарборо такая же, как со многими людьми: порой он вел себя нахально, и это к добру не приводило.

— Может, он предпочитает тихий подход, — пробормотала я. — А не шум и свет телекамер.

Лео сверкнул глазами, как скучающий ребенок.

— Вряд ли ему есть дело. Он призрак, а не вампир, боящийся, что мы увидим его пропавшее отражение.

— А остальные?

Он прищурился, не успев быстр подавить реакцию и обмануть меня. Он не встречал Дугласа или Ллойда. Он мог и с Исааком толком не поговорить.

— Шампанского? — спросила бабушка, и близняшки воодушевились, пока Лео не покачал головой.

— Боюсь, мы не можем остаться. Хотел отдать тебе это, — он кивнул на розовую упаковку. — Знаешь, я искренне желаю тебе добра, — сказал он, и они вышли на улицу. — Между нами не должно быть боя.

Я смотрела, как близняшки умещают длинные ноги в его машину.

— Лео, ты хотел, чтобы я поделилась с тобой своими находками?

Он рассмеялся, словно я сказала глупость.

— Только чтобы Исааку не пришлось повторять. Не думаю, что он обрадуется этому.

Я улыбнулась и отвернулась.

— Он с тобой не говорил?

— Поговорит.

Я кивнула и скрестила руки на груди, замерзая на вечернем ветерке, но внутри было тепло, ведь Лео и его глупышки были не ближе к решению дела, чем я. Пока что.

— Не забудь о пятнице, — сказал он, открывая дверь машины. На миг я растерялась и словно вернулась назад во времени, видела его после свидания. Тут он бы поцеловал меня. Счастливое воспоминание, ведь, будем честными к Лео, целовался он круто.

— Пятница?

— Не появляться возле Бримсдейл Роуд, — напомнил он о своей причине визита, забрался в машину и хлопнул дверью. Окно опустилось, заворчал двигатель. Я махнула рукой, а он коснулся рукой головы, салютуя, и выехал на дорогу.

Я смотрела, как он уезжает, и думала о том, что с романтикой у меня плохо. Я открыто признаю, что мне нужно действовать, но я растаяла после того, как встретила Флетчера Ганна и Лео Дарка в один день. Не говоря о Дугласе Скарборо. У него даже пульса не было, но от него мое сердце колотилось. Мне нужно чаще гулять. Или купить пистолет и выбить из головы мозг, ведь в двадцать семь я была одинокой и медленно сходила с ума.

Глава восьмая:

Бабушка протянула мне бокал шампанского, когда я направилась в магазин и перевернула табличку стороной «закрито». Я чуть не отказалась, но почему нет? Я не подняла даже бокал в честь открытия агентства, так что после странной встречи с Лео и его барби могли выпить.

— Он все еще горит для тебя, — мрачно сказала мама, ставя цветы, что дал ей Лео, в вазу.

— После того, как съел мое сердце и выплюнул? — кипела я. — Это совсем не круто, мама.

— Наверное, теперь он жалеет, — сказала бабушка отвлеченно, сжимая бутылку шампанского, чтобы прочесть этикетку. — Бренд супермаркета, — пробормотала она. — И теперь он большая шишка в телевизоре.

— Я не могу назвать пятнадцать минут в утренней программе важными, — я скривила нос из-за теплых пузырьков напитка.

— Это вам не двухчасовое шоу по радио утром в субботу последние три года и награда людских симпатий, — фыркнула мама. Было сложно понять, но я думала, что она чувствует профессиональную зависть. Хотя не стоило, она могла вытереть пол Лео Дарком, если пожелает, как и мной. Ее навыки были отточены и сильны, наш дар только усиливался с возрастом. А как еще бабушка могла держать рядом деда Дюка, хотя он умер страстной ночью почти двадцать лет назад? Ей пришлось вызывать скорую помощь, чтобы сняли с нее застывшее (во всех смыслах) тело, и с того дня его призрак был привязан к их спальне, шумный, как моряк. Эта история любви не хотела заканчиваться, как и их сексуальная жизнь.

— Даже не близко, — согласилась я, ведь всегда была на стороне мамы, как и она на моей, даже если показывала это колкими комментариями о бывшем парне, что выставляли меня как влюбленную дурочку.

Она поставила вазу цветов на полку за начищенной стойкой и оглянулась через плечо.

— Ты будешь держаться вдали от дома, как он и просил?

Я задумалась.

— Наверное. Вражда с ним не поможет решить дело, и в моем бизнес-плане нет вреда Лео.

— У тебя есть бизнес-план?

— Не надо так удивляться, — возмутилась я, скрестив пальцы за спиной, надеясь, что она не попросит посмотреть на него, потому что он был в голове, а не в чистом новом кабинете.

— Вы поглядите на нас, здесь три поколения деловых женщин Биттерсвит, — бабушка наполнила свой бокал. — Еще шипучки, милая?

Я накрыла ладонью наполовину полный бокал и скривилась.

— Нет.

Мама с таким же отвращением на лице отказалась.

— Флетчер Ганн тоже полез в дело на Бримсдейл Роуд, — сказала я, грызя ноготь серого цвета. Зачем я его упомянула? Я знала, как отреагирует мама, и она меня не разочаровала.

— Ах! Что же этому мальчишке не сидится? — она передумала насчет шампанского,

допила и потянулась к бутылке.

Я не могла думать о нашем нелюбимом репортере как о «мальчишке». Он был на пару лет старше меня, а его широкие плечи говорили «положись на меня, я стойкий». Плечи могли врать? Его — да. Я не могла верить ему, он не спас бы меня, если бы я висела на краю утеса, держась пальцами; он бы скорее наступил на мои бедные пальцы. Как тот плохой лев из «Короля-льва», чье имя я не помнила, но у него были крутые зеленые глаза. У Флетчера Ганна тоже красивые зеленые глаза.

Да, я решила, что уже пора уходить в свою часть здания, ведь пить тут теплую кошачью мочу я уже не могла.

Я пошла к двери, но мама окликнула меня.

— Забыла, — она вложила в мою ладонь завернутый в салфетку подарок Лео.

Флетчер Ганн и Лео Дарк были во многом похожи, хотя ненавидели друг друга. Они были альфа-самцами, сексуальными, и они знали об этом и хотели по своим причинам помешать мне создать успешное агентство.

Я сжала сверток и пошла по коридору, не успев услышать слова бабушки:

— А что на Бримсдейл Роуд, Сильвана?

* * *

— Нонна сделала канноли, чтобы отметить нашу первую успешную неделю, — сказала Марина, появившись в офисе в пятницу утром.

— Почему не спрятать их в холодильник? — я указала на низкий холодильник в углу.

— Он работает? Я думала, он взорвется, когда ты его подключишь.

— Мечтай, — улыбнулась я. Мы успели забрать дешевый холодильник на eBay вчера, местная церковь делала ремонт на кухне. Мы забрали его оттуда, хорошие люди смотрели на нас с поджатыми губами, пока мы пихали холодильник в громко протестующую Булочку. Наверное, так выглядели роды коровы в обратном порядке. У нас был гордый знак, что мы — охотницы на призраков, но, думаю, люди были рады, когда мы уехали оттуда. Я все еще могла их представить, выстроившись вокруг дороги, скрестив руки на груди, словно цепь вышибал.

— Они точно решили, что мы сатанисты, — Марина спрятала коробку с канноли в пустой холодильник, а потом вытащила молоко, что Арти спрятал уда пять минут назад.

— Потому женщина в цветастом фартук шепнула мне: «Береги себя», — Арти глотнул чай и скривился, обжигая губу.

— Нет уж. Слишком поздно, милый Арти, ты уже на темной стороне, — рассмеялась Марина. — Ты в нашей банде.

Он покраснел, ведь его явно впервые назвали членом банды.

Марина заварила кофе и опустилась в кресло за столом поменьше.

— Какие планы на сегодня, босс?

Я открыла зеленую, медленно наполняющуюся папку и щелкнула ручкой.

— Я подумывала обсудить все, что мы узнали о доме Скарборо, потом — перерыв на канноли и просмотр передачи Лео, чтобы понять, что нашел он. Если он что-то нашел, то точно поделится с народом.

— Через две минуты, — Марина сделала звук громче, и мы слушали рекламу о достоинствах стоматологии. Я обнажила зубы отражению в черном экране компьютера и подумала, не помогут ли такие оскалы мне с противоположным полом. Вряд ли. Мои зубы были идеальными, людей отпугивали другие странности во время встреч. Людей отпугивало,

что я вижу призраков, а теперь я еще и была хозяйкой этого агентства, что точно привлечет не тех парней.

— Захватишь канноли, Арти?

Он вернулся с коробочкой и поднял крышку, а потом удивленно уставился внутрь.

— Я думал в канеллони есть мясо?

Марина посмотрела на меня так, словно хотела убить его.

— Прости его, он мал и ничего не знает, — прошептала я, прижав ладонь к сердцу, ведь я отвечала за его жизнь.

— Повезло, что у него есть вы, леди, — прорычала она в стиле Клинта Иствуда.

— Лео Дарк начинается, — сообщил Арти, осторожно протягивая нам кофе, а потом забирая свой чай в чашке, что он принес из дома, с надписью «Я люблю своего Питона». Ручка была в виде змеи, что обвивала чашку и приподнималась над краем, чуть не тыкая ему в глаз, когда он делал глоток. Видимо, он очень любил эту чашку, раз так рисковал каждый раз.

Мы смотрели на экран со своих мест: я за столом, Марина за другим столом, что по понедельникам делила с Глендой Джексон, а Арти — с кресла, в котором была я, когда пришел его отец. Когда-нибудь я расскажу об этом Арти, но пока что ему не нужно было этого слышать.

— Только посмотрите на него, — оскалилась Марина, Лео ворвался на экран перед домом Скарборо. — Кто из мужчин носит сапоги по колено?

— Проблема в стилисте? — предположила я, пытаюсь понять, почему он одет так, хотя не собирается ездить на лошади.

— Гок Ван не одобрил бы, — сказал Арти и напихал в рот канноли. Я хотела узнать, откуда он знает о Гок Ване, но меня отвлек канноли с моим именем на нем. Не знаю, как Нонна это делала, но канноли были высоко в моем списке райской еды. Почти весь список был из блюд Нонны, честно говоря, и канноли были в топ три.

— Она обмакнула канноли в шоколад для тебя, — сказала Марина, глядя на меня, а я прикрыла глаза и откусила.

— Можно жить с тобой? — пробормотала я, наслаждаясь хрустящей оболочкой с корицей и кремовой сладкой начинкой. Там были кусочки апельсина, а шоколад делал вкус божественным.

— Ты почти и живешь, помнишь?

Мы с Мариной провели младшие годы в домах друг друга, и я была рада, что занята канноли в шоколаде, иначе ударила бы кулаком по экрану, где распинался Лео о своих потрясающих находках в доме.

— Заходи уже, — Марина бросила точилку для карандашей в экран, и она попала по носу Лео. — О, а это мне нравится. Так можно бросать в надежде, что выколешь Лео Дарку глаз.

— Спокойно, — возмутилась я, она пожала плечами, не извиняясь, и мы смотрели, как Лео идет по коридору дома Скарборо в ту комнату, где мы сидели пару дней назад.

— Как видите, — шептал Лео в микрофон, словно он был Дэвидом Эттенборо, подходившим к редкой колонии бабуинов. Для эффекта камера подрагивала, освещение было плохим, но я-то знала, что гостиная была полна естественного света из окон.

— Вы помните, чтобы там были доспехи? — нахмурился Арти.

— Я не обратила внимания, — прошептала я, слушая, как Лео рассказывает историю,

которую мы узнали за пять минут исследования.

— Он пытается скрыть, что ничего не знает, — сказала Марина, предложив мне второй канноли. Я хотела взять его, но Арти склонился к экрану, щурясь.

— Доспехи двигались. Я уверен.

Мы смотрели на них, и рука точно медленно поднялась, это было заметно. Доспехи были за спиной Лео, он их не видел, но оператор точно заметил, ведь камера задрожала сильнее, и я, казалось, слышала его тяжелое дыхание.

Лео говорил об Исааке Скарборо, но карие глаза отвлеченно скользили по комнате, пока он не заметил испуганное лицо оператора.

— Что за... — я подняла и подошла ближе к экрану.

— Подделка для рейтингов, — сказала Марина. — Это даже я знаю.

Я не была так уверена.

— Думаешь? Тогда он не выглядит наигранно, да?

Вдруг на экране началась суэта, доспехи рухнули на пол, и камера выпала из руки оператора, и картинка быстро сменилась Риланом из утренней передачи.

Мы переглянулись, раскрыв рты, и я жалела, что у нас нельзя было отмотать передачу, ведь камера крутилась в тот миг быстро, хотя мне показалось, что я заметила розовую ткань и светлые пряди. Я в панике открыла выдвижной ящик, чтобы проверить, на месте ли ключ от задней двери Скарборо. Ох, что творится.

* * *

Я остановила с шумом Булочку двадцать минут спустя у Бримсдейл роуд, обнаружила пантомиму в саду дома Скарборо, Лео скакал, как пират, а бабушка курила в лиловом кимоно, розовых леггинсах и пушистых тапочках с котятками.

Вопли Лео доносились до нас, пока мы вылезали из машины.

— Посмешище... выставить дураком... дискредитировать... должно быть стыдно...

Он расхаживал по запущенному лугу, как разочарованный отец, а она потягивала эбонитовую трубку и смотрела в сторону, как заскучавший подросток. Она редко курила, только когда хотела создать драматический эффект, и только «Голуаз». Наверное, одной пачки ей хватало лет на двадцать.

Лео поднял голову и заметил нас, когда я открыла калитку. Он прошел к нам, выпятив грудь, как павлин, белая рубашка выбилась из узких брюк и развевалась на ветру. Он словно вышел из костюмированного сериала, а не утренней передачи.

— Это ты ее привлекла?

Я поймала на миг взгляд бабушки. Верность семье должна была заставить меня врать, чтобы прикрыть ее костлявый зад, но это было бы профессиональным самоубийством, хотя в первую неделю я еще могла так сделать. Бабушка спасла меня от решения, прикрывать ее спину или свою, шагнув вперед и помахав властно трубкой.

— Я — одинокий волк, — прорычала она. — И танцую под свою мелодию.

Мы уставились на нее, Марина помахала ей из-за ограды.

— Круто, Дайси.

— Твоя бабушка шикарна, — прошептал Арти рядом со мной, восхищенный первой встречей с ней, как бывало со многими. Даже в своем возрасте она источала чары, и мужчины падали в ее украшенные руки, хотя на Лео сейчас это не действовало.

— О чем ты думала? — спросила я бабушку, ведь никак не могла объяснить ее поведение.

— Просто помогала, милая, — ответила она, словно верила, что так и было.

— Бабушка... как? Как эти доспехи по телевизору могли помочь кому-то, еще и мне?

Она посмотрела на меня, как на сельскую дурочку.

— Он говорил не приходить тебе, и ты не пришла.

— Нет, но я и не просила тебя приходить.

На ее лице отразилось «вот ты о чем».

— Да. Это не твоя вина. Ты не виновата, что твой противник выглядит некомпетентно.

А ты можешь все исправить. Ты герой, Мелоди. И заслуживаешь свое шоу.

Она сказала последние слова громко, и я думала, что она ждет, что работники ТВ оттолкнул Лео и тут же возьмут меня. Но они этого, ясно же, не сделали. Они оттирали яйца с лиц и спешно прятали оборудование в багажники.

Я посмотрела на Лео, зная, что бабушка только что сбросила меня с вершины. И я словно ударились лицом о землю, набрав ее полный рот.

— Лео, мне жаль. Я не знала, что она планирует опозорить тебя в прямом эфире.

Он уставился на меня, и я не была уверена, но он будто зашипел. Не знаю, нарочно ли, я надеялась, что нет. Меня растрогало, что Арти шагнул ко мне, решив помочь. Лео осмотрел его, а потом взглянул на меня.

— Зависть — плохое чувство, — сказал он, явно не веря мне. — И я думал, что ты лучше.

Ага, теперь он хотел воззвать к моей совести. Я не была удивлена.

— Я не думал, что ты опустишься так низко, до использования старушек. Она могла сломать хрупкие косточки, так упав.

У меня заканчивалось терпение, ведь он должен был знать меня и поверить.

— О, не надо. Я занимаюсь йогой, — бабушка закатила глаза. — Хотелось бы увидеть тебя раненым павлином, юноша.

Мы удивленно уставились на нее.

— Что? Это поза в йоге. Я показала бы, но не в той одежде, — она затянулась сигаретой и махнула рукой на кимоно.

Я чувствовала, что Марина беззвучно смеется рядом со мной, и я бы тоже отвернулась и засмеялась, но сейчас было важно дать Лео понять, что я не собиралась подставить его. О, я хотела победить, но одолеть его честно, ведь я была лучше, а не вот так. Это первое дело агентства, и я надеялась, что их будет еще много. Нам нужно победить. Мне нужно, ведь мне двадцать семь, и жизни пора меняться.

— Улыбнетесь на камеру, ребята?

О, только не это. Словно еще было куда падать, Флетчер Ганн появился у дома.

Глава девятая:

— А история продолжается?

Он прислонился к калитке и был явно сильнее удивлен происходящим, чем я, и рад был видеть Флетча только Лео. Они никогда не ладили, были противоположностями во многом, если подумать. Лео был близок к вершине в списке Флетча «опозорить до смерти», сразу после семьи Биттерсвит, представителей двух поколений которой он поймал на газоне дома Скарборо в многообещающем положении. Он явно радовался, как на дне рождения.

Бабушка изящно выпустила облачко дыма в его камеру, когда он направил объектив на

нее, и он покачал головой.

— Как всегда радость, Парадайз.

Она нахмурилась из-за своего полного имени, его использовали так редко, что это звучало оскорбительно, что он, конечно, и хотел сделать.

— Ничего интереснее, чем висеть на моем хвосте не придумал, Ганн? — Лео уставился на Флетча.

— На смокинге, — пробормотала Марина рядом со мной. Арти был с другой стороны от меня, смотрел на меня большими глазами.

Флетч осмотрел одежду Лео, вскинув брови.

— Кого сегодня изображаешь, Дарк? Дешевую версию мистера Дарси?

И хотя я видела причину сравнения, мне не нравилось, что мы давали Флетчу материал, которым он сможет пользоваться неделями. Еще и бабушка в вычурной одежде на газоне.

— Даже не знаю, спрашивать ли, что тут происходит, — сказал он. — Хотя догадки у меня есть. Наша кучка лжецов собралась, чтобы заставить людей поверить в чушь про призраков по телевизору. Бла-бла-бла. Есть что-то еще, или мне можно идти на обед?

Бабушка медленно затянулась сигаретой и выдохнула облачко дыма, напоминая Марлен Дитрих в черно-белом кино.

— Только твоя бабушка может курить так сексуально, — восхитилась Марина.

— Она давно тренируется, — пробормотала я, все еще злясь на нее за все это.

— Я знала твою бабушку, Флетчер Ганн, — она махнула сигаретой в его сторону. — Прекрасная женщина. Приходила ко мне каждую пятницу после смерти твоего дедушки Рона, — она улыбнулась. — А он был еще тем человеком. Хотя вы с ним внешне похожи.

— Не надо, Дайси, — усмехнулся он, хотя был немного потрясен. — Прибереги гадание по чайникам для кого-то доверчивого.

Бабушка улыбалась, не тревожась из-за грубости Флетча.

— Удивительно. Ты так напуган тем, чего не видишь, а она так легко все воспринимала, но все же... ты мужчина.

Она ранила его, я видела, как на его щеке дергается мышца.

— Бабушка, ты не помогаешь. Может, зайдешь и приоденешься?

— Я так пришла, милая. И у меня трико под этим. Хотя таксисту было весело, думаю.

Я дала Арти ключи от Булочки.

— Отведешь бабушку в машину? И ждите меня.

Он кивнул и шагнул вперед, радуясь заданию.

— Пойдемте, миссис Биттерсвит?

Он протянул ей руку, и она приняла ее, все еще хмуро глядя на Флетча.

— Спасибо, Артур, у тебя хорошие манеры. Нынче такое у молодежи редко встретишь.

Она позволила увести ее. Я выдохнула с облегчением, когда она уже не слышала. Если бы можно было так легко отделаться от Флетчера Ганна...

— Думаю, нам лучше войти, — сказала я Лео, игнорируя репортера, которого терпеть не могла.

Лео покачал головой.

— И ты говоришь, что это не твоих рук дело? Ладно тебе, Мелоди. Мы знаем, что ты завидуешь моему успеху. Ты хотела пригрозить, но зашла слишком далеко. Дайси могла разрушить мне карьеру. И все еще может. Ты ведь не пойдешь объяснять продюсерам, что там случилось, да?

Он говорил, а близняшки-барби шли к нему по тропинке, словно по подиуму. Они замерли позади нег. Флетч заметно оживился.

— Ники и Вики, — тихо сказала я Марине, вспомнив их имена.

— Шутишь, — едва слышно рассмеялась она.

Лео осмелел в присутствии своей поддержки.

— Знаешь, Мелоди? Не важно, знала ты о выходке Дайси или нет, потому что это все равно случилось из-за того, что ты упрямо суешь нос в мои дела. Ты бросила вызов по телевизору, и я довожу до сведения, что собираюсь смести тебя и твою смешную... — он махнул в сторону Булочки, — карету с лица этой чертовой планеты!

Он кивнул близняшкам, чтобы они шли за ним, и ушел. Честно говоря, я была ошеломлена его сарказмом и уверенностью, что я могла так низко пасть. Может, кусочек моего сердца, что всегда принадлежал ему, только что уменьшился.

Флетч подмигнул девушкам, когда они прошли мимо.

— Можно присоединиться к вам, дамы? Обещаю быть плохим мальчиком.

Лео развернулся и прорычал:

— Сгинь, Флетчер, — а потом открыл дверь машины и загнал близняшек внутрь. Из-за тестостерона, исходившего от них, воздух туманился, словно жар поднимался от разогретого бетона летним днем. Лео посмотрел на меня, шепнул: «война» и сел за руль. Если его шины могли задымиться, он довел бы их до этого.

— Уинстон Черчилль из него не вышел, да? — отметила Марина, мы провожали его взглядами. Ее телефон зазвенел в ее лифчике, и она виновато посмотрела на меня и пошла к Булочке.

— Остались только мы, охотница, — улыбнулся Флетч. — Все еще хочешь зайти и показать мне эксклюзив?

— И тебе так повезет, — фыркнула я, а потом вспомнила, что Марина говорила о том, что он смотрел на меня сзади, когда был там в прошлый раз. Я не могу впустить его в дом Скарборо, не могу подставлять себя.

— Я жду приглашения, — рассмеялся он. — Если ты этого хочешь.

— Тебе обязательно нужно заигрывать с каждой юбкой? Ты выглядишь от этого больным, — я наполнила слова максимальным отвращением, ведь была раздражена мурашками интереса, что скользнули по спине от его слов. Знаю, знаю. Но он горяч, а у меня все очень грустно. Я все еще ненавидела его, хотя разум отмечал, что его глаза цвета лесного мха, и он сексуально закатал рукава рубашки.

Он оглянулся через плечо.

— Ты говоришь со мной или с одним из своих воображаемых друзей, Биттерсвит?

— Тебе пора уходить. Здесь не на что смотреть, и скорее в аду все замерзнет, чем я дам тебе эксклюзив.

Его глаза медленно скользили по моей футболке «Блуждающих огней». Отмечу, что злая Эдна была моим любимым персонажем.

— Лучше купи себе длинное пальто, милая.

Я смотрела, как он идет к машине, припаркованной неподалеку от дома, и старается скрыть, что его задела. Я не могла ничего сказать о его машине, она была крутой — старый синий «Сааб». Это не значило, что Булочка не крута, но такими машинами всегда восхищались, если видели на свидании вслепую. Машина словно говорила: «Я другая, не думаю о правилах». Он был одет неряшливо, словно пытался выглядеть как мужчина с

обложки «GQ», но он не мог сравниться с бабушкой и ее одеждой. Хотя ему удалось сделать из официальной одежды что-то странное, словно он всегда смешивал работу с визитами в соседний бар за водкой. Знаете, как некоторые рабочие носят дешевые рубашки, что просвечивают, и дурацкие галстуки к ним? Флетч не такой. Я смотрела ему вслед и заметила, что его угольного цвета рубашка подчеркивала его в правильных местах, отмечала его плечи и бицепсы, пока он шел, и я не представляла, что после школы он носил галстук.

Я недовольно зарычала, а он закрыл дверь, ведя себя так, словно зацепил меня. В принципе, так и было.

Забравшись в машину несколько минут спустя, я благодарно улыбнулась Арти за то, что позволил бабушке сидеть на месте Марины. Она все равно поступила бы по-своему, но я, как и она, ценила его хорошие манеры.

Я молчала, пока разворачивала Булочку, выплескивая свою злость на поворотах.

— Молодец, бабушка. Я ужасно благодарна.

Она пожала плечами.

— Пустяки, милая.

— О, не пустяки, — меня пронзила мысль. — Мама знает, что ты здесь?

Бабушка нахмурилась.

— Нет. Думаю, она догадается, так что я не говорила ей. Стыдно, ведь у нее вышло бы лучше с Ллойдом, чем у меня. Он вредный.

— Они говорили с тобой? — я не удержала гнев, ведь был шанс, что бабушка узнала от братьев Скарборо что-то полезное.

Она прижалась головой к спинке кресла с вздохом и закрыла глаза.

— Говорили немного, милая, что-то про бабушек и яйца, если не ошибаюсь.

Я выдохнула и покачала головой, поворачивая на Чейплвик Хайстрит, понимая, что она заставит меня еще благодарить ее за вмешательство. Уверена, она считала, что помогает мне. Она хотела помочь, хотя больше навредила.

— Ладно, бабушка, — сказала я, игнорируя не то смешок, не то кашель Марины, ведь она понимала мое состояние. — Ты пыталась помочь. Я ценю то, что ты не пыталась опозорить нашу профессию и выставить нас какими-то ковбоями.

Бабушка открыла глаза и уставилась на меня, Марина медленно покачала головой, показывая, что мои слова были не удачными.

— Я понимаю, что ты делала это из хороших побуждений.

— Ты звучишь как американский психолог, Мелоди.

Бабушка закрыла глаза, и я скривилась в ее сторону, ведь день выдался тот еще. Она открыла один глаз, увидела выражение моего лица и закрыла его снова.

— Это было очень по-детски.

Марина склонилась и взяла мою бабушку за руку.

— Мелоди пыталась сказать, что мы все думаем, что вы была потрясающей там, Дайси, и мы благодарны, что вы пытались помочь.

Я кивнула, стиснув зубы, хотя глаза бабушки все еще были закрытыми.

— Вы нам очень помогли бы, если бы рассказали, поведали ли вам что-то братья Скарборо, если вы не возражаете, — вмешался Арти профессиональным голосом, хотя не пристегнулся и цеплялся за сидения, чтобы не вылететь из машины на большой скорости.

После паузы бабушка открыла глаза:

— Раз вы так вежливо просите, — сказала она, играя с длинными жемчужными

бусами. — Я поняла, что Исаак и Ллойд недолюбливают друг друга.

— Это еще мягко сказано, ведь один из них убил брата, и они пытаются обвинить друг друга, — пробормотала я, отвлекаясь на белый грузовик впереди. Когда я просигналила, его водитель отмахнулся в открытое окно. Я ответила нехорошим жестом. И своим грубым жестом я поставила точку в этом споре. Я снова обратила внимание на бабушку.

— Я тоже увидела Ллойда таким. С тобой он общительным не стал?

Бабушка задумалась.

— Не общителен. Он не хочет, чтобы ты им мешала. Это я знаю. Как и Лео. Он готов позволить продать дом с ними. Шумят Исаак и Дуглас.

— Хмм, это я тоже поняла. Судя по доступной истории дома, которой не так и много, Исааку пришлось принять вину за убийство Дугласа. Его не посадили, но семья оставила его, и он не смог вернуться в дом живым, — я подъехала к «Веселым духам», и Булочка с облегчением утихла, когда я выключила двигатель. — Печально.

— Если он этого не делал, — добавила Марина.

— Да. Он общителен, но и злится, и мне придется приложить усилия, чтобы ему как-то помочь.

Марина расстегнула пояс безопасности.

— Разгадка убийцы Дугласа Скарборо, думаю, поможет.

— Он лихой парень, да? — сказала бабушка, запахивая кимоно на коленях, собираясь выйти из машины. — Этаким красавчик.

— Я не заметила, — соврала я. Марина понимающе вскинула брови и рассмеялась.

— Потому у тебя розовеют щеки, когда он рядом. Ты не говорила, что наш Дуги — горячая штучка.

Я покачала головой.

— Марина, он холоден и мертв больше века. Он ужасно далек от горячей штучки.

Я резко закончила разговор, выйдя из машины и открыв заднюю дверь, чтобы вылез Арти. Он размыл длинные ноги и обошел Булочку, чтобы помочь бабушке величественно выйти из машины, насколько это было возможно для пенсионерки в халате.

— И все? Мне нужно разгадать убийство? — сказала я, не понимая, как сделать то, что не удалось полиции сто лет назад. — Так я буду маяться долго.

— Всегда можно спросить свой Волшебный шар, — предложила Марина, а потом крикнула. — Хорошо постарались, Дайси!

Бабушка вскинула руку в ответ, по-королевски махнув, и ушла в сторону «Веселых духов». Со спины она выглядела как девушка, стыдливо идущая домой из машины, одетая неприемлемо для времени дня.

— Я, наверное, пойду, — сказала Марина, глядя на телефон. — Мама позвонила и попросила прийти раньше, присмотреть за дедушкой, — она быстро обняла меня. — Наша первая успешная неделя пройдена.

— Дай пять, — улыбнулась я, а потом отпрянула и посмотрела на часы. — Ты тоже можешь идти, Арти, уже после трех. Больше сегодня ничего быть не должно.

Он кивнул, расправил плечи. Я надеялась, что он не проверял так, цело ли тело после тряски в Булочке.

— Могу подбросить, — предложила Марина, копаясь в сумочке в поисках ключей от машины. — Мне по пути.

Я посмотрела, как они уезжают.

— Эй, Арти. Возвращайся в понедельник, — крикнула я. Он развернулся и издал смешок. Он вернется.

* * *

Все утихло, и я села за стол, а потом разобралась с оставшимися канноли бабушки Малонэ, листая папку с делом дома Скарборо. Одна неделя прошла. Было интересно, и Арти оказался открытием, но я не ожидала, что придется разгадывать убийство в первую неделю.

Я доела и вздохнула в тишине, стараясь не вестись на то, что предложение Марины спросить у Волшебного шара, кто убил Дугласа Скарборо, казалось неплохим. Я молилась непонятно кому, чтобы все разрешилось. Меня не назовешь религиозной, хотя если бы явилась богиня сладостей, я упала бы на колени и поклялась бы ей в верности. Я бы радостно попробовала священный сахар и молила бы о помощи богини. Прошу, помоги, богиня конфет, ведь мне двадцать семь, и, несмотря на мой оптимизм и способность преодолевать дни, я чувствовала себя как испуганный ребенок, что все испортит. Основание агентства было во многом отличной идеей, у меня не хватило бы пальцев сосчитать причины, но все равно пугало. Я боялась подвести Марину и Арти, подвести Скарборо, подставить себя. Я толком не знала отца, но боялась подвести и его.

Нужно, чтобы все сработало.

Глава десятая:

Утро субботы, и я надеялась, что в дверь стучат по причине. Я была посреди любимого сна, в котором Тор приходил и спасал меня из ледяного дворца, где я оказалась без упомянутой причины. Что? Да, я любила сны с супергероями. У всех свои странности, у меня — такая. Если мужчина умел летать, зеленеть или ломать вещи огромным молотом, я была в восторге. Я тут же вспомнила, что Лео был единственным из тех, кого я знала, кто мог носить костюм, но я отогнала мысль так быстро, как она и возникла, и поднялась с кровати, чтобы открыть дверь.

— Мелоди Биттерсвит? — Двейн, мой почтальон, знал меня еще со времени, когда я ходила в школу с его сестрой, так что он отлично знал, кто я.

— Она самая, — я вытянула руку и взяла сверток, хмурясь. Я ничего не заказывала.

— На книгу похоже, — сказал Двейн, оглядев сверток, словно думал, что я открою его перед ним, чтобы удовлетворить его любопытство.

— Ты всем так приносишь почту или только мне?

Он улыбнулся, но эта улыбка не была невинной.

— О, я избирателен. Я тут недавно принес женщине секс-игрушки, — он перестал улыбаться и склонился ближе. — Мне-то все равно, но они были подержанными с eBay, — он пожал плечами. — И даже не завернутые. Кто так делает?

— Даже знать не хочу, — сказала я, закрывая дверь. Я оставила Тора ради этого.

Это была книга, но я не заказывала. Марка показывала, что ее прислали из Хей-он-Уай что было странно, ведь я никого там не знала, записки не было, и это было еще страннее. Зачем кому-то присылать мне подарок? Я вертела книгу в руках, изучала вычурные золотые буквы. Она точно не попала ко мне случайно.

«Двадцатилетний опыт охоты на призраков» Элиот О'Доннел. Она была старой, потрепанной, тяжелой, зеленая кожаная обложка и позолоченные края страниц. Я взглянула на дату издания. 1917.

Я вспомнила фильм, книгу мог купить в магазине волшебных книг горбатый мудрый старец. А, может, она из книжного магазина, как тот, что был у Хью Гранта в «Ноттинг-Хилл». Вполне возможно. Хью Грант был точно лучше горбатого старца. Я пару минут лениво представляла это, пока заваривала кофе. Хью Грант на коленях ищет что-то под стойкой в магазине, показывая мне красивую пятую точку, ведь он знал, что там книга, которую я должна прочитать.

Я не смотрела на книгу на столе, пока ставила куски хлеба в тостер. За первую неделю работы загадки только громоздились друг на друга, и эта странная книга только добавилась к горе. Может, если я сосредоточусь на загадке дома Скарборо, книга покажет, откуда она взялась...

Я покрутила волшебный шар на столе и ждала подсказки, стоит ли идти одной в дом Скарборо этим утром.

«Несомненно».

Хоть какое-то решение. Я взяла банку с верхней полки, ведь после получения древней книги и перед визитом в дом Скарборо мне хотелось съесть арахисового масла.

* * *

Путь к черному ходу дома Скарборо было проще найти, ведь Арти протоптал тропу. Я тихо скользнула внутрь, в этот раз закрыв за собой дверь, чтобы не пришли нежелательные гости.

— Исаак? — позвала я, пройдя на кухню. Голос эхом разнесся по старому дому, дрожь пробежала по моей спине. Запугать меня сложно, но что-то в тишине сегодня тревожило меня, атмосфера была враждебной, такого не было в прошлый раз. Может, все потому, что я пришла одна.

— Это начинает утомлять, мисс Биттерсвит.

Я вздрогнула, тихий голос раздался у меня над ухом, когда я вышла в коридор.

— Ллойд, — я отпрянула в кухню, чтобы увеличить расстояние между нами. Он ждал у двери, чтобы напугать меня. Я злилась на себя за реакцию, но я не боялась его. Ему нужно было постараться лучше. Я же не ничего не подозревающая дурочка. Я Биттерсвит. Ллойд Скарборо недооценил меня, и я пока что собиралась позволить ему смотреть на меня свысока и продолжать заблуждаться.

— Для вас мистер Скарборо, — холодно исправил он.

— Вам не нравится мое присутствие здесь, — сказала я, прислонившись к дверной раме.

— Я призрак, а вы охотница, мисс Биттерсвит. Думаю, это сразу нас разделяет.

Тут и не поспоришь, да?

— Я могу вам помочь, — сказала я.

Он рассмеялся, звук был пустым и эхом отражался от стен.

— В том-то и проблема. Мне не нужна помощь вас и ваших друзей, — возмущение исходило от него холодными волнами. — Смешная наглость молодежи. Дуглас такой же.

Я насторожилась, он вздохнул.

— О, прошу. Позволь негативно отзываться о брате без автоматического причисления меня к хладнокровным убийцам.

— Но кто-то его убил, — сказала я.

— Вина Исаака была записана в документах.

— Но он не виновен.

— Это не делает его невинным, — пожал плечами Ллойд. — Да и какая разница? Дом скоро продадут, и он будет полон, насколько я понял, едва живых стариков.

Я решила, что Ллойд Скарборо мне не нравится. Он вредный и грубый. А по моему опыту призрак отражал то, каким был человек при жизни.

— Его не продадут, пока вы отпугиваете покупателей.

— Не я отпугиваю, мисс Биттерсвит.

Он пожал плечами и растворился в воздухе, оставив меня одну.

И ладно. Я могла вернуться под раннее майское солнышко или пойти по лестнице и увидеть, что там. Многие адекватные люди выбрали бы солнышко. Я адекватной себя не считала, я Биттерсвит, и у меня есть работа. Я поставила ногу на первую широкую скрипящую ступеньку и начала подниматься.

Это старое место восхищало. Конечно, ему нужен был капитальный ремонт, но дом казался волшебным. Высокие потолки и большие комнаты с застоявшимся воздухом, и все было украшено дорого, ведь даже ткани на шторах и пологам были тяжелым бархатом и старым скользким шелком; мне не нравилось, но они точно были модными, когда выбирались. Дом был покрыт пылью, но под этим плащом было дорогое платье и камни. Позорно, что Донован Скарборо не пытался превратить дом в роскошное семейное гнездо, но присутствие трех недружелюбных призраков могло отпугнуть. Я бы не хотела жить здесь с братьями Скарборо, так что я понимала, почему он не продается. Донован явно не жалел, что продавал дом, хотя мне казалось, что решение он принимал головой, а не сердцем. Печально, ведь каждая половица в доме была пропитана историей, хорошей и плохой, а это все уберут и заменят магнолиями, дешевыми занавесками и металлическими поручнями.

— Сама пришла, охотница?

Я повернулась на веселый голос Дугласа Скарборо, он был у двери в одну из спален.

— Да, — черт. Щеки покраснелись, потому что он выглядел как один из Крысиной стаи, весь с иголки и с лаком. Я улыбнулась ему, надеясь, что румянец не видно. — Хочешь поговорить?

— Хочешь сказать, что тебе нужно со мной поговорить, — улыбнулся он. — Я бы хотел что-то в обмен сначала.

— Я пожалею, если спрошу, что это?

— Не думаю, — он скрестил руки на груди. — Я хочу посмотреть крикет.

Ладно. Я не этого ожидала. Не знаю, чего я ждала, но не этого.

— Ты знаешь, что не можешь покинуть дом, да?

— Это нужно говорить мне? Я здесь с 1910. Поверь, если бы я мог покинуть дом, то я бы уже нашел способ.

— И... ты хочешь, чтобы я организовала матч по крикету... в саду... а ты посмотришь из окна? — я говорила медленно, озвучивая мысли. Голос стал неуверенным, стал выше, потому что я не могла представить, как кто-то из знакомых сыграет в крикет. Мама? Марина? Арти? О, нет... не я же?

К счастью, Дуглас рассмеялся, убедив меня, что я не так все поняла.

— Нет, это было бы глупо, да? — я не обиделась. Он не знал всего. Если он фанат крикета, то мои попытки управляться с битой могут любого уважающего себя фаната вывести из себя, заставить вскрыть вены. Если они буду живыми.

— Я хочу телевизор. Цветной, как был, когда тут жил отец Донована.

— Не думаю, что тут подойдет хоть черно-белый, — сказала я, радуясь, что мне не

нужно покупать форму для крикета, а потом мрачней, когда я поняла, что нужно купить и установить тут телевизор. Не думаю, что можно будет просто включить его, и картинка появится. В доме Скарборо точно не было тарелки. Я запомнила, что нужно это проверить, когда буду уходить. — Я подумаю пару дней, — сказала я. — Ничего не обещаю, но постараюсь.

Дуглас оттолкнулся от дверной рамы и кивнул.

— Очень хорошо. До следующего раза, Мелоди, — он склонил голову и направился прочь, дав мне понять, что он будет молчать, пока не услышит звуки крикета. Там использовалась ива или береза? И куда меня вообще понесло? Я надеялась, что Арти окажется фанатом крикета, но сомневалась в этом.

— Исаак тут? — крикнула я вслед Дугласу.

Он взглянул на узкую лестницу, ведущую на чердак.

— Обычно он там ворчит.

В юном голосе Дугласа звучала усталость. Мне стало его жалко, ведь он был заперт здесь столько лет. Он умер в 1910 и оставался до этих дней, но не мог поговорить с жителями дома, пока в 1968 не прибыл призрак Исаака, а за ним и Ллойд присоединился в 1971. Дуглас был юным, когда один из братьев по-настоящему ударил его ножом в спину и сбросил с лестницы. Может, он даже не успел полюбить и пострадать от любви, может, у него и девушек не было. В двадцать один он мог и не быть девственником. Я надеялась на это. Он казался мне тем, кого легко полюбить, и он щедро любил в ответ. Если бы парням нужно было только посмотреть матч! Я собиралась исполнить его желание, даже если для этого мне придется лезть на крышу самой.

* * *

— Исаак?

Краска на синей двери чердака облупилась, я открыла ее с громким скрипом.

— Исаак? — снова позвала я, в этот раз чуть громче, и вошла в комнату, шурясь из-за занавесок. Они были кроваво-красными, солнце старалось пробиться сквозь них, заливая комнату теплым розовым сиянием. Напоминало сцену в дешевом фильме, где место заливали красным светом, чтобы призвать духов. Здесь было мало воздуха. Я не видела Исаака, так что я подошла к окну в покатой крыше и начала раздвигать занавески.

— Я предпочитаю их не трогать.

Я развернулась и увидела Исаака в кресле, книга была на его коленях. В куче вещей и балок я не заметила его.

— Что читаете? — спросила я, надеясь, что он отгадает. Он поднял книгу, чтобы я увидела. Джеки Коллинз «Голливудские жены».

Это я ожидала.

— Я прочитал каждую книгу в доме больше десяти раз, дитя. Это худшая из них.

Я тут же поняла.

— Хотите принесу вам новые?

— Я думал, ты хочешь избавиться от меня, а не развлекать, — он закрыл книгу и отложил в сторону. — Я люблю ужасы. И газету.

Я запомнила, что нужно спросить совета у бабушки, она любила ужасы, и чем страшнее, тем лучше. Учитывая, что женщин Биттерсвит запугать сложно, нам приходилось получать свою дозу страха хоть так.

— Я хочу помочь, Исаак, и если это значит, что нужна пара новых книг, так тому и

быть. А потом займемся важным.

— Ты про то, кто убил Дугласа, — он прервал меня. — Я тебе кое-что скажу, Мелоди. Думаю, оружие все еще где-то в доме.

— Почему вы так думаете?

— Потому что ни Ллойд, ни я не покидали дом, когда обнаружили тело Дугласа, и известно, что убийцы берегут трофеи своих убийств.

— Верно, — медленно сказала я, мыслями все еще оставаясь на просьбе Исаака о новых книгах. Может, стоит добавить пару легких романов. — Но разве дом не обыскивали?

Он пожал плечами.

— Это было в 1910, Мелоди. Они искали, конечно, но полиция сейчас отличается от той, что была. Тогда и экспертизы не было, — он был прав. Я смотрела достаточно серий «CSI Miami», чтобы знать, что экспертиза была важна в расследовании убийства.

— А вы не искали, когда были живы, потому что семья вас изгнала, — сказала я, вспоминая его слова, пока придумывала теорию в голове. Я оставляла возможность, что убийца — Исаак, и что он пытается запутать меня, но это было не основной мыслью. Если говорить о том, кто из братьев похож на убийцу, я тут же укажу на Ллойда. Но без мотива или оружия я не могла найти доказательства.

— Хоть я и научился призраком удерживать предметы, открывать и закрывать двери, но поднимать что-то тяжелое и искать мелочи я не могу, — объяснил Исаак, качая головой.

— А держать ручку можете? — он знал дом лучше, чем я, и я надеялась, что он напишет список того, где точно нужно проверить.

— Мог, пока не появился дурак и не потратил все ручки в дом за шесть месяцев.

— Вы про Ллойда?

Исаак мрачно вздохнул, слыша имя брата.

— Он всегда мнил себя писателем, когда мы были младше, — он скрестил руки на коленях. — Обожал писать дневники, был убежден, что ворвется в мир литературы сияющими пьесами и прозой. Маме не стоило его поддерживать, это было жестоко.

Я не понимала, что такого жестокого в писательстве Ллойда. Я все еще пыталась понять отношения между братьями Скарборо сейчас и тогда, когда они были живы, а в доме была их семья.

Я добавила ручки и бумагу в растущий список предметов, что придется нести в следующий раз. Может, подойдут и кроссворды. Хотя в словарь нынче добавили много разных слов, так что для братьев это не лучшая идея. Зато я всегда могу научить их sudoku.

* * *

Мама позвала меня вниз поесть с ней и бабушкой. Думаю, это было сообщение о мире после выступления бабушки в роли рыцаря, хотя сама бабушка так не стала бы поступать.

Когда я пришла на кухню, то сразу заметила, что на столе лучшие приборы. Потом я заметила, что мама не поленилась зажечь высокие свечи. А потом я заметила лысого незнакомца с детским лицом рядом с бабушкой. Черт. Только не снова.

Мама повернулась ко мне и улыбнулась, словно хищный волк.

— Как раз вовремя, милая, — сказала сладко она, что было странно, ведь она отлично знала, что сейчас я мечтаю свернуть ей шею. Она порой пыталась познакомить меня со случайным человеком, которого встречала на радио или в магазине. Последний был так ужасен, что даже она решила бежать из своей квартиры, и я помнила, что разговор поздно ночью заставлял меня страшно ругаться, а ее поклясться, что она больше не полезет в мою

жизнь. Но вот мы снова здесь.

Я немного обрадовалась, что выгляжу так, словно сбежала из избушки. Волосы были спутаны, скрыты полотенцем, ведь я пыталась заставить их виться, но пряди были прямыми все равно. Принцесса Пупырчатого королевства была на моей любимой футболке. Я была согласна с ее хмурым взглядом. И что задумала мама?

— Хай, — я вела себя как приглашенная звезда на американском шоу, я улыбнулась так широко, что заболели щеки. — Вы, наверное, Майк. Мама говорила о вас, и я на сто процентов уверена, что вы станете моим новым приемным отцом. Кто ныне думает о разнице в возрасте? — я взглянула на маму, скалясь, и расправила плечи. Я видела стальной блеск ее глаз, но не боялась. Я думала, мы пришли к пониманию насчет моей личной жизни, насчет ее отсутствия. Похоже, я ошиблась, и я была готова дать понять, что она последний раз так ошибается. Они с бабушкой любили лезть в мои дела с лучшими намерениями, приводя все к плохим результатам. Это уже было видно, когда бабушка появилась в доспехах по телевизору. Мама же предпочитала романтику, надоедая все больше со временем.

Я знала, в чем было дело. Она нашла истинную любовь рано, в семнадцать, и десять лет ее любил мой папа, он дал ей нереальные представления о любви, и теперь страдала я. Ее розовые очки на носу были такими тяжелыми, что было странно, что она не падает. Никто не заменил ей папу, но это не значило, что она была одинока после его смерти. У бабушки было так же с дедом, хотя ее горе было меньше, ведь дух его оставался у ее кровати последние двадцать лет.

Для женщин Биттерсвит любовь была большой, всепоглощающей, меняющей жизнь. Мама хотела, чтобы я нашла себе любовь, и она старалась подтолкнуть меня в правильном направлении. Можете думать, что понимание проблемы делало меня добрее по отношению к незнакомцу, но этого не было.

Бабушка налила всем шампанского и безмолвно следила, радуясь, что я теперь злюсь не на нее. Серьезно, где мне найти на всех злость, если они постоянно выводят меня? Я была младшей в семье, но точно самой адекватной.

— Мелоди, милая, можем поговорить?

Я прошла за мамой на балкон, повернулась к ней, как только закрыла дверь.

— Мама! — прошипела я. — Мы же говорили об этом.

— Он идеальный, а ты его смутила. И меня не интересуют малыши, — она привычно яростно шипела, отточив технику за годы похожих разговоров.

— Словно меня интересуется кто-то ниже меня, — парировала я сквозь сжатые зубы.

— Ради бога, Мелоди, он сидит! Как можно уже обвинить его в росте?

Она попыталась распутать мои волосы, но я отбила ее руки. Мы боролись секунду.

— Отстань, — рявкнула я, расправляя футболку на груди. — Его едва видно из-за стола. Вряд ли его ноги сильно отличаются от тела, так что он низкий. И не будем говорить о том, что у него этот дурацкий галстук, да?

— Тебе нравится Доктор Кто! — она тряхнула седыми волосами, глядя на меня. — У него такой же галстук.

— Да, мама, но Мэтт Смит еще и секс на ногах. На длинных ногах, и он умный и хитрый, с хорошими волосами.

Мама скрестила руки и прищурилась, как кобра перед броском.

— У Лео Дарка длинные ноги, он умный и хитрый, и волосы неплохи. Думаю, тебе нужно расширить список критериев, иначе тебя ждет разбитое сердце, милая.

Я открыла рот и закрыла его, голова кружилась, словно я пробежала опасную гонку. Я не верила, что она сказала это, и что она верила, что так может быть.

Я была так избирательна? Мне нужно было «расширить список критериев», чтобы туда попал коротышка с дурацким галстуком? Не нужно было показывать ей, как я расстроена, что мне почти двадцать семь, она явно решила, что это знак, что я приму ее попытки помочь. Я не успела остроумно парировать ей, она триумфатором ушла на кухню, а потом выглянула из-за двери, указывая на мою голову дикими жестами. Я сняла полотенце и вернулась на кухню, чтобы поговорить с коротышкой, которому не быть Доктором Кто, как и моим парнем.

Глава одиннадцатая:

— Я разберусь с этим, — сказала Гленда Джексон, глядя на меня поверх очков в роговой оправе. Было почти девять утра в утро второго рабочего понедельника, и она провела полчаса в офисе с папками, хотя у нас было только одно дело.

Она открыла синюю большую бухгалтерскую книгу, где записывались наши траты.

— Итак, здесь двадцатичетырехдюймовый телевизор, серия книг Дина Кунца, дневник на замке, шесть синих шариковых ручек и журнал головоломок, и все в дело 001.

Делом 001 был дом Скарборо. Так его называла Гленда. Я была рада, что она начала с этой недели, и нам удалось хоть немного влиться в дело, чтобы она не решила, что мы полные дуры.

Я кивала, хотя звучало странно. Я даже не была уверена, что писатель-призрак Ллойд примет этот дневник на замочке, и мне могло не хватить смелости даже вручить его ворчливому пожилому призраку. Я выдохнула с облегчением, когда Марина открыла дверь, и они с Арти пришли на вторую рабочую неделю.

Они смеялись над чем-то, но тут же притихли, когда за вторым столом увидели Гленду.

— Арти, это Гленда Джексон, — сказала я, знакомя его с ней. Я думала, он ей понравится, а она его испугает. Ее изгибы обтягивала бежевая блузка с пушистым вырезом и синяя юбка-карандаш, рыжие волосы были собраны на макушке, а помада была нанесена так, что даже Мэрилин Монро пришлось бы склониться перед ней, а еще Гленда была на высоких каблуках. Как и многие мужчины до него, Арти застыл глупо, захотел помахать ей, но я схватила его за локоть и прошептала: «Перегибаешь».

— Бабушка испекла бисквит, — прошептала Марина, поставив банку на холодильник. Второй стол принадлежал ей, но она приставила кресло к моему столу и без возражений села там. Она знала, что с Глендой шутки плохи.

— Теперь все мы здесь, и я могу официально поприветствовать Гленду в ее первый рабочий день в агентстве.

Гленда улыбнулась, вскрывая упаковку еще одного блокнота А4, на котором она написала: «Книга встреч». Открыв эту книгу, она щелкнула ручкой и записала на первой странице дату и отметила первый пункт: «Поприветствовать Гленду». Она с ожиданием подняла голову.

— Прошу, продолжай.

Я сглотнула, занервничав. Власть уже не так радовала, когда в комнате была Гленда.

— Пункт второй, — я кивнула на новую книгу записей, и Гленда принялась писать. — Обсудить ситуацию с делом на Бримсдейл Роуд.

Я пару минут пересказывала Гленде то, что случилось на прошлой неделе. Она не дрогнула даже на той части, когда бабушка предстала рыцарем круглого стола. Я немного расслабилась в кресле. Гленда работала секретарем для нашей семьи больше десяти лет. Никто больше не мог бы записывать детали дела, как это, не моргнув глазом, даже не переспросив, не послышалось ли ей. Я не знала, мог ли еще хоть один секретарь в Англии записывать так быстро, при этом подав Арти салфетку, ведь он даже не заметил, что пролил чай на колени и на стол рядом с бисквитом. Гленда Джексон тихая, но когда она на месте, сложно представить, как мир обходился без нее.

— Ты ходила в дом Скарборо одна? — испуганно спросила Марина, когда я описала свой визит в субботу.

Ей пришлось ждать ответа, потому что я была в раю с бисквитом.

— Волшебный шар меня направил.

— Ты трясла им больше одного раза?

Я прищурилась.

— Ты знаешь, что я не люблю этого.

Очень редко, пару раз в год, я трясла волшебный шар еще раз, если была не согласна с ответом, но Марина знала, что обычно я его слушаюсь, хотя не всегда это приводило к хорошему.

Она уступила.

— И как все прошло?

Я кивнула на горку покупок у двери.

— Братья Скарборо выдвинули требования.

— Ого! Это все для них? Тебя обманули призраки.

— Призраки смотрят телевизор? — спросил Арти, качая удивленно головой.

Я потрясенно смотрела на него.

— Для них даже есть подтекст в сценарии «Жителей Ист-Энда». Ты не знал?

— И им новости читает королева Виктория, — добавила Марина.

Я кивнула, стащив еще один бисквит, пока их не спрятали от меня.

— А Майкл Джексон управляет прачечной.

Арти посмотрел на Марину, на меня, а потом на Гленду.

— Вы ведь не записали этого?

— Потому что это не правда, Арти, — сказала она тепло и серьезно.

— Я знал, — сказал Арти, хотя явно не знал.

— Но они смотрят телевизор, — сказала я. — Дуглас попросил, чтобы смотреть крикет.

И книги для Исаака.

— А дневник? — с сомнением спросила Марина.

— Для Ллойда.

— И давно ворчливый старик стал восьмилетней девочкой?

— Они могут такое? — потрясенно спросил Арти, вздохнул, когда Гленда тряхнула головой.

— Ты ведь не умеешь ставить антенну телевизора, Арти?

Он скривился, и я восприняла это как «нет». Гленда повернулась к коробке с телевизором и прочитала надписи на ней.

— Там уже есть доступ к каналам. Нужно лишь соединить передатчик с телевизором и дать ему настроиться.

Понимаете, что я имела в виду? Гленда знала все.

— Я знал, — снова сказал Арти.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Тогда тебе это делать, когда мы туда пойдём.

— И мы отправимся туда сегодня? — спросила Марина, а я кивнула.

Гленда замерла на новой строке и подняла голову.

— Ваш клиент ведь подписал контракт, чтобы потом оплатить работу?

— Не подписывал, — сказала я, почесав затылок. — Не было такого. А стоило сделать, да?

Она вскинула брови, и это разочарование напомнило о маме.

— Я свяжусь с ним, — она сдвинула очки, и они свободно упали с носа, вися на золотой цепочке. — Есть ещё дела, или я закрываю эту запись?

Я потерла руки и встала.

— Прошу, закрывай, Гленда, — я взглянула на Марину и Арти. — Идёмте, ребята. Нужно найти убийцу.

* * *

Прибыв к дому Скарборо, я сразу заметила, что входная дверь открыта. Я не оставляла ее так, потому что у меня не было ключа, так что это были или Лео Дарк, или Донован Скарборо. Плохо дело. Я не смогу пройти мимо них и установить телевизор так, чтобы они не заметили, да? Лео будет смеяться, а Донован решит, что я перешла границы и отберет ключ.

— Там кто-то есть, — сказал Арти, прижимаясь к окну Булочки, чтобы разглядеть.

— Ага, — пробормотала я. — Я заметила.

И тут знакомый Сааб оказался перед нами, Флетчер Ганн вылез из-за руля. Он посмотрел на нас в Булочке, покачал головой и пошел к дому Скарборо.

— Знаешь? — сказала Марина. — Он тебя явно хочет. По его глазам видно. Он пытается это скрыть, но я вижу этого высокого наглеца насквозь, так что он жутко тебя хочет.

Я смотрела, как его подчеркнутая одеждой задница движется к дому.

— Марина, если бы у него был пистолет и пригоршня пуль, он выпустил бы одну в меня.

— Ага, а еще в твоих маму и бабушку, — согласилась она. — Но я не сказала, что ты ему нравишься. Я сказала, что он тебя хочет, а это другое, да, Арти? — она посмотрела на него, а он уставился на меня большими глазами, пугаясь того, что от него требовали мнения по такому вопросу. Я похлопала его по колену, спасая от ответа, Марина сунула в рот мятную жвачку. Мы проследили, как Флетч исчез за дверью, постучав в нее. — Он может даже отвернуться, когда будет в тебя стрелять. А последнюю пулю точно прибережет для Лео Дарка и будет наслаждаться, когда выпустит ее ему между глаз.

Я не могла решить. Не было смысла идти в дом, когда там другие люди, но я хотела узнать, кт там, и почему приехал Флетч. Я потянулась к ключу зажигания, чтобы приехать позже, но передумала, ведь могла упустить что-то важное.

— Ждите здесь, а я проверю, — сказала я, схватила ручки и блокнотик. — Всем идти нет смысла, — я замерла, зубами разорвала упаковку с ручками и вытащила одну.

Марина фыркнула.

— Хочешь проверить мою теорию с Флетчером Ганном? Арти, дай ей презерватив.

Он стал красным, как почтовый ящик у дороги.

— Нет у меня ничего такого.

Я прожгла Марину взглядом и бросила ей пачку ручек, а потом вышла на тротуар.

— Не слушай ее, Арти. На нее находит вредность.

Она невинно посмотрела на меня.

— Я просто тебе помогаю.

Я не обратила внимания, а подошла к воротам и прижала к ним ладони. Она опустила окно и крикнула:

— Без защиты нет любви. Так я тебе скажу, сестренка...

Я оглянулась на нее с мрачным взглядом. Она подняла вверх большие пальцы и надула большой пузырь, пока Арти сидел рядом, обхватив голову руками. Я отметила, что нужно спросить у него, кормит ли он своего питона мышами, если да, то пусть бросит одну мышь в сумочку Марины в отместку.

Я замерла у входной двери и прижалась ухом к щели, надеясь что-то уловить.

— Мама тебя не учила, что подслушивать — грубо? — Флетч открыл дверь и увидел меня. — Конечно, нет, — продолжил он. — Она же учила тебя ловкости рук, чтобы выманывать из старушек деньги.

Если я позволю ему насмехаться, он победит.

— А твоя мама учила тебя быть вежливым с дамами, — мило улыбнулась я.

— Я вежлив с дамами, — сказал он, намекая, что я к ним не отношусь. Марина точно него не поняла. Он выстрелит мне в лоб, а потом в сердце, чтобы убедиться, что я мертва.

— Ах, мисс Биттерсвит, — Донован Скарборо вышел в коридор и поприветствовал меня сухо, когда я приблизилась. — Есть что доложить?

Я покачала головой.

— Ничего конкретного, но я продолжаю расследование.

Я не собиралась рассказывать ему о братьях Скарборо, пока тут был Флетчер. Я и не была готова ничего ему докладывать, хотелось пока все хорошенько обдумать и что-нибудь найти.

— И тот так же говорит, — прорычал недовольно Донован. — Что с вами такое? Вы же работаете тут.

Меня злила его грубость, но было приятно слышать, что Лео не продвинулся дальше меня.

— Вы тут надолго? — спросила я, стараясь звучать вежливо. — Я могу прийти позже.

Донован пожал плечами.

— Как хочешь. Меня ждет встреча с прессой о доме, ведь покупатели должны думать, что это хорошая покупка.

Я скептически посмотрела на Флетча.

— И из всех репортеров прислали тебя?

Он пожал плечами.

— Совпадение?

Вот уж вряд ли. Он точно заставил послать его, чтобы присматривать за этим домом.

Дуглас прошел в коридор, словно актер на съемку, и подмигнул мне.

— Журналист хотел бы послушать меня, не думаете, мисс Биттерсвит? Уверен, это помогло бы продать больше газет.

Я медленно покачала головой, не глядя на него, ведь только я знала, что он здесь. Дуглас встал за Флетчем и ущипнул за шею. Тот не вздрогнул, лишь потер ладонью шею, словно его охлаждал ветерок. Он оглянулся через плечо, чтобы проверить, приоткрыта ли дверь, и его выражение лица сказало мне, что его черно-белый мозг нашел источник

сквозняка.

— Весело, — улыбался Дуглас. — Как его зовут?

— Флетч, — тихо сказала я и тут же пожалела, когда Флетч посмотрел на меня с удивлением, а когда я не продолжила, он вскинул ладони, словно спрашивая: «Что?». — Прости, — пробормотала я, пытаюсь не смотреть, как Дуглас носится вокруг Флетча, дергая за его синюю рубашку с закатанными рукавами, не очень подходящие для работы джинсы и ботинки, которым требовалась чистка. Похоже, ему снова помешали развлекаться работой. Я не хотела думать об этом.

Я смотрела на них. Между ними был век разницы, но они бы сдружились, будь шанс. У них было похожее поведение крутого парня, первого среди всех, которое не подделать. Я могла легко представить, как они пьют пиво и смотрят матч, хлопая друг друга по спине. Меня тревожило то, что мне нравится, эта фантазия, хотя один из парней был мертв, а в другого я бросила бы пивом, а не пила бы с ним.

Я решила, что пора уходить. Вряд ли я могла узнать о доме что-то, слушая речь Донована Скарборо о продаже, и я пошла к лестнице.

— Помнится, я что-то забыла сверху в прошлый раз. Я быстро заберу, а потом уйду.

Скарборо пожал плечами, но Флетч следил за мной с излишним интересом. Я оставила их общаться внизу, и пошла по ступенькам, замерла, а потом пошла ко второй лестнице к мансарде.

И я нашла там Исаака, и он смотрел в окно.

— Ты не принесла книги, — сказал он. — Я смотрел, как ты идешь из машины, но ты не принесла книги.

— Они в машине, — шепнула я, вытащив из кармана блокнотик и ручку. — Я не могу принести их, пока тут ваш родственник, понимаете?

Исаак недовольно выдохнул.

— Он мне не родственник.

— Что? — я растерялась.

— Семья изгнала меня, помнишь? Это работает в две стороны. И я тоже их бросил.

Я слышала горечь в его словах.

— Я хочу помочь, Исаак, — тихо сказала я и села на пыльное деревянное кресло напротив него. Он смотрел на меня, а я положила блокнот на шаткий столик рядом с ним, а потом положила поверх него новую ручку.

— Если мне нужно найти оружие убийцы, мне нужно знать, с чего начать. Назовите места? Что угодно, вы-то знаете о доме лучше меня.

Он рассмеялся, но смотрел вдаль, блуждая мыслями где-то еще.

— Эти парни как мел и сыр, как внешне, так и по поведению.

Я кивнула, надеясь, что он продолжит, хотя записи делать было грубо. Так что я полагалась на память.

— Дуглас и Ллойд? — не нужно было уточнять, о ком он, но нужно было, чтобы Исаак продолжал.

— Один любил спорт, другой тут же ненавидел. Один постоянно сидел носом в книге, другой читал лишь из надобности. Один любил сцену, другой не мог петь. Интроверт, экстраверт, — он покачал головой. — Такие они.

Исаак мог не объяснять мне, что и как. Но любому мужчине, что вечность провел так, захочется драматизировать.

— Они на пару лет младше, да?

Я знала, что это так, ведь изучала родословную. Исаак кивнул и сцепил тонкие ладони на коленях. Он выглядел таким жалким и брошенным, что мне хотелось купить ему расческу и ужин, хотя он не мог уже это использовать.

— На два года, — подтвердил он. — Я всегда был в стороне, был изгоем. Исаак и близнецы. Исаак и мальчики, — он фыркнул. — А я тоже был мал.

Я хотела бы похлопать Исаака по колену, чтобы показать ему, что слушаю и понимаю.

— Это необычно для близнецов? — спросила я. — Обычно говорят о совпадениях, а не разнице.

— Сложно назвать хоть что-то общее, — сказал он.

— Как вы с ними ладили?

Я заставляла себя говорить спокойно, хотя было интересно услышать мнение Исаака.

— Я отличался от них, — сказал он, подвинув ноги по половицам под стулом. — Был серьезнее, как говорила мама.

— И вы?..

Исаак покачал головой.

— Соревноваться с ними было сложно. Ллойд всегда играл и требовал, а Дуглас был милым голубоглазым мальчиком, в котором мама не видела изъяна.

Он смотрел на меня пару минут, я не удивилась бы, если бы он слышал, как в моей голове крутятся шестеренки, как я представляю его завистником, которому не повезло.

— Не нужно думать об очевидном, Мелоди. Они мне не нравились, но я не убивал Дугласа.

— Я так и не думала, — сказала я. Хотя было иначе. — Запишите все, о чем подумаете. Я вернусь позже или завтра. Ваш родственник, — я замолчала и исправилась. — Донован просит быстрее разобраться, хотя он не знает, о чем просит.

— Это внук Ллойда. Боюсь, это сделало его таким же актером, — рассмеялся без веселья Исаак. Я заметила, что его руки дрожат, когда он брал блокнот и ручку, что я оставила на столе. — Я подумаю над списком, — сказал он, вздохнул и, отклонив голову, закрыл глаза. — Я рад, что ты здесь, Мелоди. Давно пора все решить.

Я смотрела, как он отдыхает, и надеялась, что я распутаю этот клубок. Дело было не в продаже дома, а в трех братьях, застрявших тут из-за неразгаданного преступления, из-за скрытой причины, по которой они задержались тут. В прошлом я встречала много призраков, что были рады задержаться, как мой дед. Он был рад оставаться в спальне с бабушкой, но тут было иначе. Братья Скарборо не были рады этому, ведь их дела не были окончены, они не могли упокоиться. Когда я вошла в дом впервые, воздух был спертый, а они не говорили годами с живыми, лишь пугали их. Мое прибытие и, конечно, Лео придало призракам сил. Мы видели их и говорили с ними, и из-за нас в воздухе теперь ощущалась энергия.

— Постараюсь прийти позже за списком, — шепнула я, хотя призрак не мог спать, и я беззвучно пошла к двери.

Я вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Я услышала скрип лестницы, через миг на небольшой площадке со мной оказался Флетч.

— Снова говоришь с феями? — спросил он с руками в карманах.

— Я не говорила, — сказала я, чтобы его позлить.

— Я слышал.

— И что мне сказать, Флетч? Что я общалась с призраком? И ты поверишь?

— Можешь сказать мне, почему назвала мое имя внизу.

— А не ясно? — сказала я, активируя сарказм, ведь чувствовала запах его кожи, и это неожиданно волновало. Странная смесь дерева весной и дорогого бара поздней ночью, кожа, специи и свежий дождь.

Он кивнул.

— Сопротивляться сложно?

— Поймал, — я понимала, что мы слишком близко, потому что здесь тесно. — Ты — бог секса, Флетч. Я едва держусь.

Он прижался к стене у двери, стараясь вести себя как крутой школьник. Мне словно было четырнадцать.

— А ты горячая штучка, как для лживой охотницы на призраков, Биттерсвит.

Я смотрела потрясенно на него, а он смотрел в ответ. Я на время притихла, ответ прилетел, как метеор с ясного неба.

— Я рада, что мы все решили, — сказала я, но получилось не круто, а глупо.

— Но я не усну, пока ты не покинешь город.

Тон его голоса был скучающим, но зеленые глаза блестели, говоря о другом. Он меня бесил, и я воспользовалась сарказмом.

— Моя семья была тут до твоего рождения, Флетч, и мы еще споем у тебя на похоронах, — я слишком ярко улыбнулась и оставила его, стараясь не вдыхать его запах, пока проходила мимо, иначе я упала бы и врезалась лицом в его шею, оказавшись близко к его раздражающему лицу.

* * *

Я лежала в ванне, на подоконнике рядом стоял большой бокал вина, в руке я держала свой айпад. Я хотела читать, отдыхать, перестать думать о том, был ли Флетчер Ганн искренним. Он ударил внезапно, и я не хотела признаваться даже в тишине ванной, но то, как он смотрел на меня пару секунд, заставляло меня терять контроль. Я привыкла к его подколкам, но повелась на комплимент, и чудо, что я не упала с лестницы и не погибла. Хотелось бросить в него чем-то гнилым.

Несколько недель были безумными, мы искали первое дело, радовались, когда нашли, и моя личная жизнь отступала на второй план. Хотя она и не была на первом плане после Лео, но я уже опасалась, что стану старой дамой с котами, которая говорит с призраками.

Проблемой было то, что из-за агентства я пересекалась с Лео Дарком постоянно, а я еще и падала все ниже от похоти к Флетчу, что было неправильно. Может, стоило дать шанс парню, которого приводила мама. Он был не так плох, когда мы поговорили, хотя его нельзя было назвать нормальным, ведь одним из хобби его была стрижка собак. Так мама с ним и встретилась, он был гостем на радио перед ее программой, и он задержался, потому что надеялся, что она поговорит с Клеопатрой, его недавно умершим той-пуделем. А оказалось, что Клеопатра убежала на ужин, а не к хозяину. Он понял, что мы не врем, потому что она вернулась в том же виде, что умерла: выкрашенная в оранжевые и черные полосы для соревнования, где темой были джунгли.

У меня не было личной жизни, но дела сталкивали меня с Лео и Флетчем, а они ходили, задрав носы. Я закрыла глаза и позволила себе представить, как они сражаются на утесе, как сверкают мечи и глаза в свете вечернего солнца, они сражались за мою руку. День был жарким, и на них остались только брюки, и тела их блестели от пота. О, у Флетча были

шикарные плечи. Хотелось забраться на них и прокатиться. Стойте, что я слышу? Копыта? Да, Полдарк соскочил с коня и бросил треуголку в круг, чтобы тоже сражаться за меня. Это слишком хорошо для меня. Я не знала, кого хочу видеть в победителях, пусть просто сражаются. Движение в небе привлекло мое внимание, и я улыбнулась, а Супермен полетел вниз, сжимая кулаки, бросаясь в бой.

— Жди, герой, — прошептала я, потянувшись за бокалом, пока нежилась в пузырьках. Я сделала плоток вина, а на утес пришел Дуглас Скарборо, готовый отбиваться битой для крикета.

И в этом была моя проблема. Жизнь не могла быть такой, как фантазии.

Глава двенадцатая:

На следующее утро нам повезло больше — дом Скарборо казался тихим и пустым.

— Так мне нравится больше, — обрадовалась я. — Арти, заберешь телевизор сзади?

Мы с Мариной несли остальные вещи, двигаясь к задней двери, а потом на кухню. В таком большом доме кухня была огромной, обрамленной шкафами, а над камином стояло множество железных приборов. Длинный дубовый стол занимал центр кухни, и было просто представить горничную в накрахмаленной форме, готовящую овощи здесь для семейного ужина.

Арти посмотрел на меня поверх коробки с телевизором.

— Куда его нести?

— Не знаю. Нужно посмотреть, где есть кабель.

Он поставил коробку на стол и размял пальцы.

— Мне поискать?

— Общая комната, — сказал Исаак, появляясь на пороге.

— Общая комната, — передала я.

Арти нахмурился.

— Как...? — а потом понимание озарило его лицо, он нервно огляделся. — Я, эм, отнесу его тогда туда, — сказал он, поднял тяжелую коробку и ушел.

— Марина, Исаак здесь, — сказала я, повернувшись к ней. Она вытащила из пакета коробку с набором книг.

— Это теперь ваше, Исаак, — она сорвала целлофан и разложила книги на столе. Перевернув одну, она прочитала аннотацию и пожала плечами. Они были не в ее вкусе, она читала только романтические комедии. — Надеюсь, вы не из пугливых.

Исаак пересек комнату и разложил книги так, чтобы каждую разделял дюйм или два. Марина вздрогнула. На его губах появилась тень улыбки, таким его я еще не видела. Она изменила его лицо, и я теперь представляла, как выглядел бы он, сложись жизнь иначе. Если бы его не обвинили в убийстве брата.

— Скажи ей, что я тоже надеюсь, что она не из пугливых.

Я передала послание, и она фыркнула.

— Извращенное чувство юмора у призрака. То, что надо.

— Я составил список, — сказал он и посмотрел на подоконник. — Он под горшком.

Я увидела рваный уголок бумаги из-под оранжевым горшком и потянула за него. Почерк Исаака был путанным, но я разобрала слова. Список был длинным, некоторые места были знакомыми, в некоторые ему придется меня вести. Его, наверное, раздражало, что столько

лет он не мог сделать этого сам. Он умер как пожилой мужчина, остался в доме как пожилой призрак с теми же физическими ограничениями.

Я понизила голос до шепота.

— Остальные знают о списке?

Он покачал головой.

— Лучше им и не знать.

— Вот и я так подумала, — сказала я. Я пыталась оставаться беспристрастной, но из трех братьев Исаак подсказывал мне больше всех, направлял, чтобы дело двигалось. Ллойд был мне не рад, а Дугласу было навеки двадцать один, его интересовала красота, и он не был серьезным. Он просил посмотреть странный крикет, что выдавало в нем беспечного юношу. Вдруг я поняла, что у нег будет доступ и к другим каналам? Что он подумает о современном обществе? Он умер век назад, а здесь последним лет двадцать жил одиноко пожилой мужчина. Телевизор был раньше здесь, раз остался кабель, но я сомневалась, что вестерны Джона Вейна и «Она написала убийство» не готовили Дугласа к современным фильмам и музыке. О, он же найдет музыкальные каналы. Что он подумает о юной Ариане Гранде, качающей бедрами или о «Little Mix», требующих власти девушек? Он будет в шоке. Вряд ли я могла как-то запретить ему. Я начинала сомневаться в том, что принесла телевизор. Он мог стать зависимым от «Холлиокс», решить, что и так ему неплохо будет провести ближайшее будущее.

— Думаю, получилось, — донесся голос Арти несколько минут спустя, мы с Мариной и Исааком переместились в общую комнату, экран включился, и нам предложили настроить каналы.

— Молодец, — я улыбнулась Арти и победно ткнула кулаком.

— Да. Bravo, — я повернулась на звук голоса Дугласа. Он подмигнул мне, приветствуя, и грациозно опустился в одно из кресел у окон во всю стену. Мне это казалось интимным приветствием, что было странно, ведь из живых здесь его видела только я.

Я уловила краем глаза движение, и меня охватил страх, когда Ллойд вышел из стены. Обычно братья Скарборо вели себя так, словно были живыми, может, ради меня, а может, пребывание рядом со мной заставляло их чувствовать себя чуть более живыми, и они наслаждались этим новым ощущением. Они использовали двери, хотя легко могли проходить сквозь стены, они приходили и уходили, хотя могли просто появляться и исчезать. Может, потому при виде Дугласа мое сердце колотилось. Он был как роскошный актер из старых фильмов, что скрывался здесь. Джеймс Дин в своей гостиной. Мое сердце трепетало.

Ллойд был, как всегда, хмурым, расхаживал по комнате, от чего его пиджак цвета бургунди шуршал.

— Ты прятал ручку на чердаке, Исаак?

— Не все в этом доме принадлежит тебе, — ответил с усталостью Исаак.

Ллойд издал неприятный смешок.

— Вообще-то, принадлежит, ведь его владелец сейчас мой правнук, а не твой, старичок.

Я не хотела усложнять ситуацию и спрятала список Исаака в карман джинсов.

— Ручка моя. Я оставила ее случайно там пару дней назад. На кухне их еще много. Я принесу.

— Я схожу, — Марина встала с кресла, сидя в котором она пыталась разгадать разговор, и вернулась через миг с полными руками.

— Ручки, — сказала я, она подняла их в доказательство и опустила на стол. — И

кроссворды, — она протянула руку над головой и показала журнал всей комнате, а потом положила рядом с ручками.

— Чувствую себя стюардессой. Мне и на выход показать? — прошипела она едва слышно, а потом взяла лиловый дневник на замочке в виде сердца с ключом и подняла его. Хмм. Лучше бы нам этот предмет не упоминать.

— И я хотела подарить вам дневник, Ллойд, но в мае их покупать уже поздно... — я замолчала, он подошел к Марине. Выражение его лица не могло быть еще более оскорбленным. Удивительно, что он не выбил его из рук Марины.

— Зачем мне дневник? — оскалился он. — Я не просыпаюсь рано, не ложусь поздно спать, я уже не ужинаю с женой в ресторанах, не хочу в театр, оперу или кино. Что мне записывать, мисс Биттерсвит? Движение пыли? Погоду снаружи, хотя я не чувствую ни тепла, ни северного ветра? Или вы хотите письменное признание в убийстве?

— Там есть замочек, — пробормотала я, но мне было смешно. Марина повернула золотой ключик и открыла дневник, придерживая его как на выставке.

— Это детская игрушка, а я отказываюсь в такое играть.

Он пошел к двери, а потом замер, не оглянувшись на меня.

— Когда будете уходить, ручки и кроссворды оставьте на столе.

О, я оставлю тебе и дневник, потому что, несмотря на показную ярость, Ллойд его явно хотел.

Удивительно, но телевизор работал отлично, после того как Арти поколдовал над ним, и я сверилась с программой, которую взяла с собой, чтобы узнать, где показывают крикет.

— Тебе повезло. Прямой эфир днем, — сказала я, и темные глаза Дугласа радостно вспыхнули. — И помни, что телевизор нужно выключить, если в дом зайдешь не мы, — предупредила я его. Мне еще нужно было придумать, откуда взялся телевизор в гостиной, но про желание Дугласа посмотреть крикет говорить точно не стоило.

— Тут плавание, — сказал Арти, включив спортивный канал. — А тут снукер.

— Плавание, — Дуглас заморожено смотрел на экран. — О, я любил плавать. Исаак, помнишь, как мы ходили плавать на озеро? Пикник? — он игриво улыбался, прислонив голову к спинке кресла. — Девушки в купальниках были лучшим проявлением лета.

— И ты всегда был у них популярен, — кивнул Исаак телевизору. — Хотя одежда была не такой.

Дуглас смотрел на современный бассейн и, несомненно, на крохотные купальники, пока Марина, что не слышала их разговора, схватила пульт и переключила.

— А мне нравилось, — заметил Дуглас. — Ты любишь плавать, Мелоди?

Я пожала плечами, понимая, что сейчас он представляет меня в купальнике.

— Редко бывает.

Марина выбрала канал, и Арти удивленно посмотрел на нее.

— Ты любишь снукер?

— А что, если да? — и хотя это был Арти, она тут же стала защищаться, ведь редкие дамы в двадцать с хвостиком увлекаются снукером.

— Ничего, — отозвался он. — Что думаешь о шансах О'Салливана в этом году?

Тени улыбки тронула губы Марины, ее плечи расслабились.

— Средние, он плохо начал сезон. А ты?

— Это бильярд? — спросил Дуглас, сидя на крае кресла, чтобы рассмотреть.

— Похожее, — сказала я. — Марина, Арти? Можете объяснить основы снукера

Дугласу? Он здесь, — я указала на кресло и попыталась представить, каково им. Это будет похоже на игру на зеленом экране в пустой комнате, но они достойно приступили к выполнению моей просьбы, исправляя друг друга.

Оставив их, я повернулась к Исааку.

— Мы можем устроиться где-то на пару минут и посмотреть список?

Он повел меня от кресел и телевизора к диванам у камина в конце комнаты. Я вытащила список, села и разгладила его о колени.

— Довольно длинный, — сказала я и перевернула листок. Как я и подозревала, его неразборчивые записи продолжались и там.

Я провела пальцев по списку, проверяя свое понимание каждого. Некоторые пункты были подробными: «под плиткой в кладовой, за бойлером в шкафчике».

А было и такое — «хорошо бы осмотреть спальню Ллойда, комнату, которую он делил с женой Мод, когда был жив». Я была согласна, но туда было сложно попасть с Ллойдом, дышащим в спину. Не дышащим, но вы меня поняли.

— Спальня родителей? — сказала я, разглядывая список. — Покажешь? — я посмотрела на остальных, а они общались у телевизора. — Я схожу наверх минут на пять. Развлекайте Дугласа.

Арти махнул рукой в ответ, а Марина указывала на что-то на экране, явно наслаждаясь, пока объясняла ключевые моменты Дугласу, хоть и не видела его и не слышала ответы. Может, для них это было и лучше.

Я пошла за Исааком в коридор, по ступенькам и по темному этажу к закрытой двери в конце.

— Я бы открыл сначала, а не стал бы проходить сквозь дверь, — сказал он, отойдя в сторону.

— Трюки лучше избегать, пока ты с новичком, — согласилась я, скрывая улыбку и поворачивая латунную ручку. Я открыла тяжелую дверь.

— Она немного изменилась после родителей, — сказал он, хотя мои глаза еще не привыкли к темноте. Дизайн был словно из 1970-х, ретро-шкафы из белого дерева, мебель с сексуальными изгибами и простыми линиями. Мне это нравилось, такая стильная спальня вполне могла бы красоваться сейчас в журнале с интерьерами дома. Оранжево-лимонные обои вызвали бы восторг у Орлы Кили, и я хотела отогнуть пуховое одеяло и устроиться там. Это место отличалось от всего дома.

— Сын Ллойда позволил жене Барбаре изменить ее, — отвращение слышалось в тоне Исаака.

— Сын Ллойда... это отец Донована Скарборо? Тот, что недавно умер?

Исаак кивнул.

— Он позволил жене тут разгуляться, и вот результат. Уверен, ты понимаешь, почему ей не дали украсить весь дом.

Я, вообще-то, думала, что Барбара бы хорошо постаралась, и мне было жаль, что ей не дали больше свободы. Наверное, она почти все время проводила в этой комнате.

— Ладно, мне не надо обращать внимания на недавние изменения: шкафы, стол и остальное, — сказала я. — Что здесь осталось из 1910?

— Ничего.

Я с сомнением посмотрела на него.

— Это усложняет дело.

Исаак покачал головой.

— Дорогая, если хочешь быть сыщиком, нужно думать как сыщик.

— Я не мисс Марпл, Исаак. Поможете?

Он оглядел комнату.

— Осмотрись. Проверь стены, может, что-то не так с кирпичной кладкой, или половицы странно скрипят.

— Это только звучит хорошо, — узорчатый ковер был огромным и лежал на этом полу дольше, чем жила я, и если его поднять, облако пыли меня убьет.

Он пошел к выступу трубы дымохода в стене.

— Тут всегда был настоящий камин. Его заложили кирпичом. Постучи, и сама поймешь.

Я прошла за ним и сделала, как было сказано, и я, верьте или нет, уловила перемену в звуке, пока постукивала костяшками пальцев.

— Здесь, — прошептала я с большими глазами. — Вы правы.

— Конечно, — сказал он. — Такие дома строились с каминами. В те дни не было этих батарей, знаешь ли.

Меня словно отрутали.

— Я просто сказала.

— Нужно выбить дыру и заглянуть внутрь.

Я не хотела вредить имуществу, как и не хотела рвать прекрасные обои.

— Хотите, чтобы я ударила кулаком, Исаак? На этом все и закончится. И почему вы решили, что важно проверить комнату родителей?

— Я не говорил, что это важно. Я сказал, что ее стоит проверить. Так нужно сделать со всеми комнатами, не только с этой.

Я выдохнула и мысленно отметила, что нужно поискать в Интернете книгу с основами для глупых сыщиков, потому что сейчас мне бы подсказки пригодились.

— Да. Я не собираюсь ничего тут сейчас портить, — сообщила я. — Начнем снизу и будем подниматься по дому.

Он не выглядел впечатленным.

— Значит, в подвал.

Теперь я не была рада. Мне не нужно было книги, чтобы понять, что в подвале случаются плохие вещи. Мы пошли вниз, и я решила, что нужно подстраховаться.

— Марина? Арти? — позвала я, пока шла к двери в конце ступенек с Исааком.

— Мы посмотрим снукер с Дугласом, — отозвалась она. — Секунду. Стюарт Бинэм вот-вот сделает один-четыре-семь.

— Понятия не имею, о чем ты, но меня могут убить в подвале, так что идите сюда за мной! — я хотела говорить шутливым тоном, но звучало явно испуганно и отчаянно. Зато это подействовало, и они присоединились ко мне у двери в подвал.

— Кто будет тебя убивать?

— Не знаю, а ты? — прошептала я Марине. — Это подвал.

Она посмотрела на дверь, потом на меня.

— Если Бинэм получит максимум без меня, я сама тебя убью.

Арти почесал затылок.

— Ты в любом случае так умрешь, Мелоди.

— Спасибо, Арти, — широко улыбнулась я. — Это так успокаивает.

Марина обернулась и крикнула через плечо:

— Присмотри за счет за меня, Дуги!

Я вскинула брови, услышав сокращенное имя, но она лишь пожала плечами и рассмеялась.

— Я тоже могу дружить с призраками. Особенно с молодыми и горячими.

Арти шагнул вперед.

— Я пойду первым.

Я хотела возразить, но передумала. Арти Элиотт все дальше уходил от своей раковины с каждым днем, и то, что он собирался пойти первым, умиляло. И хотя я видела мертвых, я боялась темного и жуткого подвала, так что я согласилась и отошла. Он повернул ключ в краске с усилием, несколько раз дернул ручку. Дверь со скрипом открылась.

— Тут есть электричество? — спросила я у Исаака, и выражение его лица ясно ответило мне, что нет.

— Не думаю, что лампочка бы еще работала, будь она здесь, — отметил Арти, вытащил телефон и включил фонарик. Мы с Мариной сделали то же самое, и Исаак был впечатлен.

— Вы носите фонари?

— Это телефоны. А в них теперь есть фонарики.

Он скривился.

— Порой я рад, что мертв. Технологии — это слишком для меня.

— Вы не будете так говорить, когда технологии помогут найти орудие убийства и помогут очистить ваше имя.

— Знаю, разговор у нас односторонний, но вы должны быть благодарны, что мы из-за вас рискуем тут жизнями, Исаак, — пробормотала Марина и крепко схватилась за край моей футболки, пока мы медленно шли за Арти вниз по ступенькам подвала. Телефоны держали над головой. Я была рада, что во мраке на лестницу падало немного света из дверного проема.

— Кто-то любил вино, — отметила Марина, с уважением кивнув на пробки среди пыли и темно-зеленые бутылки, что лежали у одной из стен. Как и ожидалось от дома таких размеров, подвал был просторным, и, насколько я понимала, хлам тут скапливался веками.

— Брат и его дружки, и сын, конечно, — недовольно ответил Исаак, и это показывало, что он вино не любил, да и не мог жить роскошно, ведь семья отреклась от него довольно рано. Я не представляла, как он жил после этого. Это казалось катастрофой.

— Вы не видели свою семью после этого?

— Мама позвала меня к себе незадолго до смерти.

— Да? — прошептала я в темноте. — Чего она хотела?

— Не знаю. Я не пришел.

Я не видела Исаака в таком свете, а его тон не выдавал ничего. Я не знала, жалеет он, что не выслушал последние слова матери, или он все еще злился и не передумал бы и сейчас.

Я не успела подумать об этом, потому что над нами вдруг захлопнулась дверь подвала и оставила нас лишь в свете телефонов.

— О, нет! — завопила громко я, пугаясь ужасному повороту событий. Арти издал похожий звук, а Марина подобрала слова изощреннее, впилась в край моей футболки, чтобы убедиться, что мы рядом друг с другом.

— Теперь нас убьют?

Ее дрожащий голос напугал меня сильнее. Марина никогда, подчеркиваю — никогда, не боялась. Как и я. Я же призраков вижу, помните? Так что я закаленная. И только Исаак не

испугался, но он и не переживал из-за возможности умереть.

— Я посмотрю, что там происходит, — сказал он с тревогой и исчез, что было не в его стиле, но скорость была важна.

— Я впервые захотела быть призраком, — прошептала Марина, когда я сказала им, что Исаак пошел проверить.

— Может, через пару минут и станешь, — пошутила я, но она не рассмеялась. Она хотела парировать, но я заставила ее замолчать, услышав голоса.

— Исаак с кем-то ссорится... Ллойд, вроде?

— Что они говорят?

— Тихо, — я вскинула в темноте руку, пока прислушивалась.

— Я тоже их слышу, — вдруг сказал Арти и схватил меня за руку. — Я слышу призраков, Мелоди!

Марина отпустила мою футболку.

— Прости, Арти. Пока что нас не ударили по голове, и пока что мы не умерли в один миг, это живые, ведь я тоже их слышу, — она замолчала, и я слышала лишь свое учащенное дыхание. — Женщины?

Мы прислушались. Она была права. За жарким спором Исаака и Ллойда были тихие женские голоса. На миг я испугалась, что вернулась бабушка, но зачем ей запирает меня в подвале? Я прислушалась сильнее, и это точно была не бабушка и не кто-то знакомый.

— Я поднимусь и постучу в дверь, — Марина пошла к лестнице, но я повисла на ее руке.

— Стой, послушаем. Они знают, что мы здесь, ведь закрыли явно намеренно. Булочку ведь сложно не заметить, да? Я подойду и послушаю.

Я спешно взобралась по ступенькам и прижала ухо к двери. Это не помогло, громкие голоса Ллойда и Исаака заглушали тихие женские. Ох уж Исаак! Он мог бы вернуться к нам и скорее объяснить, в чем дело.

— Почему ты не остановил их, глупый старый козел? — было похоже на Исаака.

— Может, потому что я умер больше сорока лет назад?

— Можно было напугать их, отвлечь, но не дать запереть дверь, — рычал Исаак. — Признай. Ты рад, что дети оказались там заперты.

Я вздрогнула от слова дети. Мы были его шансом все выяснить, так почему бы не проявить больше уважения? Но он родился в 1887, так что ему можно было простить.

— Мог бы и убедиться, что мисс Биттерсвит и ее спутники прикрыли за собой дверь, чтобы не давать другим понять, что они здесь, — парировал Ллойд.

— Я бы так и сделал, если бы подумал, что кто-то может прийти и запереть их. Откуда они взялись?

— Я не заметил.

— Не верю.

— Это так, Исаак.

— Ллойд и Исаак смотрят, Дуглас присоединился, — сказала я для Марины и Арти.

— Ллойд смотрел со мной этот бильярд по телевизору, — сказал Дуглас. — Кто-то получил максимальные очки, насколько я понял. Сложно понять.

Я скривилась и решила не говорить Марине, что она все же пропустила тот максимум.

— Ну? — прошипела Марина. — Кто это?

Я раздраженно вздохнула.

— Я не слышу их из-за спора о том, чья вина в том, что мы заперты? О, погодите...

Я отошла от двери, Исаак прошел сквозь нее.

— Вы долго, — проворчала едва слышно я. — Кто там?

— Чертовы близняшки, им должно быть стыдно, — он с отвращением качал головой.

— Исаак, прошу. У меня нет времени говорить сейчас о Ллоиде и Дугласе. Кто нас запер?

— Я не про братьев говорю, — сказал нон. — Вас заперли те девушки.

Главатринадцатая:

Девушки? На миг я растерялась, а потом поняла. Ники и Вики, близняшки-барби Лео заперли нас в подвале.

— Лео там? — я была потрясена и немного обижена. Я думала, что, несмотря на выходку бабушки, мы все же уважали друг друга.

— Я больше никого не видел. Вряд ли их начальник здесь, — нахмурился Исаак.

Марина, услышав мои слова, поднялась по ступенькам и забарабанила в дверь.

— Я убью тебя за это, Лео Дарк. Открой дверь немедленно, а потом молись, чтобы ты быстро бегал!

— Не думаю, что он там, Марина, — тихо сказала я. — Исаак думает, что это близняшки.

— Шутишь, — она снова застучала по двери с яростью. — Я теряю терпение! Вам обеим крышка, когда вы откроете дверь.

Я не думала, что этим она поможет делу. На месте близняшек я бы не выпускала ее, боясь того, что она сделает.

Мы застыли, ожидая. Тишина. Мы подождали еще. И ничего.

— Исаак, посмотрите, что там.

— Не думаю, что мне нравится туда-сюда ходить, — проворчал он.

— Я сама ведь так не могу? — прошипела я. — Пожалуйста?

— Хорошо, — сдался он. — Ждите здесь.

— Вряд ли я куда-то уйду, да?

Я стояла, а он исчез за дверью, и я пока вводила в курс дела Марину и Арти, севших на ступеньки.

— И ты веришь, что это они? — Марина бросила в рот две подушечки жвачки и принялась яростно жевать.

— Честно? Нет. Не верю, — сказала я. Было сложно представить, что они могут пойти куда-то без указаний. Я решила, что у них нет своей воли. Они были для меня гламурным дополнением Лео, как карликовые свинки для Пэрис Хилтон. Я недооценила их и поплатилась.

Ллойд прошел сквозь дверь, слишком довольный ухмыляясь. Ему все это нравилось.

— Наверное, неуместно сейчас упомянуть, что две дамы уходят и ключ, похоже, уносят с собой?

— Уходят? Они не могут бросить нас здесь! — закричала я. Марина и Арти вскочили на ноги.

— Тащите обратно свои задницы! Немедленно откройте эту чертову дверь! — вопила Марина, но мы слышали только хлопок входной двери, эхом разнесшийся по коридору с

ВЫСОКИМ ПОТОЛКОМ.

— Черт, — прошептала я, обхватив лицо руками. — Они ушли и бросили нас.

— Жаль, что я не взял с собой ланч бокс, — сказал Арти, мы уставились на него с потрясением. — Простите, — он был подавлен. — Там бутерброды с яйцом, мои любимые.

— Думаю, на этом я вас оставлю, — Ллойд усмехнулся мне и исчез, дав понять, что он в команде Лео или в команде Ллойда. Он не сочувствовал никому.

— Сигнал на телефоне? — спросила я. Мы проверили экраны.

— Ничего, — Марина потрясла телефон, словно это помогло бы.

— Одна полоска, — сказал Арти, и его телефон погас. — И разрядился.

Мы посмотрели на мой телефон, последнюю надежду. Сигнал колебался между отсутствием и одной полоской, когда я задвигала руку по кругу.

— Так, возможно, позвонить удастся, — спокойно сказала я. — Но кому?

— Полиции? — предложила Марина.

— А без сирен? — я не хотела привлекать внимание Флетчера Ганна. Я подозревала, что он связан с полицией, чтобы получать свежие сплетни, знать обо всех входящих, а не было для него ничего приятнее, чем Биттерсвит в беде. — Можно вычеркивать из списка Лео, — сказала я. Не знаю, почему его прихвостни были тут без него, но ему я позвонила бы в последнюю очередь.

— Твоей маме? Бабушке?

Я задумалась. Они заканчивали работу рано, могут спасти нас. Но это мое первое дело в агентстве. Я так слаба, что нужно звать маму?

— Другие предложения?

Вдруг Дуглас появился из двери, вбежав, а не привычным спокойным шагом.

— Можно выбраться отсюда через скат для угля, — быстро сказал он. — Я так часто сбегал.

Я с надеждой посмотрела на него.

— Скат для угля?

Он кивнул на тьму подвала.

— Слева от трубы.

— Скат для угля у трубы, — передала я остальным, используя телефон как фонарь, чтобы осмотреть стену. Мы шурились, пока шли по темной комнате, полной вещей, в которые мы врезались.

— Смотрите, — сказал Арти и показал на потолок. — Это оно?

— И закрыто на засов, наверное, — хмуро сказал Исаак.

Арти потянулся, но пальцы не достали.

— Тут должна быть лестница, — сказал Дуглас, озираясь на бочки, сундуки и чемоданы.

— Приставная лестница? — передала его слова я, но мы ничего похожего не видели.

Арти, пыхтя, подвинул сундук, а потом встал с другой стороны и оттолкнул его к точке под люком.

— Тяжелее, чем выглядит, — выдохнул он, а потом встал на него и дотянулся до засова. — Достал, — сказал он тихо, радуясь тому, что нащупал засов. Он сдвинул его и с силой толкнул люк. Солнечный свет упал на нас, мы тут же начали моргать, а через миг крышка сундука затрещала, и Арти провалился внутрь.

— Блин. Арти, ты в порядке? — мы с Мариной схватили его под руки, а он улыбался,

одна нога оказалась по колено в сундуке.

— У меня получилось, да? — его улыбка сияла ярче солнца, чей свет падал с потолка.

— Получилось, — мягко сказала я. — Ты заслужил бутерброд с яйцом, Арти Элиотт.

— Я даже заварю тебе чай без ворчания, — добавила Марина.

Я скользнула взглядом по подвалу, что теперь без темноты не пугал.

— Нужно найти что-то устойчивое.

Арти вытащил ногу и начал отодвигать сундук, а я успела заглянуть в дыру на содержимое. Упав на колени на холодный пол я убрала обломки крышки.

— Что там? — Марина заглянула туда, а я вытащила несколько красивых энциклопедий.

— Книги, — сказала я, осторожно вытаскивая и ставя рядом с бочкой. — А это, — я достала стопку тонких книжек, связанных нитью вместе. Темно-синяя кожа была на обложке верхней книжки, на ней виднелись тусклые золотые завитки. 1908. Дневник. Мое сердце колотилось, я осмотрела стопку. Десять лет, а то и больше. Я вспомнила слова Исаака о том, что Ллойд любил писать дневники.

* * *

В офисе я набрала Лео. И удивилась, когда услышала автоответчик. Я уже хотела оставить разъяренное послание, но кто-то постучал в дверь, Арти открыл ее, и снаружи оказались близняшки-барби.

Марина тут же вскочила с кресла, а я отложила телефон, чтобы успеть поймать ее. Мы с Арти схватили ее у порога, и мне показалось, что на пару секунд ее ноги оторвались от пола.

— Дамы, — сказала я.

Они нервно поглядывали на каждого из нас.

— Нам очень жаль, — сказала та, что слева, заламывая руки.

Марина пыталась вырваться, сжав кулаки, мы с трудом ее удерживали.

— Правда, очень жаль, — сказала другая, хлопая длинными, явно не своими ресницами, в ее голосе звучала боль. — Мы поступили плохо.

— Очень-очень плохо, — добавила первая еще мрачнее.

— Мы могли умереть там! — рычала Марина. — Я могла... не знаю, я могла оказаться диабетиком без лекарств с собой! А Мелоди боится темноты! У нее чуть сердечный приступ не случился.

Я колебалась. Мне не нравилось, что меня выставляют трусихой, но я решила промолчать, потому что она еще не закончила.

— А Арти мог... упасть со ступенек и сломать ногу! Почти сломал. Покажи им, Арти. Покажи, как ты хромаешь!

Арти растерялся. Он хотел помочь Марине, но царапина на ноге его не беспокоила.

— Вы сделали это. Гордитесь собой?

Близняшки покачали головами, глядя в пол, слезы текли по лицу одной, капая на каменную дорожку у двери офиса.

— Мы бы выпустили вас через час, но вы уже ушли, — прошептала одна из них.

— И вам очень повезло, — сказал Арти без враждебности. — Иначе Марина вертела бы вам шеи, пока у вас не повылезали бы глаза, — он посмотрел на Марину. — Я правильно понял?

Она кивнула, глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Я поняла, что она успокаивает себя, и медленно отпустила ее руку. После пары секунд я кивнула Арти, чтобы он отпускал ее, и обрадовалась, когда Марина не бросилась на близняшек. Мне нравилась ее страсть, но

из-за этого мы часто попадали в неприятности. В полиции знали наши имена, но, к счастью, мы были там редко. Этот трюк с дыханием она увидела на уроках по управлению гневом, куда ее отправили на отработку наказания.

Я задала лишь один вопрос, что имел большой значение:

— Это сказал вам сделать Лео?

Они испуганно вскинули головы.

— Нет, — прошептала одна из них.

— Прошу, не говорите ему, — попросила другая, слезы оставили следы на макияже. Ее лицо было идеально гладким, она вдруг напомнила мне любимую куклу детства, которой можно было налить воду в спину, и она плакала настоящими слезами. Она еще и писалась в штаны, но это опустим.

— Он забыл пиджак в доме Скарборо и попросил нас забрать его по пути на работу, а когда мы вошли туда, то...

— Что? — меня не разжалобили их эмоции. — Вы поняли, что мы там, и решили, что будет весело запереть нас в сыром темном подвале и оставить нас гнить там?

Они вздрогнули, а я чувствовала себя ужасно, будто била котят.

— Мы подумали, что это отпугнет вас, — пробормотала одна из них.

— Мы хотели помочь ему.

И я поняла. Близняшки были фанатками Лео, они хотели как-то помочь своему герою, хоть и перегибали палку. Я не знала, впечатляло или пугало меня такое поклонение.

— Вы поняли это неправильно, — сказала я. — Потому что так вы только усилили нашу решимость.

Марина тяжело вздохнула.

— Ты не расскажешь Лео, да?

Надежда заблестела в их глазах, они смотрели на меня, а я заметила, что они держатся за руки. Боже! Где он нашел таких детей?

— Идите, — сдалась я. — И не думайте еще так шутить. Я тут же расскажу Лео об этом ясно? Второго шанса у вас нет.

Они кивнули и пошли прочь, покачиваясь на каблуках, цепляющихся за камни.

Марина скрестила руки на груди и кашлянула, глядя им вслед.

— Думаю, вы забыли поблагодарить.

Они кивнули, спешно пролепетали «спасибо».

— Не мне, — Марина закатила глаза и кивнула в мою сторону. — Мелоди, — она никогда еще не звучала так по-сицилийски.

Я натянуто улыбнулась, когда они извинились.

— Вы нам помогли, — сказал Арти, помахав им. — Мы нашли там нечто важное, да? Те...

Мы с Мариной бросились вперед и закрыли дверь, не дав ему выболтать новости о дневниках. Но мы успели заметить ужас на лицах близняшек, понявших, что они невольно дали нам преимущество.

Я посмотрела на него, улыбнулась и рассмеялась.

— Арти Элиотт, ты самый смешной человек из всех, кого я знаю, — хохотала я, Марина расслабилась и тоже рассмеялась. Охота на призраков оказалась страшнее, чем мы ожидали. Я не знала, чем сегодня нас угощала Нонна Малонэ, но я точно буду четверную порцию.

Арти растерянно, но весело смотрел на нас.

— Меня еще не запирали в подвале. У меня лучшая работа в мире.

* * *

— Думаю, это мои любимые, — я потянулась за третьим печеньем ангинетти, хотя лимонная глазурь была такой сладкой, что могла от контакта растворить мои зубы.

— Хорошо подходят к чаю, — сказал Арти, обращаясь к Марине, что прищурилась, глядя на него, а он обмакнул печенье в чай.

— Нонна бы плакала, — прошептала она, накрыла коробку крышкой и убрала от него. К сожалению, и от меня, так что перерыв закончился.

— Ну что? Посмотрим дневники Ллойда? — я ужасно хотела осмотреть те страницы. Марина кивнула.

— Может, нам надеть белые перчатки, как по телевизору?

Я замерла.

— Потому что они старые или потому что могут помочь с расследованием убийства?

Она пожала плечами.

— Оба варианта?

Мы знали о таких процедурах только по сериалам про детективов.

— У мамы в ванной есть тонкие резиновые перчатки, — сказала я. — Я принесу на всякий случай.

* * *

На кухне я столкнулась с бабушкой, смотревшей сериал, который она обожала.

— Я думала, ты бросила сериал, когда герой, что тебе нравился, сошел с ума и ограбил банк в нижнем белье жены, — сказала я, направляясь у рукомойнику.

Она потягивала из чашки, скрывая там шампанское днем.

— Это было недопонимание, дорогая моя.

Я нахмурилась, не понимая, как можно не так понять ограбление банка в красном кружевном белье. Бабушка отвела взгляд от экрана, когда началась реклама, и пожала плечами.

— Это же Америка. У них там все по-другому.

Я хотела сказать, что это не так, но решила не защищать наших друзей за Атлантическим океаном, ведь они были виноваты в появлении Джереми Кайла. Если бы не Джерри Спрингер, тот не стал бы мучить людей по телевизору днем. Но их можно было благодарить за айфоны, M&Ms с арахисом и «Железного человека», так что я решила не злиться. Бабушка не дождалась моего ответа и переключилась на продолжившийся сериал, и я не стала начинать спор, а принялась искать резиновые перчатки, чтобы прочитать дневники мертвеца. Такое не выдумаешь.

— Бабушка, ты не знаешь, куда делись резиновые перчатки?

— В магазине, — сказала она, или так мне показалось. Я вытащила голову из шкафчика и села ровнее на коленях.

— Ты сказала, что они в магазине?

Она кивнула, не отрывая взгляда от экрана.

— Сильвана брала их туда пару дней назад.

Я вскочила на ноги и прошла к холодильнику, а она протянула чашку, не глядя на меня.

— Сюда немного молока бы. Не откажешь, дорогая?

Я открыла холодильник, достала бутылку шампанского, думая о том, пила ли Нонна Малонэ граппу, пока пекла сладости, или только моя бабушка всегда так подогревала кровь.

Я пошла к фасаду здания и открыла дверь старого магазина, наслаждаясь знакомым звоном старого колокольчика. Было в мамином стиле хранить магазин в традиционном облике, он почти не отличался от своего вида сто лет назад. Деревянные панели сохранились, и вставки витражей в изогнутой части окон были настоящими. На широких подоконниках стояли горшки со свежими цветами, а стойка поблескивала, ее годами натирали воском. Мама добавила пару бархатных кресел перед библиотекой оккультных книг, и кресла были удобными, в одном из них и сидела она, на коленях лежала газета, очки балансировали на кончике ее носа. Все у нее было длинным и бледным; она должна была смотреть на меня и думать, как я оказалась невысокой брюнеткой. Она ничего такого не говорила; она никогда не заставляла меня чувствовать себя не идеальной, у меня были карие глаза отца и, по ее словам, его широкая улыбка и ямочки. Мы были не похожи внешне, но люди, что знали нас, говорили, что мы похожи характерами.

— Мелоди, — она закрыла газету, сняла очки и подняла голову. Она моргнула несколько раз, чтобы глаза привыкли. — Пришла сказать, что твоя бабушка снова смотрит этот ужас?

— Не за этим, но она смотрит, — сказала я, оглядывая полку за стойкой. — У тебя есть резиновые перчатки? Те, что раньше лежали под рукомойником?

— Под стойкой, слева, — донесся голос Гленды, через пару секунд она показалась из кабинета за стойкой. Она вышла, а я вытащила из ящика одну перчатку. Я разочарованно заворчала, мы заглянули в пустую коробку.

— Я отмечу, что нужно утром принести новую коробку, — сказала Гленда. — Мне нравится хранить их в столе. Никогда не знаешь, что тебе может понадобиться.

Она красноречиво взглянула на мою маму.

— Твоя бабушка попросила Гленду убрать рвоту пару дней назад, — сказала недовольно мама. — Дочь клиента стошнило, когда бабушка рассказала ей, что ее умерший дедушка видел, чем она занималась за школой.

Гленда вскинула брови.

— Дайси сказала, что убрала бы сама, если бы не ее колени. Она занималась йогой дольше, чем я живу, у нее колени точно лучше моих.

Я старалась не улыбаться, а Гленда исчезла в кабинете, оставив меня с бесполезной перчаткой. Мама постукивала длинным ногтем по газете.

— Здесь статья про дом, с которым ты работаешь, — она вернула очки на нос и полистала газету, пока не нашла нужную страницу, а потом встряхнула ее, сложив пополам, и отдала мне. — Можешь оставить. Я уже прочитала.

Я смотрела на газету, а рядом с именем автора ухмылялся Флетч. Стоило понять. Я сунула газету под руку и вышла из магазина, уже замышляя, как разрисую лицо Флетча, когда доберусь до своего стола.

— Бежишь с места преступления, охотница на призраков?

Ох, черт. Из всех людей, кого можно было встретить с газетой под рукой, я столкнулась с человеком, чье лицо планировала разрисовать красной ручкой. Он смотрел на перчатку, что осталась у меня в руках, а потом заглянул мне в глаза.

— Ага, тебя убила, — парировала я, прикрывая глаза от солнца рукой. — Ты всю жизнь собираешься следить за нами или просто проходил?

— У кого-то мания величия, — Флетч помахал коричневым свертком из кафе с сэндвичами на несколько дверей дальше. — Обед.

— Смотри не подавись своей ракетой, — процедила я, а потом замолчала и захотела, чтобы земля проглотила меня. К счастью, он смолчал и не сказал, что его ракетой должен давиться кто-то другой, но блеск в зеленых глазах показал, что он об этом думал.

Вместо этого он кивнул на газету.

— Страница пятнадцать. Тебе понравится.

Я подвинула газету, чтобы он не видел, что она уже открыта на его статье.

— Я собиралась убрать этим за собакой.

Да, плохо вышло. Но это худший вариант использования газеты, что пришел мне в голову. Не судите меня.

Он тихо рассмеялся.

— У тебя и собаки-то нет.

— Хоть ты и стараешься, но всего обо мне не знаешь, — заявила я.

— У тебя нет собаки, Мелоди, — сказал он снова.

— Да. Есть. Теперь есть, — кто-то может защитить мне губы? Я терялась рядом с ним. — Мне пора.

— Гулять с собакой?

Я его ненавидела.

— Да. Я буду гулять с Пастернаком.

Пристрелите меня. Между глаз. Я назвала воображаемую собаку Пастернаком. Я даже есть его не любила.

— Ты назвала собаку в честь овоща?

Он не может отстать? Он знает, что у меня нет ни собаки Пастернака, ни Редиски или Ореха. Хотя Орех Биттерсвит звучало даже прикольно. Может, я бы так и назвала свою собаку.

— Я могу тебя подождать, — фыркнул Флетч. — Погуляем с Пастернаком вместе.

Что-то в его словах звучало интимно, хотя мы знали, что прогулки не будет, ведь собаки нет.

Он не двигался, и я обошла его и чуть не побежала по аллее к убежищу своего офиса.

— Доставай кого-то другого, Флетч, — бросила я через плечо.

— Я просто слежу, чтобы ты добралась целой, — отозвался он. — И смотрю на твою попку.

Я отмахнулась. Когда я добралась до двери агентства, я рискнула оглянуться на улицу. Он ушел, и мне не нравилось, что я была немного расстроена. Нужно хорошенько поработать над его фотографией в газете. А потом можно будет подбросить это в его офис.

Глава четырнадцатая:

В офисе я бросила газету и одинокую перчатку на кофейный столик и плюхнулась в твидовое кресло.

— Перчаток нет, а мне нужно купить чертову собаку.

— Не слышу радости, — Марина подняла голову, она не могла оторваться от «Двадцать лет опыта охотника на призраков» Эллиотта О'Доннелла. — Почитай это, интересно, — сказала она, не восприняв меня всерьез.

Арти перестал вытирать белую доску, его глаза загорелись.

— Помочь тебе выбрать?

Я застонала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я не серьезно, Арти.

— А звучала серьезно, — он быстро кивал. — Очень серьезно. Ты же сказала, что хочешь купить собаку.

— Сказала.

Я всегда хотела собаку, а мама мне не разрешала. А теперь я выросла и хотела купить собаку. Но мой список был очень длинным, и туда входила мечта стать визажистом актеров, чтобы быть той, кто наносит тушь Роберту Дауни-младшему. Да, список был таким, список вещей, что хотелось бы осуществить, но шанса не было. Но собака... это могло произойти, если бы я хотела, да? И мысль не казалась плохой.

— Собак нужно выгуливать каждый день. Ты это не любишь, — отметила Марина, перевернула страницу, все еще не воспринимая меня всерьез.

— Я могу выгуливать, — заявил Арти.

— Хмм. Может, тебе стоит купить собаку, а я буду порой притворяться, что она моя? Мне нужно только обмануть Флетчера Ганна.

Тут Марина отвлеклась от книги.

— Ты хочешь так впечатлить его?

— Не впечатлить, нет, — жарко возмутилась, глядя на нее, как на деревенскую дурочку, она посмела предположить такое. — Просто я сказала ему, что у меня есть собака, и он не поверил, так что мне нужна собака, чтобы он ошибся.

Я не сказала им, что собаку пришлось назвать Пастернаком. Этого не случится. Но собака... может. Может быть. Идея нравилась мне все больше.

Марина рассмеялась, все еще не веря.

— Собака, Мелоди, не для того, чтобы сблизиться с местным репортером.

Арти раскрыл рот. Я зло вскочила на ноги.

— Этого не случится!

Она молчала, а я через миг опустилась в кресло и закрыла рукой глаза, как эмподорок.

— Боже, Марина, почему он? Я терпеть его не могу, но не могу перестать думать, как он срывает с меня одежду.

Марина посмотрела на Арти.

— Закрой уши и делай кофе, Арти, это девчачьи разговоры.

Она села рядом со мной и похлопала по колену.

— Эй, Биттерсвит, помнишь, как я быстро и неуместно влюбилась в Баззу в шестом классе? Вот так, — она провела рукой по тонкой шее, показывая границу, — я ненавидела его, но стоило ему оказаться в трех футах от меня, и мне хотелось поискать его сервелат. У тебя та же проблема, — она скривилась. — Но нам не повезло, там была лишь колбаска. Так что порой фантазии лучше держать при себе.

— У тебя был секс с Баззой? — отвлеклась на ее слова я. — Ты мне не рассказывала.

— Я стараюсь не думать об этом, — быстро сказала она, расправила плечи так сильно, что высокий темный хвост подпрыгнул. — Это было лишь раз в кладовой за мясной лавкой его отца.

Какое-то время Марина работала по выходным у папы Базза. Теперь я знала причину.

— Не стоит проводить аналогии с колбасами, — прошептала я, поняв.

— Я не сказала, что у Флинта колбаска, — сказала она, вскинув изогнутый мизинец, тонко намекая. — И, кстати, своих героев ты все равно не встретишь. Что поделать.

Я накрыла ее ладонь своей и рассмеялась.

— Я так понимаю, ты о Далай Ламе, Мишель Обаме или Торе.

Арти принес чашки с кофе, поставил поднос на столик перед нами.

— О собаке...

* * *

Кто знал, что собаку можно получить так быстро? Стоило сходить в приют, и комок светлой шерсти уже сидел на полу на кухне мамы.

Мама смотрела на нового члена семьи Биттерсвит с неприкрытым отвращением.

— Только ты могла пойти в приют собак и принести одноухую свинью.

Пес смотрел на нее, сидя у моих ног.

— Выбора не было, он шел за мной, почти прилип к ноге. Даже волшебный шар сказал, что он — именно тот. Он понравится вам. И ухо ему кто-то оторвал, но мне сказали, что он идеально слышит.

— Как ты его назвала? — бабушка смотрела на собаку.

— Я не выбирала имя, бабушка. Ему три года, у него уже есть имя. Мне советовали не менять его, чтобы не путать.

И ему повезло. Ему не придется быть Пастернаком, кстати.

Я листала документ собаки и зачитывала подробности.

— Его предыдущий владелец был студентом американской литературы и кино, он купил его, пока учился. Но забрать его после окончания учебы не дали, и собака осталась в приюте.

Даже мне было сложно выговорить имя, не чувствуя себя глупо. Кто умудрился назвать этого мопса Лестатом?

— Тут записка прошлого владельца, — сказала я и вытащила сложенный листок из папки.

«Дорогой везунчик, новый хозяин мопса, прошу, заботься о моем темном лорде и хорошем друге Лестате. Прости за имя, я фанат Тома Круза, вампиры рулят. Что сказать? Уверяю, собака не бунит и не убивает по ночам, если это важно. Хотелось бы забрать его в Америку, но ему бы не понравился перелет, а родные убили бы меня. Он крутой, но готов проглотить все, что угодно, а еще он не любит плохую погоду, дождь и ветер. Он похож на картошку, да, но с юмором и храпит, как паровоз. Я предупреждал. Лучшие купи беруши, понимаешь? Ты полюбишь его, а я буду скучать. Искренне твой, Том Джонс».

Воцарилась тишина, мы осознавали появление нового жителя, и тут заговорила мама:

— Ты купила одноухого мопса по имени Лестат, который раньше был у Тома Джонса.

— Нет, — сказала я. — Я не покупала его, а пожертвовала денег приюту.

— Я буду звать его Затычкой, — сказала бабушка и поднесла Лестату кусочек лита салата, он шумно его понюхал.

— Затычка?

— Это проще запомнить, чем Лештамп, — сказала она, протягивая ему помидор, и все исчезало в нем. Я начинала понимать, что имел в виду Том Джон насчет его аппетита. Я ее не исправляла, ведь знала, что она не запомнит его имя. Она будет кормить его с тарелки и вечно звать Затычкой, а он положил голову ей на колени и был не против.

— Думаю, стоит кормить его тем, что дали в приюте, — с сомнением сказала я.

Бабушка отмахнулась.

— Твой дед не кормил Красавца ничем, кроме нашей еды, и все было хорошо.

Отмечу, что Красавец, бульдог деда, был очень жирным и ленивым, он не мог расстаться с ним и попросил потом лондонского мастера сделать из него чучело. Когда оказалось, что призрак дедушки навеки привязан к кровати бабушки, четверым мужчинам пришлось нести чучело со стеклянным колпаком два этажа, чтобы тот не был разлучен с собакой, хоть их и разделяла смерть.

— Да, думаю, пора ему показать мою квартиру.

Боже, теперь я понимала, почему Том Джонс назвал его Лестатом. Может, днем он был спокойным, но ночью собака сходила с ума. Всего-то было 11 вечера, а он уже нагадил на ковер в гостиной, украл и съел кусок сыра, которого хватило бы семье, и крекеры с луком, и он продолжал гоняться за хвостиком, словно к нему прицепили колючку. Его не интересовала лежанка, что я купила ему, ему больше понравился диван или я. Он утомил и себя, и меня, и теперь катался на спине в другом конце дивана. Он пытался лечь ближе ко мне, но я запретила ему из-за его шума. Я не удивилась бы, если бы он схватил пульт и переключил фильм, что я смотрела. Я словно получила собачью версию Гомера Симпсона. Я не хотела быть его Мардж.

— Слушай, Лестат, — сказала я, и он оглянулся. — Нам с тобой нужно установить правила. И первое: ты остаешься на полу, а не на диване.

Диван уже был покрыт шерстью Лестата, а он был здесь всего шесть часов. Он, конечно, не сдвинулся.

— И насчет порчи ковра. Мы не гадим в доме. Это не вежливо.

Он, казалось, понял, что я хотела, потому что хрюкнул и слез с дивана. Я погладила его по голове и проследила, как он идет к лежанке. Мне было его отчасти жаль, пока он не присел на корточки. Я возмущенно бросила в него первое, что попало мне под руку, и это была газета, что я принесла из офиса почитать.

Как же приятно было смотреть, как Лестат медленно заливает мочой ухмыляющегося Флетча. Я не сдержалась. Я схватила телефон и сняла на видео, извиняясь перед Лестатом, что застала его в таком виде. Хотя виноватой я себя не чувствовала. Всего за три минуты я нашла сайт газеты, обнаружила страницу Флетча и отправила видео ему на номер, который он упомянул там миллион раз. Пусть подумает, пока будет смотреть это видео. Из-за Флетчера Ганна у меня теперь была эта собака. Пусть хоть посмотрит, как пес украсил его.

Лестат не храпел как паровоз. Он храпел как истребитель, зависший надо мной, и спал он, конечно, рядом со мной на спине. Голова его лежала на подушке, а тело поверх моего одеяла.

— Мелоди? — сказал кто-то, я впервые была рада появлению призрака. Я включила лампу и села. Рядом с кроватью стояла женщина с тревожным видом. Я бы дала ей больше пятидесяти лет, и умерла она, судя по одежде, где-то в 1920х годах. Она хорошо выглядела, и в моей голове мелькнула мысль, что в ее время чулки еще делали из настоящего шелка.

— У тебя очень громкая собака, — отметила она, словно он мешал ей. Так, может, и было, но и она меня настораживала. Они оба мне мешали, было полпятого утра, и я хотела крепко спать, а не пытаться расслышать что-то за громовым храпом Лестат. — Я Агнес, — сказала она. — Агнес Скарборо. Ты расследуешь смерть Дугласа, моего сына.

— Миссис Скарборо, — я села ровнее, желая, чтобы я была бодрее.

— Все сложно, — сказала она. Я не знала, сложно ли ей сосредоточиться из-за храпа

Лестата, или она имела в виду причину, по которой пришла сюда. — Насчет дневников, — в ее голосе звучала боль, — я совершила ужасную ошибку.

И в раздражающей манере призраков она исчезла, словно ее тут и не было. Так бывало, некоторые призраки приходили ко мне, но им было сложно продержаться долго, чтобы поговорить. Сильными призраки были, если умерли недавно или им нужно было передать сообщение, как отцу Арти. Он не мог уйти, пока не обеспечил заботу о сыне. Но Агнес Скарборо умерла больше восьмидесяти лет назад, и если это ее первая попытка поговорить с живым, то я не надеялась увидеть ее в ближайшем будущем. Но что она говорила о дневниках Ллойда? Ужасная ошибка. Как это понимать?

Я посмотрела на Лестата и поняла, что спать уже смысла нет. Я хотела уже приступить к изучению дневников. Мы с неохотой решили оставить это на завтра, когда Гленда принесет перчатки, но мне хотелось знать, что за секреты на этих страницах. У меня точно были желтые перчатки под рукомойником.

От кофе рядом со мной поднимался пар, я сидела за столом и неловко развязывала нити, что сцепляли дневники, пальцами в перчатках. Я провела пальцами по золотым цифрам на обложке первого дневника. 1908. Больше ста лет назад. Я едва могла представить, какой была тогда жизнь Скарборо, как красиво тогда выглядел дом. Было неловко даже открывать дневник, читать мысли и чувства Ллойда. Я нервничала. Он мне не нравился, и я боялась, что после этого стану относиться к нему еще хуже. Я подняла первый дневник, они много лет лежали связанными, и он отцепился от нижнего с шумом. Я повернула лампу так, чтобы она освещала дневник, я глубоко вдохнула и медленно открыла его. Первая страница была в золотистой рамке, красивыми синими чернилами были выполнены слова, что здесь хранятся надежды и мечты владельца. Вот только они принадлежали не Ллойд.

Дневники были написаны Агнес Скарборо.

Глава пятнадцатая:

— Это дневники их матери? — Марина застыла, пока вешала тонкую куртку. — Черт!

— Не ругайся, — пробормотала я, Гленда перестала печатать на миг и посмотрела на меня поверх очков. Она была с моей семьей достаточно долго, чтобы увидеть меня в возрасте, когда я считала, что ругательства придают мне умный вид, но теперь я выросла, а ей предстояло услышать от Марины слова намного страшнее.

Марина присела на корточки и дала Лестату встать на задние короткие лапки и прижаться мордочкой к ее лицу.

— Как прошла первая ночь в новом доме, маленький вампирчик? — сюсюкала она с ним, морща нос, когда он лизнул ее.

— О, прекрасно, — сказала я, не скрывая сарказм. — Украд мою еду, загадил пол, а потом забрался ко мне в кровать. Я спала на диване, потому что от его храпа в ушах звенело.

— Не-е-ет, — сказала она, словно я врала, чтобы очернить его. — Ты боялся, малыш? Так все было?

Я вспомнила, как он радостно спал и храпел, словно пьяница, в четыре утра. Нет, он точно не боялся.

— Он будет днем здесь? — спросила вежливо Гленда и отодвинула ноги, когда он пошел к ней. Когда я кивнула, она открыла сайт и щелкнула на предложение бутылки со спреем, убирающим запах. Бабушкины слова о рвоте возымели эффект. Гленда не могла

иначе, утром она прибыла с тремя пачками перчаток. Одна была для «Веселых духов», одна нам и одна запасная, потому что нельзя было угадать, когда они понадобятся.

Арти пришел к 9:10, согнулся, упер руки в колени, задыхаясь.

— Арти, что случилось?

Он перевел дыхание.

— Пропустил автобус, — он сделал паузу. — Змея сбежала.

Мы втроем посмотрели на него в ужасе, и даже Лестат понял, потому что опустился на живот и уткнулся носом в мою ногу.

— Ты поймал ее? — едва смогла спросить я. Я одна искала взглядом на его теле питона? Я проверила его рукава, воротник, штаны. Все чисто.

К моему облегчению, он кивнул.

— В корзине с бельем у соседней. Сказали, что она чуть не добралась до туалета, где был как раз муж соседки, — рассказывал Арти с огромными глазами. Я тревожилась больше за соседа, чем за змею. Я не могла представить себя при встрече с такой змеей.

— Черт возьми, — поежилась Марина. — Напомни, чтобы я к тебе не ходила.

Гленда в этот раз не обиделась на ее слова, хотя я ожидала увидеть ее с сетью для ловли змей или чем-то похожим через пару минут, просто на всякий случай.

— Ладно, давайте уже читать дневники Агнес.

Мы с Мариной и Арти устроились за моим столом после обеда, дневники и перчатки были на месте. Мы объелись курицы и паэльи с чоризо, мама поделилась этим, ведь готовилась к вечеринке за ужином на выходных. Я слышала об этом впервые, но не спрашивала ее, потому что она меня не приглашала, да и паэлья пахла божественно. Мы проглотили полные миски, и даже Лестат, после чего он сел и смотрел на Арти с пренебрежением, пока тот доедал. Лестат лег спать, и я была рада, что он выбрал лежанку, что я купила для него, и тихо спал на животе, а не храпел, лежа на спине.

— Он как Гарфилд, только собака, — сказал Арти, с любовью глядя на Лестата. Я помнила Гарфилда ленивым котом, любящим лазанью. Да, Лестат был его двойником в мире собак.

— Здесь с 1908 до 1920, но нескольких годов не хватает, в том числе, и 1910.

— Год, когда убили Дугласа, — прошептала Марина, мы кивнули. Здесь все было записано, так что задавать вопросы не было смысла.

— Но 1909 есть, как и 1911, так что мы сможем понять, как жила семья Скарборо до и после смерти Дугласа.

Я дала Арти 1908, Марине 1909, а себе взяла 1911.

— Читаем и отмечаем даты и события, что важны для нас. И ищите слова, что могут оказаться намеками на разгадку.

Арти вытащил блокнот, а я вдруг поняла, что он может стать в будущем полицейским или даже репортером. Я не сказала ему, я не хотела, чтобы моего подопечного получил Флетчер Ганн. Ему не стоило и подражать Лео Дарку. Да. Арти мог делать, что захочет, пока он работает со мной.

На белой доске за моим столом я написала имя Агнес Скарборо и «Я сделала ужасную ошибку», «Дневники» рядом с ним. Я уже рассказала Арти и Марине о ее визите, все мы знали, что нужно помнить о ее словах, когда мы будем изучать ее дневники.

Тишина воцарилась в теплом, наполненном солнцем офисе, мы приступили к заданию. Марина тут же сделала заметку. Я посмотрела на ее запись: «Покупка чернил странного

цвета».

Я удивленно посмотрела на нее, глубоко вдохнула и принялась за 1911. Ох, как же плохо было Агнес в 1911, она была так печальна, что мое сердце разбивалось при чтении. Ей было за сорок, Дуглас умер в начале прошлого лета. Ее дневник казался длинным мучительным любовным письмом утраченному ребенку, и мне приходилось периодически вытирать глаза. Я даже прогулялась с Лестатом, чтобы проветрить голову, к его недовольству. Горе Агнес от потери Дугласа было таким сильным, осязаемым, охватывающим, что добралось ледяными иголками страха до моего сердца. Я не знала, как она пережила это. Дуглас был ее любимым мальчиком, теперь ему навсегда было двадцать один. Она записывала свои ценные воспоминания: ее радость при его первых неловких шагах и широкой улыбкой на детском лице, ее восторг, когда его первым словом стала «мама», и как она осторожно следила за каждым его шагом в жизни и оберегала. Как все могло так закончиться? В этом не было смысла. Как могли все вытертые слезы, колыбельные, спетые посреди ночи, и обьятия не уберечь его? Ее эмоции колебались между злостью и горем так сильно, что я удивлялась, как ее слезы не смыли слова, пока она писала их. Она говорила, что ее сердце превратилось в черный уголь в ее груди, словно кто-то разжег его. Она говорила, что каждую секунду теперь она боролась с желанием разрыть руками землю над ним и обнять его еще хоть раз. Она говорила, что врач просил ее пить больше воды, потому что она все время плакала. Ее не волновало, что она могла высохнуть, умереть, ведь это не могло быть больнее, чем жизнь в мире, где нет ее ребенка.

Но Агнес потеряла не одного сына в 1910. Она потеряла двух. Она так отчаянно искала ответы, что позволила горю обратиться в гнев к человеку, которого все считали убийцей. К Исааку. Как мог один брат убить другого? Она не могла этого понять. Он ушел, потому что она ему так сказала. Она взяла на кухне нож и встала перед ним в коридоре дома Скарборо. Она молила его пронзить ее сердце, потому что оно уже не работало. Она не могла чувствовать, не могла любить, тем более, любить его. Она не могла даже смотреть на него, знать, что он еще дышит, а Дуглас — нет. Исаак забрал у нее нож и положил на стол, а потом ушел из дома семьи.

Я не находила намеков на убийцу Дугласа, но устала, когда добралась до 31 декабря 1911. Я осторожно закрыла дневник и посмотрела на часы. Было уже больше пяти вечера, и я очень хотела бокал вина и расслабиться в ванной.

— Ты в порядке? — спросила Марина, потирая шею, которую долго склоняла над дневниками. Она не стала есть в этот раз принесенное ею миндальное печенье в форме колец.

Я кивнула.

— Ты что-то нашла?

— Ничего, что не может подождать до завтра, — она сжала мою руку на столе. — Продолжим завтра. Да, Арти?

Он сверился с датой, которую читал, и записал ее, а потом закрыл дневник и кивнул. Они знали, что я плохо себя чувствовала, потому были готовы отложить все до следующего рабочего дня.

* * *

Я принесла обратно кастрюлю от паэли, когда закончила дела в офисе, и вдруг обняла маму. Она редко обнималась, но игриво погладила мою спину, а потом отодвинула меня и взгляделась.

— Это из-за собаки?

Я покачала головой, издав то ли смешок, то ли всхлип.

— Из-за мужчины?

— Нет, — сказала я, вытирая ладонями щеки. — Ничего такого. Просто тяжелый день на работе, — я могла вдаваться в подробности. Рассказать, как утром нас заперли в темном подвале, как я столкнулась с горем Агнес Скарборо, но я не могла снова проходить через это.

Она выглядела так, словно хотела сказать: «А я тебе говорила». Но она передумала.

— Никто не говорил, что будет просто, — сказала она и погладила меня по голове. Это меня успокоило.

Я вышла на улицу возле «Веселых духов» через несколько минут, спину грело вечернее солнце и мысль о теплой ванне. Лестат не давал мне отправиться купаться. Я была в нескольких милях от ванны и думала, как ночью сделать так, чтобы я хоть немного крепко поспала, и я не заметила, что кто-то стоял у двери моего офиса, пока не оказалась прямо перед ним. Ним. Перед Флетчером Ганном.

— Милый пес, — сказал он.

На миг я растерялась. Если он пытался отвесить комплимент, то ему стоит сходить на специальные занятия, потому что его слова обижали. А потом я вспомнила Лестата. Он не казался милым, и его тут даже не было. Я оставила его спать в офисе, пока я относил маме кастрюльку. И тут я вспомнила клип, что отправила Флетчу, как Лестат облегчался на его лицо.

— Ты же требовал доказательств, что у меня есть собака. Я их и отправила.

Он стоял у двери, заведя ногу за ногу. Что ж, он мог изображать из себя Дэнни Зуко, но я не Сэнди. Я даже не люблю розовый. И одет он был не так, явно шел с работы, изображал, что был сексуальным тружеником, закатал рукава рубашки для этого.

— Я тебе кое-что принес.

Он вытащил из-за спины едко-зеленый совок для уборки после собак и протянул его мне.

— На случай, если твоей собаке захочется еще и сходить на мое лицо по большому.

Может, день так сложился, но я была тронута и раздражена.

— Ты последний романтик, — сказала я. — Буду думать о тебе, используя это.

Он разглядывал меня и хмурился.

— Ты плакала, охотница?

— Нет, — я закатила глаза. — Просто соревновалась в нарезке лука. Я победила.

— Поздравляю. Каким был приз?

Я огляделась в поисках ответа.

— Годовой запас лука-шаллота. Как раз иду забирать.

Он тихо рассмеялся.

— Врешь ты ужасно, — сказал он.

— А ты делаешь ужасные подарки, — сказала я, глядя на пластиковую яркую лопатку.

— Я могу быть романтичнее, — отметил он, и я посмотрела на него, потому что не могла прочесть выражение его лица. Его глаза были в тени, что отбрасывало здание, но что-то во вздохе, сорвавшемся с его губ, говорило мне, что его день был не лучше моего. Я не дрогнула, когда он провел кончиками пальцев по моей челюсти. Я не могла двигаться, потому что он наполнял меня временно похотью. Он остановился, и я была рада. Мне

вернется дар речи, и мы забудем, что это было. Я слышала машины на улице вдали, заметила заманчивые запахи из ресторанов, где готовили ужин, но мы с Флетчем были в своем маленьком мире.

— Я знал, что твоя кожа будет такой, — сказал он. — Слишком мягкая, по сравнению с твоими острыми краями.

Я нахмурилась.

— У меня нет острых краев.

— Есть. Вся ты из острых краев, сарказма и бед, но твоя кожа другая. Она гладкая и теплая, и она нравится мне больше, чем все остальное в тебе.

Он хотел сказать, что я приношу проблемы?

— Моя кожа тебя терпеть не может, как и вся я, — сказала я, но это было ложью. И даже не ложью во благо, не ради него точно. Я врала себе. И это не помогало, потому что стоило ему обхватить ладонью мою челюсть, как кожа словно засияла. Кожа млела. А голова нет, как и сердце, но кожа явно подводила. Она флиртовала с Флетчером Ганном как фанатка «*One Direction*», встретившая Гарри Стайлса.

— А твой рот, Биттерсвит? — спросил он, и я шагнула к нему ближе. Я посмотрела на ноги в тревоге, отдала им четкий приказ. Назад! Сейчас же назад!

Он провел задумчиво большим пальцем по моей нижней губе. Я хотела укусить его, но он мог быть из тех, кто получал от такого кайф, мог потом потащить меня за волосы или что-то еще. Потому я вздохнула и приоткрыла губы, для него это точно выглядело как приглашение продолжать, хотя я пыталась изобразить скуку. Но врала я ужасно, и мне не было скучно.

— И что мой рот? — в голове это звучало с вызовом, но с губ сорвалось выдохом. Флетчер Ганн сделал меня слабой. Я была Мэрилин Монро на пороге офиса, и он прижал ладонь к моей спине и придвинул меня к себе. Боже! Мое тело было возле его, он склонил голову, и я знала, что должна остановиться, но я стала уязвимой, прочитав дневник Агнес. А этот джентльмен явно не предпочитал блондинок в белых платьях. Ему нравились низкие едкие брюнетки в джинсах и футболках с «Неугомонными». Я бы остановила его, но теперь он обхватывал мое лицо обеими руками, и это было так соблазнительно, что мои кости таяли. Я хотела, чтобы он поцеловал меня. Я хотела поцеловать его. Он был так близко, что наши дыхания смешивались. Я закрыла глаза и положила ладонь на его сердце, я чувствовала его ровное биение под тонким хлопком рубашки.

Он был выше меня, и что-то было в том, как он склонил голову ко мне, как его мышцы напряглись, когда он обхватил мое лицо, что заставило меня приблизиться к нему, а не его. Я встала на носочки, чтобы достать до него, и он поцеловал меня в ответ очень медленно и чувственно, я скользнула другой ладонью по его шее к волосам. Он едва двигался, словно наслаждался. Поцелуй был самым спокойным, он открыл мои губы легким прикосновением языка, опустил одну теплую руку, накрыв мою ладонь на своей груди. Биение его сердца ускорилося, и когда моя язык проник мимо его губ, он издал тихий горловой стон, и этот звук был самым горячим из тех, что я слышала. Низкий и простой, и он уже не был таким неподвижным. Его пальцы скользнули по моей голове и впились в мои волосы, и ускорение темпа заставило меня захотеть забраться на него, как на дерево, обвиться и остаться там. Он отклонил мою голову, и других слов не было, это было мастерски. Я поищу лучшее слово позже, потому что это было слишком нежно для такой вредины, как я, но он умело затмил меня своими губами, руками и низкими сексуальными стонами.

— Биттерсвит?

Он произнес мою фамилию, и я впилась зубами в его нижнюю губу. Судя по тому, как он держал меня, ему нравилось, и его быстрое дыхание говорило мне, что на него это влияло так же, как на меня.

— Хмм? — я не могла говорить, он ловил слова поцелуями. Если бы он спросил, может ли утащить меня в кровать, я бы точно сказала: «Да, прошу, делай это немедленно, и я моя спальня как раз по пути». Я уже тащила его по лестнице мысленно.

— Твоя собака обнимает мою ногу.

Я открыла глаза, губам не хватало его поцелуев, и я повторила его фразу в голове, пока слова не пробились через туман, что он вдохнул в меня. Собака обнимает ногу. Моя собака любит его ногу. Чертов Лестат! Я медленно опустила взгляд и увидела его, радостно висящего на ноге Флетча, глаза-бусинки закатились на плоском лице, полном радости. Отстань от него одноухий монстр из ада! Это не оргия, он мой! Я только теперь заметила, что дверь офиса открыта за Флетчем, и я поклялась убить Лестата жестоким образом. Я проткну его сердце серебром, пока он будет спать, исполню это принятое клише.

— Я дам тебе уйти после того, как ты поцеловала меня, в этот раз, но только потому, что луковое соревнование тебя возбудило.

Я уперла руки в бока, поцелованные губы растянулись в оскале, и я посмотрела на него.

— Ты поцеловал меня. Ты увидел, что я была уязвима, и воспользовался шансом.

Он провел рукой по волосам и рассмеялся, взглянул в сторону главной улицы и покачал головой.

— Ты наименее уязвима женщина из всех, кого я видел.

— А ты самый раздражающий человек на планете, — сказала я, толкнула Лестата в офис и закрыла дверь. Вмешательство собаки оказало такой же эффект, как ведро ледяной воды, сброшенное на меня с высоты. Это хорошо разрушило чары, заставило задуматься о том, что я делаю.

— Я рад, что мы разобрались. Ты прочная, я раздражающий. Я все еще думаю, что нам стоит забыть о разногласиях на вечер и заняться диким сексом, потому что я все еще чувствую тебя на губах. Ты вкусная.

Я уставилась на него. Кто вообще так говорит? Я вспомнила разговор с Мариной о Базе и героях. Стыдно, что мы не знали, как поступать, когда человек, которого ты терпеть не можешь, становился для тебя героем на пять прекрасных, но неуместных минут на пороге.

— Это вишневый блеск для губ, — сказала я, скрестив руки поверх футболки. Я знала, что я была в одном жарком поцелуе от падения, и мои слова от этого звучали враждебнее, чем должны были. — Пошел вон, Флетч, и больше меня не целуй, ясно? И я не люблю разочаровывающий секс. Ни с тобой, ни с Далай-Ламой, ни с Тором.

Последнее было ложью. Страшно было, что и первое могло таким оказаться.

Он фыркнул и пошел прочь.

— Ты очень странная, Биттерсвит.

Я смотрела ему вслед, а он купался в золотом свете вечернего солнца, и я могла лишь согласиться. Я была ужасно странной. Я позволила поцеловать себя Флетчеру Ганну за зеленый совок.

* * *

Я хотела отнести будильник в магазин для бедных. Он мне не был нужен, потому что Лестат вылизывал мое лицо в шесть утра каждый день, чтобы дать понять, что ему нужно на

улицу и поесть. Я наивно ожидала, что собака впишется в мою жизнь, что мне не придется ничего менять. В некоторых вопросах Лестат был не требовательным, он любил гулять меньше меня, и он был из тех собак, что постоянно приносили покрытый слюной теннисный мяч. За это я была благодарна. Но я не была рада тому, что он был избалован, бесился. Он был наглым. Он первый раз просил вежливо, а потом выжидал пять минут и мстил за то, что его проигнорировали. Я почти слышала его мысли. Не вывела меня быстро на улицу в 6:05? Милая Мелоди, тогда я справлю нужду на коврик у входа. Не дала мне миску еды к 6:15? Круто, я найду что поесть, пока жду. Банан еще в кожуре? Вкусно. Твои тапочки? Деликатес. Пробка от вина? Растерзаю с радостью, Мелоди, не сомневайся.

Он был мелким бандитом. Я должна была радовать его, и пока все шло так, как он того хотел, мы жили в мире. Это не тревожило меня в будни, потому что я все равно вставала, но сегодня была суббота, кровать была теплой, и я сменила вчера простыни, они до сих пор пахли свежестью, и это было так приятно. Я не хотела открывать глаза, они словно были склеены. Я не хотела выходить наружу, где Лестат будет ходить по аллее, как нетерпеливый пушистый генерал, выбирая место. Я застыла и притворилась, что его язык на моих глазах меня не тревожит. Я пыталась, но тщетно, ведь мы оба знали, что я сдамся. Вчера я купила новые тапочки, вязаные и с мехом внутри. Они мне нравились, и я прятала их под подушкой. Конечно, он знал. Не нужно было становиться боссом мафии, чтобы знать, что происходит в твоём доме в 6 утра. Я ощутила, как один из тапочек начинает медленно выползать из-под подушки. Хватит. Это была прямая угроза. Поднимайся, или тапочкам конец. Я открыла глаза, и он смотрел на меня с бубоном от тапочки в зубах.

Я оскалилась и зарычала, но он сидел. Наверное, мысленно считал.

— Ладно, — проворчала я. — Я сделаю это, а потом вернусь в постель на весь день, и мои тапочки будут жить, ясно тебе?

Он ждал, пока мои ноги коснутся пола, а потом отпустил бубон замедленным действием.

— Какой ты добрый, — сказала я ему, надеясь, что он понимает сарказм. Я сунула ноги в теплые тапочки, пошевелила пальцами и пошла за его пушистым телом из спальни, смирившись с судьбой его человека.

Полчаса спустя я вернулась в кровать с большой кружкой кофе и дневником Агнес Скарборо за 1920. Я снова была в перчатках, но тех, что были дома, мне было лень идти в офис в пушистых тапочках. Я надеялась, что там не будет пожара, иначе Флетчер Ганн будет радоваться, когда мое обгорелое тело вынесут, и он получит меня, как странный фетишист, еще до того, как угаснет огонь.

Мы читали дневники Агнес, и хотя там было подробно описано, как жили во время Первой мировой войны, но мы не нашли пока что ничего значимого для дела. Теперь я знала, что, как и многие мужчины их возраста, Исаак и Ллойд сражались за короля и страну, и что Исаака наградили за отвагу. Агнес знала это, но не признавала, что гордится этим. Она описывала своего изгнанного сына со стороны, хотя было ясно, что она все равно переживает за него. Но ее заметки о нем в дневнике были размытыми, лишёнными материнских чувств. Но они там были, значит, она все равно думала о нем, хотя не могла позволить себе написать об этом прямо, как раньше. Может, потому я удивилась заметке в конце июня 1920-го.

«Чарльз Фредерик был рожден здоровым в корпусе для рожениц», а рядом она написала: «Мой первый внук».

Я искала в дневнике другие упоминания о ребенке, но ничего не было. Кто он и, что важнее, чей он? Она словно написала о рождении чужака, и она не упоминала о нем больше. Она даже не отпраздновала это. Значит, это не был сын Ллойда, потому что в дневнике она писала о его грядущей свадьбе с Мод. Это вело к единственному возможному варианту, к новому кусочку пазла, который нужно было как-то поставить на место.

У Исаака был сын.

Глава шестнадцатая:

Это было слишком важным, чтобы ждать до понедельника. Я хотела, чтобы Агнес снова пришла ко мне, но и в прошлый раз у нее это получилось плохо, она могла не найти сил для второго раза. У меня было к ней теперь столько вопросов, и самым очевидным был вопрос о ее первом внуке. Кто его мама, была ли она женой Исаака? Я хотела спросить его об этом, но нужно было сначала все обдумать. Почему он не рассказал сразу? Потому что это не важно? Возможно, но я не могла избавиться от мысли, что это важная часть разгадки. Я посмотрела на часы. Было всего семь утра, но я уже не хотела спать.

У меня был призрак, которого нужно было допросить.

* * *

Мне стало не по себе, когда я приехала одна на Бримсдейл Роуд после девяти. Два больших темных седана стояли там, один из них принадлежал Доновану Скарборо, а другой я не видела. Лестат ехал рядом со мной, Булочка дернулась и остановилась, и он недовольно посмотрел на меня.

— Прости, друг, — сказала я. — Я говорила, что тебе не понравится, но ты не слушал.

Он настоял утром, что пойдет со мной, и я сдалась, потому что уже поняла, что лучше дать ему то, что он хочет, чем разбираться с последствиями.

— Что нам теперь делать? — тихо спросила я у него, разглядывая дом. Он встал на задние лапки, словно размышлял над моим вопросом. И я поняла, что если пойду туда сейчас, то мне придется брать его с собой. Этого хватило, чтобы я потянулась к зажиганию, но тут по дороге помчался Донован Скарборо. Он явно увидел меня, он шел к Булочке, и выражение его лица было ясно видно. Он был в ярости.

Я локтем толкнула замок на двери и медленно опустила окно, он оказался передо мной.

— Мистер Скарборо, — улыбнулась я. — Доброе утро.

— Нет, не доброе! — сказал он громче, чем нужно, ведь его лицо было близко к моему. Лестат залез ко мне на колени и смотрел на Скарборо, они играли в гляделки.

— Я уже хотела уехать... — сказала я, но он покачал головой и попытался открыть дверь моей машины.

— Нет, нет, не уедешь, — бормотал он, залез в окно и нащупал ручку. Это можно было считать нарушением личного пространства, и я не собиралась это терпеть. Я хотела возразить, но тут Лестат взял проблему в свои лапы и бросился на пальцы Скарборо. Я пообещала мысленно дать Лестату сыра и крекеры с луком, он отлично исполнял роль Марины, роль вышибалы.

— Моя собака хотела бы, чтобы вы убрали руку из моей машины, — сказала я, стараясь звучать вежливо. Он вежливым не был.

— Иди туда и успокой этих призраков, — почти вопил он. — За что я плачу тебе и брату Лоуренса Луэлина Боуэна? Вы ничего не делаете?

Я хотела сказать, что он нам ни копейки не заплатил, и не заплатит, пока не будет результата, но не сделала этого, потому что он, казалось, вот-вот взорвется, вена на его лбу пульсировала так, словно жила самостоятельно.

— Какие-то проблемы? — я посмотрела на дом, изображая тон Джоанны Ламли, потому что она крутая и может заставить людей делать все, что захочет, даже политиков.

— Проблемы? — повторил едва слышно Скарборо и добавил маниакальный смешок, посмотрел вдаль, его пальцы быстро постукивали по окну машины. — Да, проблема, — рявкнул он. — Потенциальные покупатели хотели проверить детали в доме, и они теперь заперлись в спальне и не хотят выходить, потому что они в ужасе! — он ударил кулаком, подчеркивая последние слова.

— Но вы знали, что мы не закончили работу, — спокойно сказала я. — Мне пойти и посмотреть, могу ли я помочь?

Он отвлекся от ответа из-за лязга тормозов, через секунду Лео выпрыгнул из машины и подбежал к Скарборо и Булочке.

— Не нужно было вызывать обоих, — проворчал он, хмуро глядя на меня. — Я же говорил, что прибуду через пятнадцать минут.

— Я ее не звал, — раздраженно сказал Скарборо.

Честно говоря, они меня начинали злить. Утро субботы, и я надеялась, что буду тут одна, а тут Скарборо делал вид, что я получаю его деньги, а Лео — что я на его пути. Простите, что мы с собакой вообще дышим. Лео посмотрел мрачно на меня, а потом с любопытством взглянул на Лестата.

— Ты купила себе одноухую свинью, — он говорил медленно, словно Лестат был самым удивительным существом, что он когда-либо видел. Он не любил собак. Не любил животных, пока это не была говядина слабой прожарки, поданная с вином, или отделка из норки на его старинной ушанке. Мир Лео не включал животных, ведь в центре был только он, а Викки и Никки, видимо, были ему ближе всех.

— У него два уха, и он прекрасно слышит, — проворчала я, открыла дверь. Лестат выкатился на тротуар, как пушистый шар для боулинга, понюхал дорогие туфли Донована Скарборо с интересом, что означал, что он уже хочет поднять ногу. Я выскочила из Булочки и отвела его в сторону, а потом перевела взгляд на двух мужчин, что теперь возвышались надо мной, думая, что стоит попросить Марину научить меня ходить на высоких каблуках нормально. У меня были лишь одни такие туфли, и я не выходила в них из дома, но мне хотелось бы сейчас быть в них, чтобы уйти от этих двоих к дому как женщина-убийца, а не как слабачка, у меня еще и шнурки развязались, как у школьницы. Лестат не помогал. Его очень интересовали новые окрестности, он вел нас вперед как маленький бычок, везде оставляя лужи, как пенсионер, метящих территорию.

— Его нельзя оставить в машине? — сказал мне Скарборо, когда мы подошли к дому.

— Собаки перегреваются и умирают в машинах, — я высокомерно посмотрела на него, он притих. Лео фыркнул на Лестата, когда мы прошли к входной двери. Он попытался еще раз:

— Может, хоть привяжешь его тут на поводке?

Я посмотрела на Лестата и понадеялась, что он не слышит Лео.

— Он обижается на слово поводок, — сказала я, последнее слово произнеся едва слышно. Это не было ложью. Документы Лестата содержали и записку, где кто-то, видимо, Том Джонс, написал «ни за что!» рядом с пунктом о тренировке на поводке. Я все равно

купила поводок, я видела, как собаки по телевизору сходят с ума от радости при упоминании о прогулке. Но не он. О, он сходил с ума, но не от радости. Это был чистый гнев. Его не волновала длительность прогулки, все зависело от погоды, но на равных, когда двое гуляли, без поводка.

— Он будет хорошо вести себя там, — сказала я. — Его просто радует все новое.

Лео вздохнул и вставил ключ в замок, толкнул дверь, и мы услышали приглушенные голоса.

— Давно они здесь? — Лео нахмурился, бросил ключи на столик и собрался идти наверх. Он звучал как врач на вызове, а не охотник на призраков, через миг я отметила другое: он был в футболке, что я ему подарила, и все же выглядел красиво. У него была харизма, и хотя он был слишком модным, он оставался достаточно мужественным. Он мог поднять небольшой комод, хоть и ругаясь, но я бы не доверила ему строить, например, домик на дереве для моих детей. Это если бы у меня были дети и деревья. Было время, когда я задумывалась, будут ли у меня дети от него, будет ли у нас сад с деревьями, будем ли мы вместе в постели в конце каждого дня. И все это снова вернулось из-за того, как он бросил ключи на стол, ведя себя, как взрослый? Как только это дело закончится, придется серьезно с собой поговорить. Сначала я поцеловалась с Флетчером Ганном, а теперь мечтаю о доме с Лео Дарком.

Не пора ли мне сделать операцию? Я была бы рада, если бы меня лишили этого гена романтичности с помощью лазера и заменили тем, что будет привлекать меня к мужчинам, что не так опасно для моего сердца и дела.

А Лео Дарк ушел по лестнице со Скарборо, и я задержалась, следя за тем, что случится. Даже я понимала, что бежать вперед Лео нет смысла, это выставит меня душой. Я была не одна, Лестат обыскивал место, нюхал все, двигаясь по полу, и Дуглас появился, как только Лео пропал из виду, вышел из гостиной, словно актер на сцену.

— Тебе стоит сходить наверх и посмотреть, Исаак стал совсем того, — он зловеще улыбнулся и пошел к лестнице, а потом оглянулся на меня. Я смотрела на него.

— Ты сказал «совсем того»?

— Эй, я смотрю «Дисней», — сказал он, звуча, как пятнадцатилетняя девочка из Америки.

— Лучше только спортивные и детские каналы и смотри, — я боялась думать, что будет, если он увидит ночные программы.

Глаза Дугласа весело блестели.

— Поздно. Я уже испорчен, Мелоди, и это ты виновата.

Он смотрел на меня, и я снова ощутила близость, неожиданную связь с ним. Наверное, дело было в том, что мы были почти одного возраста, и он был очень красивым. Если бы он был живым сейчас, его забрали бы в модельное агентство, им восхищались бы девочки, вешали на стенах плакаты. Или он был бы в группе, хотя Исаак и говорил, что петь он не умеет. В общем, выглядел он круто, как по мне, и вполне реально. Хотя говорить он мог только со мной из всех девушек, и отношения эти были не очень приемлемыми.

Я вернулась в реальность, услышав шум наверху. Звучало так, словно Исаак бушевал, и я прошла ближе к лестнице, чтобы услышать, что происходит.

— Мистер Скарборо, — услышала я Лео, он вскрикнул. — Мистер Скарборо, прошу бросаться книгами не стоит, да? Ведите себя достойно, — через миг он снова вскрикнул, но уже громче. Дуглас вперед меня посмеивался.

— Исаак всегда хорошо бросал, — беспечно сказал он.

Я слышала грохот, поднялась чуть выше. Судя по тому, что Донован Скарборо нервно переминался возле спальни хозяев в конце коридора, Лео был внутри и пытался успокоить Исаака.

— Почему он так себя ведет? — спросила я тихо у Дугласа.

— Они говорили о сроках, — сказал Дуглас. — И, похоже, упомянули снос.

— Ах, — сказала я. Теперь я видела причину шума.

— Нужно отпустить людей. Заложники дело не улучшат, — предупредил Лео Исаака, изображая полицейского, говорившего с тем, кто собирался прыгать с крыши. — Я попрошу их медленно пройти к двери, и я советую вам ничем не бросаться.

На миг воцарилась тишина. Я прошла на носочках на вершину лестницы, потому что я не могла толком видеть происходящее, лишь слышала.

— Ладно, — сказал Лео властно и тихо. — Идите ко мне.

Я услышала скрип половиц, а потом грохот, вопли и громкие ругательства. Голос Лео был громче всех, и он уже не вел себя так спокойно, как сначала. Никто не вышел, но теперь я слышала, как плачет женщина. Плохо дело. Я уже не могла стоять в стороне. Мне нужно было туда.

Донован Скарборо был белым, как простыня, когда я прошла мимо него, и я замерла на пороге, чтобы оценить ситуацию. В прошлый раз, когда я была тут с Исааком, я восхищалась старинной мебелью и обоями. Теперь все выглядело иначе. Я сразу заметила, что чистая спальня теперь была в хаосе. Прикроватные светлые столики лежали на боку, выдвижные ящики были вытянуты, из них свисали старые вещи, всюду валялись книги. У камина стояла книжная полка, и она была полна книг, пока Исаак не начал разбрасываться ими в тех, кто пытался покинуть комнату. В дальнем углу, дрожа, сидели двое мужчин и женщина в деловых костюмах, перепуганные тем, что им хотят причинить вред. Они не осмеливались выходить, женщина рыдала, как пятилетняя девочка, упустившая шарик. У Лео появился свежий порез над глазом, а сам Исаак выглядел обезумевшим от злости. Буду честной, я была потрясена тому, как растрепано он выглядел. Гнев усилил его, и он теперь был сильным призраком.

— Не входи, Мелоди, — прошептал Лео, выставив руку, чтобы закрыть меня. Этот инстинктивный защитный жест тронул меня, и я снова задумалась о наших детях на лужайке в саду, где он сидел за мной на просторных качелях и заплетал мне волосы. Я покачала головой, прочищая разум, и вошла в комнату.

— Исаак, — сказала я, он потянулся за другой книгой. Лео тут же попытался заслонить меня собой, но я выглянула из-за него, спокойно глядя на разъяренного призрака. — Исаак, прошу. Это я, Мелоди.

Исаак замер с книгой и посмотрел на меня.

— Я прочитала дневник вашей матери, Исаак, — сказала я. — Мне нужно поговорить с вами о Чарльзе.

Перемена в комнате поражала. Исаак застыл, словно изображал статую, и опустил руку. Он осмотрел на меня, раскрыв рот, лицо его медленно меняло выражение. Он дошел от гнева до потрясения, а потом до печали. Я смотрела на него, сердце колотилось, а потом, как только он захотел заговорить, он исчез, словно резко выключили свет.

Я опустила плечи, казалось, что колени перестанут меня держать, и я опустилась на край кровати.

— Выходите, — тихо сказал Лео. — Уже можно.

Донован Скарборо прошел и помог покупателям встать на ноги, а потом зло посмотрел на Лео.

— Ты уволен, — он почти проткнул пальцем грудь Лео. Он развернулся и указал на меня. — Ты. Разберись с этим. У тебя еще неделя.

— Что это было? — спросил Лео, когда мы остались одни в спальне пару минут спустя. Он сидел рядом со мной на краю кровати, упираясь локтями в колени, обхватив голову руками. Он какое-то время держал в этих руках мои мечты, но не справился, не уберег их. — Что за Чарльз? — спросил он. — Старик не говорил мне ничего, лишь смотрел, словно не слышал.

— Я сама не знаю, — сказала я, понимая, что теперь мы были не в одной команде. Пару мгновений назад казалось, что все иначе, но в реальности он бы втоптал меня в грязь, лишь бы справиться с делом.

— Может... мы можем объединиться здесь? — спросил он. — Как раньше?

О, он почти задел меня. Ностальгия играла во мне, я еще и видела его в футболке, что я подарила ему, адреналин тек в моей крови, и меня тронуло то, что он попытался защитить меня. Между нами были отношения, и мы могли пытаться защитить друг друга от летающих книг, но как раньше? Серьезно? Что еще он сделает ради этого? Выпьет? Затащит меня на ковер в спальне? Он пытался забрать у меня успех, как только мог, и я не собиралась ему этого давать.

— Думаю, тебя уволили, — сказала я, но он покачал головой.

— Скарборо слишком любит светиться по телевизору, чтобы уволить меня. Он передумает, ему нужно быть в шоу на следующей неделе. Он не пропустит этого.

Я тяжело вздохнула. Может, мужчины понимали друг друга лучше. Я уже ничего не понимала и не знала, куда уже клонит Лео.

И тут я кое-что поняла.

— Без близняшек сегодня?

Он отвел взгляд.

— Они заняты на выходных.

Я чуть не забыла, что сегодня суббота.

— Общественные работы? — я шутила, но Марина обрадуется, когда я ей расскажу. Она все еще дулась на то, что мы не рассказали Лео о странном случае с подвалом.

Он взглянул на меня, проверяя, не знаю ли я то, чего не должна.

— Что-то типа того.

Я не знала, как это понимать.

— Они местные?

Он покачал головой, и я услышала в тишине, как он сглотнул.

— Они переехали сюда с севера, чтобы работать со мной.

— Ого, — сказала я удивленно. Это было сильным поступком. — Как так вышло?

— Твиттер.

Я чувствовала, что он рассказывал не все.

— Вы встретились в Твиттере, и они переехали для работы с тобой?

— Они первые в группе любителей Дарка. Они основали ее, а потом приехали работать со мной.

Я задумалась.

— То есть, они основали твой фан-клуб?

Лео потер руками лицо и улыбнулся.

— Ничего не поделать. Женщины не могут устоять передо мной, Мелс.

Никто так меня не называл. Он делал так, и мне раньше это нравилось. Но я уже не была его девушкой, и я не понимала, что именно чувствую, слыша это прозвище сейчас. Оно намекало, что близость оставалась между нами, хоть в какой-то степени. У меня было мало бывших, и Лео был единственным, которого я могла вспоминать.

Мы могли оставаться друзьями после этого, да? Все знаменитости так делали, шутили друг над другом, а потом их ловили целующимися в парке или пьющими латте или фраппучино в кафе в Камден. Шропшир был далеко от Камдена, кофе у нас было не таким вкусным, но смысл тот же. Я не так сильно злилась, чтобы рвать фотографии или сжигать его вещи, и он тоже, раз надел футболку, что я подарила ему. Я тратила энергию, ненавидя его за то, что он предпочел мне славу, это ранило, но смягчало боль то, что он вернулся через год, потому что пятнадцать минут в неделю не давали ему достаточно денег, чтобы платить за квартиру.

И теперь мы были напряженными друзьями, что видели друг друга обнаженными, и он говорил и делал порой то, что заставляло меня думать, что он жалеет, что мы расстались. Если посчитать, то я на девяносто процентов была против Лео Дарка, но десять процентов ностальгии, хоть и были, но не могли позволить подпустить его близко к моему сердцу снова.

— Мне стоит найти Лестата, — сказала я и встала. — Это было... — я пыталась подобрать наиболее подходящее слово для утренних событий. — Насыщенное утро.

В коридоре я решила, что не буду искать Лестата, и пошла к узкой лестнице, ведущей на чердак, надеясь отыскать там Исаака. Но кресло было пустым. И комната тоже. Я пошла по дому, но не могла найти его следов. Может, ему это утро тоже доставило хлопот, и он ушел зализывать раны. Или избегал меня, потому что не хотел говорить. Но задерживаться смысла не было, и я выманила Лестата из гостиной, где он сидел на диване, и пошла разочарованно к машине. Все шло не по плану. Я добралась до калитки и услышала из дома вопль Донована Скарборо:

— Кто принес сюда телевизор?

Я побежала.

Глава семнадцатая:

— Мелоди, дорогая, я хотела устроить вечеринку, но Роза отказалась в последний миг. Ты ведь не очень занята? Ты же знаешь, как я не люблю нарушение равновесия за столом.

— Да, я очень занята, — я заглянула на кухню мамы, когда вернулась из дома Скарборо, и теперь знала, почему она столько всего приготовила: она хотела провести очередную вечеринку. Она придвинула ко мне пустую миску, а потом сунула в духовку противень с пирогом, я провела пальцем по краю миски, собирая остатки крема от пирога. Вряд ли мама даже спрашивала Розу, одну из ее коллег на радио. Она меня снова не поймает. — Попроси бабушку.

— Я уже иду, — бабушка была в позе йоги на ковре кухни, она смотрела на меня между колен.

— Так попроси... кого-то еще. Но не меня.

— Сейчас четыре вечера в субботу. Кого я позову в такое время? — она была обижена. — Я делаю паэлью. Ты сказала, что она была вкусной.

— Да. Была. И сэкономила мне пачку корма для собаки. Прости, мам, но у меня есть дела вечером.

Она недовольно вздохнула.

— Что такого важного, что ты не можешь помочь маме?

Я сказала то, что точно спасло бы меня от ее планов.

— У меня свидание.

— Свидание? — она тут же оживилась. — Скажи! С кем? Где?

Ой, об этом стоило подумать заранее.

— Это свидание вслепую, — сказала я. — В... кинотеатре. Марина устроила.

Мама немного посерьезнела.

— Марина? — она любила Марину чуть ли не сильнее меня, но она знала мою лучшую подругу так же хорошо, как и я. Свидания, которые организовывала Марина, нужно было воспринимать осторожно. Ее история свиданий была страшнее моей, она умела запугивать людей.

— Она вроде говорила, что это кузен, приехавший в гости, — врала я ужасно. Зачем я это сказала?

Мама была в ужасе.

— Из Сицилии? Я не хочу, чтобы ты уезжала в Италию, милая!

Это добром не кончится, мне стоило остаться на паэлью и разговор. И не стоило говорить о кинотеатре, я знала, что она будет допрашивать меня потом и о том, что мы смотрели.

— Он из Солихалла, а не Сицилии. Успокойся, ладно? И это лишь кино и попкорн, а не свадьба.

Бабушка села в позу лотоса на ковре и улыбнулась мне.

— Включишь телевизор, милая? Программа почти началась.

Я оставила их и пошла в свою квартиру смотреть, что нынче идет в кинотеатрах.

* * *

Нам повезло, что у нас был кинотеатр, показывающий старые фильмы, что смог пережить наступление развлекательного центра, что открылся в большом торговом центре в нескольких милях от него. В «Регале» было всего два экрана, звук был плохим, но это даже добавляло оригинальности, это место было любимым в городе. Я решила провести воображаемое свидание там, потому что могла пойти туда со своим вином. Они не были против, они могли даже дать бокал при покупке билета, только потом его нужно было вернуть.

Внутри я сложила огромный зонт и сунула в специальную корзину для мокрых зонтов у дверей, чтобы забрать в конце. Такого в развлекательном центре нет, верно? Я повесила плащ и пригляделась к доске за головой кассира, чтобы выбрать фильм. Можно было посмотреть новую романтическую комедию со Скарлетт Йоханссон, или похожую, но немного серьезнее, с Энтони Хопкинсом. Почему не показать вместо этого «Молчание ягнят»? Я бы лучше смотрела, как он угрожает съесть чью-то печень, пока пьет вино, чем влюбляется в свою племянницу, а потом, наверное, умирает, как я догадалась по плакату. Я мысленно вздохнула. Все же лучше выбрать романтическую комедию.

Здесь было тихо, ливень разогнал почти всех людей, обычно их тут было больше.

— Сама пришла, охотница?

Ох, черт. Серьезно? Я только устроилась с попкорном и большим бокалом вина. Я и не старалась изображать свидание, я собиралась развлечься и поплакать.

— Из всех кинотеатров в мире ты пришел именно в этот, — сказала я, невольно проверив, не пришел ли Флетч со спутницей, что прячется за ним. Хуже того, что он пришел сюда, было бы терпеть их обжимания весь фильм на первом ряду.

— Работа, — сказал он, показал пропуск и устроился рядом со мной. — Кто-то должен сделать обзор на фильм.

— Здесь сидеть нельзя, — сказала я.

Он скрестил длинные ноги и посмотрел на свой попкорн.

— Это еще почему?

— Потому что у меня свидание, и он скоро придет. Найди другое место.

— Свидание? — он улыбнулся. — Не похоже.

Я разозлилась. Не важно, что я врала, но то, что он постоянно считал, что у меня нет свидания, меня бесило.

— Ты не будешь так говорить, когда он придет, — я сделала глоток вина, а он рассмеялся и принялся за попкорн.

Он, оценивая, взглянул на меня.

— У тебя один бокал, попкорн на одного, пятно на джинсах, и ты даже не расчесала волосы. Ты точно не на свидания.

— Здесь ветрено, Шерлок! — возмутилась я из-за замечания из-за моих волос, пока я вытирала пятно от вина на ноге.

Он пожал плечами.

— Я не сказал, что выглядишь плохо. Тебе идет гнездо «я только что из кровати».

Я вытащила резинку из кармана и стянула волосы, промолчав после смеси оскорбления и комплимента.

— Если ты не на свидании, тогда зачем ты здесь?

Я могла рассказать ему правду, рассказать, что я прячусь от мамы, но не хотела поднимать тему семьи, потому что он точно оскорбит их, и я выплесну вино ему в лицо, и больше нас сюда не пустят. А я любила это место.

— Я люблю романтические фильмы, — врать было сложно. Но был или этот вариант, или особый интерес к Скарлетт Йоханссон, а это вызвало бы у него новые вопросы.

— Это удивляет, — отметил он. — Я думал, что тебе нравится экшн.

О, я хотела согласиться, ведь так и было. Я сходила с ума от супергероев, но я покачала головой и опустошила половину бокала вина. Ложь мне блага не приносила.

Фильм начался, и я старалась думать о сюжете, но Флетч рядом со мной делал странные заметки в блокноте и отвлекал меня. Я не понимала, что происходило между нами. Он мне совсем не нравился, но я странно реагировала на него, словно расцветала на солнце. Я узнавала его теплый и пряный запах раньше, чем видела, и он разжигал во мне искры. Его раздражало все в моей жизни, но он поцеловал меня и купил совок.

Я знала, что это. Мы жили в маленьком городе, выбор был небольшим. Нас влекло друг к другу, порой так было только с одним человеком, но почему именно к нему? Я представляла лицо мамы утром, если я скажу ей, что провела вечер с Флетчером Ганном. Она тогда уже не будет кривиться из-за сицилийского кузена Марины, да? Я не собиралась проводить с ним вечер. Он просто оказался здесь в то же время, на этом месте, хотя

кинотеатр был почти пустым. Это не свидание.

Фильм был на середине, как и моя бутылка вина, когда на экране вдруг все стало очень сексуально. Скарлетт была в слезах, у нее дрожала губа, и Флетч написал что-то в блокноте и показал мне.

«Она явно выиграла в соревновании по нарезанию лука».

Я едва слышно рассмеялась, а избранник Скарлетт вытер ее слезы кончиками пальцев, и я забрала у Флетча блокнот и ручку и написала ответ.

«И он купил ей идиотский подарок, чтобы развеселить».

Флетч забрал блокнот, прочитал мой ответ, пока на экране избранник обнял Скарлетт и нежно поцеловал. Я смотрела на них с ужасом понимая, что хочу, чтобы Флетч сделал то же самое.

«Мне исцеловать твое лицо?».

Я посмотрела на экран, мужчина расстегивал блузку Скарлетт.

«Оставь это профессионалам. Он явно знает свое дело».

Флетч прочитал это, потом опустил блокнот на кресло с другой стороны, положил ноги на кресло перед собой, а руку — на спинку моего кресла. Мы смотрели в тишине, как они занимаются любовью на экране, и я мысленно была уже с третьим бокалом вина. Где-то в районе, когда лифчик Скарлетт упал на пол, я ощутила кончики пальцев Флетча на моей шее, это было едва заметно, ничего не значило, но на секунду это значило все. И я могла думать только об этом. На экране Скарлетт стонала и каталась, а я не шевелилась и молчала, но думала, что победила.

* * *

Было уже за десять вечера, стемнело, когда мы вышли под дождь. Фильм оказался не таким плохим, но, как и во всех таких фильмах, она получила парня и жила долго и счастливо. Она не облилась вином, не думала о том, гладил ли ее шею местный репортер, она не шла в пустую кровать.

— Что ж, спокойной ночи, — сказала я, оглянувшись, с неловкой улыбкой. Он, казалось, хотел пойти со мной, и я добавила. — Все в порядке, меня не нужно провожать.

— Я и не собирался. Моя машина в конце улицы. Я могу идти в десяти шагах позади тебя, если ты так хочешь.

И кто теперь оказался в неловкой ситуации? Я. Я искала умный ответ, но ничего не нашла. Пришлось оскалиться и пойти дальше, мой зонт закрывал меня от ливня.

— Эй, Мелоди, — позвал он, прячась под навесом «Регала». — Нужно проводить тебя домой, чтобы ты поделилась зонтиком?

Я замерла и вздохнула. Это раздражало.

— Иди уже.

Он поспешил под зонт, а потом забрал его у меня и поднял так, чтобы ему не пришлось идти на коленях. Мы были близко, и я шагала так быстро, что не разочаровала бы Усейна Болта. За три минуты и двадцать две секунды мы добрались до переулка «Веселых духов», хотя я не считала время.

— Вот и дом, — сказала я, хотя мы оба это знали. Он оказался под дождем, потому что я сложила зонтик.

— Да, — сказал он. Дождь превратил его темные ресницы в шипы, он поднял плечи и сунул руки в карманы. Может, дело было в романтическом фильме, может, дело было во мне, или это бутылка вина на пустой желудок, но вдруг я захотела его так сильно, что едва

могла дышать.

— Поцелуешь меня, будто я Скарлетт Йоханссон? — черт. Я надеялась, что забуду об этом к утру.

— Черт, Биттерсвит, — сказал он тихо. Он звучал серьезно, почти злился. — Я уже почти ушел.

Он прижал меня к стене, вдавил меня своим телом, его ладонь уперлась в стену рядом с моей головой, он целовал меня так, что Скарлетт могла лишь мечтать. Я уронила зонт, руки скользнули под его пиджак. Как-то они оказались под его футболкой, и я судорожно выдохнула, обнаружив вдруг теплую кожу под ладонями. Думаю, я прошептала «о боже», его дыхание участилось, и я добралась руками до широких плеч.

— Ты опасная, — прошептал он и поцеловал меня снова, глубже, быстрее. Наши языки сплелись, он снял резинку с моих волос и зарылся в них пальцами.

— А ты убийственен, — наши взгляды пересеклись, его ладонь скользнула по моему горлу.

— Не проси меня зайти на кофе, если продолжения не будет, — сказал он, заставив меня тихо рассмеяться.

— Во всем мире именно нам не стоит так пересекаться.

— Это бред, Биттерсвит, — сказал он. Я слышала веселье в его голосе, он накрыл ладонью мою грудь. — Тебе нужно просто замолчать.

Я закрыла глаза и наслаждалась, потому что, хоть это и злило, он был очень в этом хорош.

— Мы несовместимы, Флетч, — сказала я, пытаюсь вспомнить разговор с Мариной, но его ладонь скользнула под мою блузку, накрыла мою грудь, и его пальцы гладили мою кожу, меня словно зажгли изнутри.

— Мне понравилось, как звучит мое имя, — он поцеловал кожу под моим ухом. — Скажи еще раз.

Я не хотела, но он приподнял чашечку лифчика и обхватил большим и указательным пальцем мой сосок, и я все же произнесла его имя. Может, даже дважды, и мои руки скользнули по его груди. Он был твердым и горячим. Я обхватила пальцами пояс его джинсов, притянула его ближе. Он ослеплял меня, и я прижималась к нему.

— Мне мешает твоя одежда, — тихо сказал он и уверенно расстегнул мой лифчик. Для меня проблемой был уверенный тон Флетча, от него у меня шли мурашки, я превращалась в женщину, которая занималась любовью на улице. Я не собиралась заходить так далеко, но он уже проник обеими руками под мою блузку и сжимал мою обнаженную грудь.

— Пригласи меня, красавица, — шептал он спешно в мой рот, пока большие пальцы гладили мои соски. — Пригласи в свою постель, Мелоди, и я скажу «да».

— Флетч, — начала я, а ему было уже все равно, он застонал и прикусил мою губу.

— Не говори нет. Не говори, что мы несовместимы, потому что твое тело говорит мне, что ты не против. Я не предлагаю притворяться, что мы понимаем друг друга, что мы друг другу нравимся, но я хочу тебя этой ночью, Биттерсвит.

Он прижимал меня к стене, все это время его ладони сжимали мою грудь, и когда он склонил голову и поцеловал меня, я ощутила себя сексуальнее Скарлетт Йоханссон. Я не хотела останавливать его, отчаянно не хотела, но трезвая часть мозга, что не поддалась Флетчеру Ганну, хотела что-то сказать.

— Обычный секс меня не интересуется, — слова вылетели в ночной воздух, и в ответ он

обнажил мою грудь, подняв блузку.

— Я этого и не прошу, — сказал он, прикусив губу с болезненным удовольствием, пока смотрел на мое тело. Его глаза говорили, что хотят меня, а губы произнесли. — Я прошу у тебя неуправляемого, дикого секса. Чтобы его хватило на всю жизнь.

Можно отказаться от такого? Как? Он превратился в мистера Дарси, и я всегда хотела быть Джейн Остин. И я собиралась сделать это. Я собиралась привести Флетчера Ганна в свою квартиру, чтобы он показал мне незабываемую ночь, а потом я буду снова ненавидеть его. Таким был план, пока я не услышала колокольчик двери «Веселых духов», голос мамы за углом и низкий мужской голос, который я узнала бы всюду. Лео.

— Черт! — выдохнула в панике я, опустила блузку и отскочила от Флетча. — Черт.

Он провел руками по волосам, глядя на меня, он тяжело дышал. И по его глазам я видела, что он понимает, что наша ночь грязного секса превратилась в дым.

— Тихо, — я прижала палец к своим губам. Я не знала, кто из мамы и Лео ненавидел Флетча больше, и я не хотела, чтобы они нашли меня разгоряченной с ним в переулке. Он закатил глаза, словно я глупая, а я поняла, что он тоже не хотел бы попасться со мной в таком виде. Мне обижаться? Я не могла, потому что не могла отрицать, что между нами с Флетчем была странная взрывная химия, это лучше оставить в секрете. Я вышла из транса похоти, которым он окутал меня, и это было хорошо. Мне нужно было лишь, чтобы он ушел незаметно из переулка.

— Я поговорю с Мелоди, — сказала мама. — Уверена, она поможет, когда узнает.

Что ему нужно? И что он делал на ужине мамы? Грудь горела от вопросов, я прижалась к холодной кирпичной стене. Флетч тоже, и мы стояли рядом в тених и слушали, как мама прощается с Лео.

— Не пропадай надолго, — почти промурлыкала она. Я понимала по ее девичьему смешку, что она выпила пару бокалов шампанского бабушки, чтобы расслабиться, и она явно унаследовала податливость алкоголю от своего отца, а не матери.

— Может, мне стоит заглянуть домой к Мелоди? — спросил Лео, я скривилась от ужаса, от чего я точно напоминала персонажа из «Уоллеса и Громита». Я не дышала, смотрела в темноту в конце переулка.

— Мы бы ее услышали, уверена, — бодро сказала мама. — Я передам все ей.

Он пожелал спокойной ночи, и я послушала, как его шаги удаляются. Моя ладонь лежала поверх колотящегося сердца, чтобы поймать его, если оно выпрыгнет из груди. Колокольчик на двери звякнул, и я шумно выдохнула.

— Я не думал, что можно ненавидеть Лео Дарка сильнее, чем я уже ненавидел, — голос Флетча в темном переулке был пустым. — Я ошибался.

Глава восемнадцатая:

— И как прошел ужин? — я была на кухне мамы и изображала невинного адвоката дьявола, если такое могло быть. Лучи солнца проникали в открытое окно перед ней, озаряя ее тонкие серебристые волосы, словно она была ангелом, что точно правдой не было. Какая мама пригласит на ужин бывшего парня дочери, не сказав заранее? Она была навязчивой, и я это терпеть не хотела.

— Паэлья пользовалась успехом, — сказала она, поставив на стол передо мной большую тарелку с яичницей и беконом. — А как твоё свидание?

Я размышляла, как ответить. «Я соврала, чтобы не идти на твой ужин». Это она мне не простит. «У меня было незапланированное горячее свидание с Флетчером Ганном». Она бросит в меня завтраком.

— Он не пришел, — сказала я сухо.

— Что? — о, она изображала злость, но злилась она на воображаемого сицилийского парня, а не на меня, так что я победила.

Я пожала плечами, взяла нож и вилку.

— Но фильм я посмотрела. Было неплохо.

А попаду в ад.

— Но тебе стоило прийти, — возмутилась она, махая в мою сторону лопаткой. — Ты прекрасно знала, что у меня было бы место.

Я хотела выпалить: «Какое место? Рядом с Лео?», — но лишь жевала бекон и пыталась сделать вид «почему я не подумала об этом».

— Ага, стоило. Так было весело?

Она нахмурилась.

— Да. Случилось нечто забавное... — она замолчала и скривила губы, так она делала, когда не знала, как что-то сказать. — Перед тем, как мы сели, появился неожиданный гость.

— Да? — я сделала большие глаза и перестала жевать, как диснеевская принцесса перед важными новостями.

— Лео объявился.

— Лео? Лео Дарк? — спросила я.

Она кивнула.

— Надеялся увидеть тебя, но остался на ужин.

— И ты его не приглашала, он случай пришел, когда ты подавала паэлью? — я не знала, верить ей или нет. Она звучала убедительно, выглядела убедительно, но я сама ей врала, так что мешало ей?

— У меня же было пустое место, он его заполнил. Проблем не было, но, Мелоди, тебе стоит с ним поговорить.

Я нахмурилась и тихо фыркнула.

— Разве пару дней назад он не был для тебя плохим за то, что бросил меня?

Она выглядела раненой, села за стол напротив меня.

— Конечно, был. И есть, — подчеркнула она. — Но он взял на себя много ответственности с этим телевидением и девочками.

Я наострила уши.

— С близняшками?

Она кивнула.

— Ты знала, что он оплачивает их проживание здесь, их еду, все.

Я размышляла над этим секунду.

— Да, но ты знаешь, что они основали его фан-клуб?

Она кивнула.

— Он сказал, что они переключились на Лео после того, как Финбар Ханимен наложил на них запрет. Щекотливая ситуация, как я поняла.

— Погоди, — я нахмурилась, растерявшись. Финбар Ханимен исполнял похожую на нашу работу в районе Шотландии, и я сталкивалась с ним на мероприятиях. Он был еще эгоистичнее Лео.

— Ники и Вики были Ханیمانками до того, как стали Дарканутыми? — это было самое странное предложение, что я когда-либо говорила. Лео и Финбар Ханімен были соперниками в Твиттере и жизни, так что было весело слышать, что они переключились с одного на другого. О, постойте...

— Финбар Ханімен наложил на них запрет?

Мама склонилась ко мне, словно делилась секретом.

— Они были одержимы им, угрожали всем, кто смел сказать про него что-то плохое. Угрозы в Твиттере, в Фейсбуке, и похожее. Вовлекли полицию, и им запретили приближаться к Финбару. И они перешли к Лео.

— Ладно, — медленно сказала я, вспоминая случай с подвалом. Может, не стоило так быстро их прощать. — И теперь он платит за них, как за личных помощниц?

— Между нами, Мелоди, не думаю, что у него есть выбор. Когда об этом стало известно, они уже были здесь и управляли его... Даркинутыми?

— Дарканутые.

— Они пришли к его порогу с чемоданами и представились его поклонницами. Он не знал ничего о проблеме с Финбаром, а они успели забросить ножки на стол.

Я не сказала маме, что они были и на моем пороге в слезах, но я начинала понимать, как они работают, я видела их теперь в новом свете. Звучало так, словно Лео связался с парой навязчивых фанаток, от которых теперь не знал, как избавиться. И ему явно льстило внимание к нему, но он и боялся, что они обезумеют и начнут ломать ему ноги молотком, если он выгонит их.

— Мелоди, милая, — мама сидела с чашкой чая в руке, она перекинула длинные серебристые волосы за плечо, пока смотрела на меня. — Мне не нравится это говорить, но, думаю, Лео приходил, чтобы предупредить, чтобы ты опасалась их.

* * *

— Твою мать! — Марина вскочила, когда я в понедельник все рассказала за кофе. — Опасалась? Ты не говорила маме, что они уже сделали первый ход?

Я покачала головой.

— Мама думает, что нам лучше работать с Лео на Бримсдейл Роуд.

— И дать им забрать всю славу, чтобы чокнутые тебя не тронули? А следующие дела?

Гленда Джексон сидела в кресле, я покачала головой, чтобы она не записала этот комментарий в книгу.

— Она просто беспокоится за меня. Вы понимаете.

— Не стоит. У тебя есть я, — Марина могла быть опасной.

— И я, — сказал Арти, сидящий рядом со мной на диванчике с полным ртом печенья с инжиром Нонны Малонэ. Я посмотрела на банку, размышляя, смогу ли приберечь остаток печений в глазури, но тут с ужасом увидела, как голова Лестата появилась над краем стола, он потянулся к банке.

— Нет! — крикнула я и бросилась к нему, но было поздно. На его мордочке уже была глазурь, он пускал слюни на прекрасное угощение. Я могла выдержать его храп, утреннее пробуждение, но он перегнул палку. — Я возвращаю его, — прорычала я. — Запиши, Гленда! Лестат возвращается в приют, потому что портит мне жизнь!

Пес замер и задумчиво посмотрел на меня, пока я кричала, а потом продолжил жевать. Все смотрели на меня, и Гленда не пыталась записывать приговор Лестата. Она мне не поверила. Я хотела заговорить, но тут случилось что-то ужасное. Мои глаза наполнились

огромными слезами, что потекли по моим щекам. Этого я не ожидала, это было как внезапная кровь из носа, которой нельзя управлять.

— О, нет, — Марина тут же сбегала за салфеткой и обвила рукой мои плечи. — Дело ведь не только в том, что Лестат ест печенье? Если в этом, то бабушка сделает еще.

Я моргала, прогоняя слезы, чувствуя себя ужасно глупо.

— Я в порядке, — всхлипывала я. — Дело не только в печенье, но и во многом. Дневник Агнес Скарборо был таким ужасным и печальным, и я не рассчитывала нажать себе врагов-близняшек, когда я начинала это, и я не знаю, как разобраться с этим делом, и я чуть не получила разрушительный секс с Флетчером Ганном вечером субботы, и теперь еще и Лестат съел все печенье, а оно было у меня любимым.

Все смотрели на меня, раскрыв рты.

— Это не записывай, Гленда, — сказала Марина.

— Особенно, о Флетчере Ганне, — сказала я, жалея, что не скрыла это. — И маме с папой не рассказывай. Ты знаешь, как они его ненавидят.

Бедная Гленда. Она оказалась между Биттерсвитов, помогая с делами.

— О, не расскажу, — убедила она меня. — Но, Мелоди, по своему опыту скажу, что разрушительный секс может еще произойти. Флетчер Ганн ужасно красив.

Я посмотрела на нее огромными глазами, этого я от нее не ожидала. Арти смущенно напевал гимн. Его лицо было красным, как вареная свекла.

— Думаю, стоит выгулять Лестата, — сказал он, забрал недовольного пса от коробки с печеньем и пошел к двери.

Гленда открыла выдвижной ящик стола и протянула мне шоколадку «Турецкое наслаждение» от «Cadbury». Этот момент был особенным, она всегда держала при себе запас такого шоколада, но я редко видела, чтобы его ели. Я не знала о личной жизни Гленды, но могла догадываться, раз пропущенный невероятный секс она посчитала ситуацией, достойной шоколада.

* * *

После обеда мы с Мариной и Арти сели в Булочку и поехали в сторону Бримсдейл Роуд.

— Возьми мой волшебный шар, Арти, — сказала я, и он умело ударил бардачок.

— А какой вопрос? — спросила Марина, появившись между нами. — Если про обжимания с Флетчером Ганном, то я и без шара скажу тебе нет. На то я и здесь.

Она была против отношений с Флетчем, потому что это могло снова разбить мне сердце.

— Нет, — сказала я. — Мне нужно знать, стоит ли делиться с Лео.

— Убери шар, Арти, — проворчала она. — Тебе не нужно помогать Лео выбирать из ямы, куда он завел себя с психо-барби. Я их не боюсь, и тебе не стоит.

— Но я боюсь их. Такие, как они, могут есть детей на завтрак, — отметил Арти, получив за это тычок в ребра. Я могла лишь кивнуть, ведь мы понимали теперь, что их безобидный внешний вид был обманом.

— Предупрежден — значит вооружен, — не сдавалась Марина. — Теперь мы о них знаем. А соперники есть в любом деле, Мелоди. Просто твои превратили себя в женшин-роботов из «Остина Пауэрса».

* * *

Дуглас ждал нас на кухне, когда мы вошли.

— Ты вернулась, — он вел себя не так беспечно, как обычно. — Я сомневался после

того, как Исаак решил повести себя как полтергейст.

— Дуглас не знал, вернемся ли мы после поведения Исаака на выходных, — сказала я Марине и Арти.

— Повезло вам, что мы пришли, — сказала Марина. — Нам нужно поговорить с Исааком.

Я посмотрела на нее. Она не видела Дугласа, иначе вела бы себя не так ворчливо.

— Помнится, до этого с призраками говорила я?

Она вскинула плечо.

— Просто сказала.

Я посмотрела на Дугласа.

— Как он?

Он взглянул на высокий потолок кухни.

— Заперся на чердаке и не спускается.

Ладно. Гора не спускается, тогда поднимется Магомет.

— Там крикет, — сказал Дуглас. — Посмотрите со мной?

Я ощутила укол симпатии к нему, хотелось просто сесть с ним и смотреть игру, ведь он оставался парнем, что хотел смотреть спорт и с кем-то смеяться. Я не могла остаться с ним, но знала парочку, что могла.

Я передала просьбу Арти и Марине, мне было полезно, чтобы они были заняты вместе. Я хотела поискать Исаака одна, и я хотела знать, что они вместе внизу. Этот дом казался безопасным в начале, но после случая с подвалом, где показал себя Ллойд, я еще оказалась в торнадо из книг. О, я надеялась, что Исаак успокоился. До субботы он казался самым мирным из братьев Скарборо, я надеялась, что он пришел в себя. Был лишь один способ узнать.

Я постучала в дверь чердака. Я не знала, зачем, потому что он не мог бы помешать мне войти, но все же я хотела дать ему возможность отказаться.

Он не ответил. Я тихонько приоткрыла дверь и пошла внутрь. Как и ожидалось, он был в кресле, в руке был открыт один триллеров, что я принесла.

— Пришла поговорить про Чарльза, — сказал он, не глядя на меня.

— Да.

Он отложил книгу, медленно закрыв ее, а потом скрестил руки на коленях, глядя на них. Он не говорил какое-то время, и я не торопила его, потому что он явно готовил себя к разговору о важном.

— Мне нечего тебе сказать.

Правда? После почти двух минут полной тишины я ожидала чего-то большего. За две минуты я могла бы придумать что-то, включив шоколадные эклеры и Человека-паука, а Исаак ничего? Я собиралась задать ему конкретный вопрос.

— Чарльз был вашим сыном?

Он поднял голову.

— Откуда ты узнала о нем?

— Мы нашли стопку дневников вашей матери в подвале. Она записала его имя и дату рождения, а рядом — «мой первый внук». И больше она ничего о нем, вроде, не писала.

Он снова молчал, а я ждала.

— Тогда ты знаешь столько же, сколько и я, — сказал он. — Я никогда не видел Чарльза.

— Нет, не столько же, — медленно сказала я. — Исаак, кем была мама Чарльза?

Исаак улыбнулся.

— Цилла, — одно слово было переполнено любовью. — Ее звали Присцилла, она была самой красивой девушкой в мире.

Мое сердце учащенно билось из-за Присциллы, потому что у Исаака был такой же вид, как у мамы, когда она говорила о моем отце, и у бабушки, когда она вспоминала дедушку. Вид, полный любви, и я скрестила пальцы, опустившись на пыльное кресло напротив него, надеясь, что он расскажет хоть что-то, что поможет мне раскрыть секреты дома Скарборо.

Глава девятнадцатая:

Исаак вернул меня в осень 1910, к смерти Дугласа. Его выгнали из семьи, он отправился в Мидлендс без планов на жизнь, а потом нашел работу грузчиком в порту в Хале. Там он вызвался добровольцем в армию при Первой Мировой войне, а потом со многими ранеными оказался в военно-морском госпитале.

— Присцилла была одной из медсестер, — сказал он и печально улыбнулся, произнося ее имя. Он рассказал мне, как она ухаживала за его сломанной ногой и разбитым плечом, как она всегда находила время, чтобы прочитать ему газету в конце своей смены каждый день. — Я знал, — сказал Исаак, качая головой от воспоминаний. — Я знал, что она моя единственная. Как только я открывал глаза, она уже была рядом. Она была ангелом.

Он становился сильнее, и они сближались, и потом обручились. Но дата свадьбы приближалась, а он никак не мог рассказать ей о своей семье, о том, что его обвинили в убийстве. Он хотел рассказать ей, но за месяц до свадьбы она забеременела, и он понял, что ситуация безнадежна.

— Я был эгоистом, Мелоди. Я притворился, что у меня может быть нормальная жизнь, но разве мужчина может так поступить с женщиной, которую любит?

Он слишком поздно понял, что свадьбой приговорит Присциллу к жизни жены подозреваемого в убийстве, и их ребенок будет жить в такой же тьме. Это не давало бы им жить нормально, от них все могли отвернуться.

— Она могла подумать, что я не любил ее так сильно, — прошептал Исаак так тихо и с болью, что я едва его услышала. — Но это не так. Я ушел, потому что любил ее слишком сильно, чтобы обречь на такое.

* * *

— Присцилла Элизабет Хенсон, — я сотый раз назвала имя матери Чарльза, когда мы вернулись в офис. — Мы знаем лишь, что она была медсестрой в Халле при Первой Мировой войны, и она родила Чарльза Фредерика, наверное, Хенсона 22 июня 1920.

— Моя мама любит такое, — сообщил Арти. — Она смогла отследить родословную моего дедушки до 1300-х, как-то так. И теперь это у нас на стене в прихожей.

Мы с Мариной медленно подняли головы. Мы не знали, с чего начать, но тут, как оказалось, мог помочь Арти.

— Мой очень-очень-очень далекий дядя Катберт умер от чумы, — мрачно сообщил он. — Потому что мама позволяет мне скормить Пандоре крыс.

Я поежилась.

— Пандора — это питон?

Он кивнул.

— Папа назвал ее в честь Пандоры из книг Адриана Моула, он любил ее.

Я знала, что порой нужно просто кивнуть. Это был тот случай. Я посмотрела на часы и закрыла ноутбук.

— Уже пять, народ. Арти, как думаешь, твоя мама сможет поискать что-нибудь? Судя по твоим словам, она знает, где можно искать.

Он радостно кивнул.

— Мама любит играть в сыщика.

За ними громко хлопнула дверь, и мы остались с Лестатом наедине.

— И снова мы с тобой, — сказала я ему, он исчез за диваном. Когда он вернулся, он принес одно из печений с инжиром. Я бросила в него недовольно карандаш, но он устроился удобнее, чтобы съесть печенье. Он точно издевался.

Я не любила напиваться, но мне хотелось бренди перед сном. Почти все в жизни перевернулось с ног на голову, и я надеялась, что бренди успокоит мои мысли, чтобы я смогла отдохнуть. А потом пришли сны, полные солдат и супергероев, факты путались с выдумкой. Я не помнила деталей, но проснулась с мокрыми щеками, и я не могла ничего поделать с тем, что Лестат лижет мое лицо, потому что ему нужно на улицу.

* * *

— Начнем вторник с хорошего, — сказала я, повернувшись, и указала на Арти. Он был у холодильника и застыл с бутылкой молока в руке. — Арти, поведай хорошие новости с поиска.

Я смотрела утренний повтор «Ученика» и вела себя очень решительно. Я не собиралась никого увольнять, но я была начальницей. Это агентство основала я, и я не собиралась дрожать и отдавать славу Лео Дарку.

Арти с ужасом застыл и нервно почесал шею.

— Эм, ей нужно было вечером уйти, — сказал он. — Но она сделает это сегодня. Может, уже делает, — уверенно продолжил он, дрожь в его голосе заставила меня подумать, что я властным поведением я перегнула. Я не хотела пугать его, а его маме я даже не платила.

— Это уже хорошо, Арти, — сказала я. — Молодец, — он расслабился и налил молоко в напиток, что только что сделал. — Марина? — я повернулась к ней, в ее глазах страха не было. Я не удивилась, Марина не боялась ничего, в отличие от меня.

— Мелоди, — она вскинула брови, а потом потянулась к сумке и достала банку с печеньем. — Я попросила Нонну сделать еще печенья с инжиром.

Ох, она знала, как на мне играть. Я сглотнула, когда она подняла крышку и показала двойной слой печенья в сахарной пудре. Лестат пошел к Марине. Я схватила его за шкурку, но он выскользнул. Хотя ему не повезло, Марина тут же закрыла крышку и пригрозила ему пальцем, пока он не опустился у ее ног.

— Не в этот раз, песик.

Я кивнула Марине, а потом схватила ручку и постучала ручкой по столу, собираясь подытожить прогресс.

— Итак, что у нас есть? В субботу Скарборо дал мне всего неделю на решение проблемы. Уже вторник, у меня осталось максимум пять дней. Я думаю, что братья застряли в доме из-за загадки убийства. Дуглас не виноват, один из братьев вонзил нож в его спину. Эта причина логична, — Марина и Арти смотрели на меня, ловя каждое слово. — Причину по которой там Исаак, я тоже вижу. Он хочет вернуть себе чистое имя. Это логичное

желание, — их кивки меня воодушевили. — А вот Ллойд... с ним сложнее. Он ходит по дому в шелковом халате, задрав нос, смотрит на всех так, словно тут он точно оказаться не планировал.

Я подозревала, что Ллойд играл важную роль, и если бы он хотел уйти, он мог признаться, что убил Дугласа, и они разошлись бы. Так что все было странно.

— Так что я предлагаю найти нож, которым ударили Дугласа. Подозреваю, что он еще где-то в доме, и нам нужно найти его и надеяться, что место, где мы его найдем, как то заставит ряд из домино падать.

Марина весело рассмеялась.

— До домино я еще понимала.

— Перегнула?

— Не нужно изображать Агату Кристи, чтобы впечатлить нас, — сказала она и пальцами скользнула в банку с печеньем, чтобы дать его мне, но не привлечь внимание Лестата. — Потому что мне кажется, что ты прекрасно справляешься, оставаясь собой.

Я взяла печенье и попробовала его, радуясь, что я знаю Марину Малонэ.

* * *

Люди могли говорить о Булочке все, что хотят, но она была в моей команде. Иначе она ржавела бы во дворе или использовалась стариком, который редко выезжал бы на ней, а тут она трудилась каждый день для девочек (и парня). Мы ехали в ней, трясясь, пристегнутые, двигаясь к Бримсдейл Роуд, и хотя трясло нас ужасно, я не сомневалась, что мы доберемся до нужного места, как к дому Скарборо, так и к самим Скарборо.

Марина сидела рядом со мной и разглядывала список мест, что составил для меня Исаак.

— Один подвал обыскивать неделю, — отметила она, грызя ноготь и хмурясь.

— Предлагаю оставить подвал напоследок, — я не была пугливой, но возвращаться туда не хотелось.

Марина кивнула и пробормотала отвлеченно: «Без возражений», и потом сложила листок и на автомате спрятала в лифчик к телефону.

— Мама сказала, что позвонит, если найдет что-то интересное о Чарльзе, — сказал Арти. — Хотя она ушла утром, ей нужно петь в доме престарелых за углом по вторникам.

Я думала над этим. Мы с Мариной были из больших семей, которые всегда боролись за место под солнцем. Семья Арти, похоже, была тихой и скромной, небольшой, но все в ней заботились друг о друге и о других людях, не кичась этим.

— Все тихо, — сказала Марина, глядя на дом Скарборо десять минут спустя.

— Это уже хорошо, — я забрала все, что нужно было взять внутрь. Черные пакеты, вдруг мы намусорим, молоток и долото на всякий случай, а еще верные перчатки.

Арти следил за тем, как я собираюсь.

— Ты понимаешь, что у тебя набор классического убийцы?

— Надеюсь, ты взяла большие мешки для мусора, — мрачно сказала Марина, мы пошли к задней двери дома, чтобы попасть в него.

Глава двадцатая:

Ллойд напряженно сидел за столом на кухне, когда мы вошли, и он быстро положил сверху газету, чтобы скрыто факт, что он писал в девчачьем дневнике. Мы не отреагировали

на это, Марина и Арти говорили и не заметили его, а я видела выражение лица Ллойда, которое не было доброжелательным.

— Доброе утро, Ллойд, — сказала я скорее для остальных, а не для Ллойда Скарборо.

— Исаак сказал, что ты нашла дневники нашей матери.

Я опустила свой набор убийцы на стол и медленно кивнула.

— Мы нашли.

— Я хочу их. Это не ваши вещи, не вам выносить их из дома.

Он был, конечно, прав, но и ему они не принадлежали.

— Дневники нынче принадлежат Доновану Скарборо, а он меня нанял, так что он не против.

Ллойд фыркнул.

— Не хочу плохо говорить о мертвых, но мама у нас была странной. На ее слова полагаться не стоит. Тебе же не говорили, что она убила себя, да?

Я была потрясена. Агнес убила себя? Бедная женщина.

— Когда? — прошептала я.

— На Рождество в 1922, — он посмотрел на потолок. — Моя жена старалась и готовила ужин на четверых, она могла хотя бы сделать это после. Она всегда драматизировала.

Я могла спросить его, не унаследовал ли он это, но удержалась.

— Я верну дневники, когда закончу с ними.

Ллойд уставился на меня, я смело выдержала его взгляд. Честно говоря, я не любила спорить со старшими, даже если этот старший умер в 1971.

— Я бы хотела увидеть Исаака, — я старалась говорить вежливо. Я видела, что Ллойд хочет запретить мне, но как он мог? И где Исаак? В магазине? В больнице? Тусуется на Ибице? Нет. Исаак Скарборо был здесь, и мне нужно было его найти. — Все выше? — спросила я, понимая, что Исаак, скорее всего, на чердаке. — Тогда начнем искать сверху.

— Что искать? — спросил Ллойд, стуча по столу пальцами так громко и нетерпеливо, что я не понимала, как Марина и Арти не слышали это.

— Орудие убийства, — сказала я и смотрела на него. На миг я заметила вспышку гнева в его глазах, а потом он резко исчез. Так призраки уходили с важным видом.

* * *

Исаак ждал нас в кресле, когда мы поднялись на чердак.

— Без собаки сегодня?

— Мы оставили его с бабушкой.

— Судя по тому, что я помню о твоей бабушке, вечер его ждет веселый, — сказал Исаак. Он, видимо, был прав. Бабушка говорила, что хотела взять Лестата наверх, показать его дедушке, ведь тот любил собак. — Вижу, ты готова ко всему, — Исаак посмотрел на молоток и долото в руках Арти.

— Мы хотели начать обыск, — улыбнулась решительно я. — Можно начать отсюда?

Исаак кивнул.

— Я пытался искать сам, но коробки закрыты плотно, и я не смог их открыть, — он протянул старые дрожащие руки, словно слабость оскорбляла его.

— Даже в гневе?

Он был уязвлен.

— Я бы в тебя книгу не бросил.

— Не думаю, что стоило бросать их вообще, — сказала я, вспоминая ужас на лицах

потенциальных покупателей, а еще порез над глазом Лео.

Марина шагнула вперед и дала нам с Арти перчатки.

— Надевайте перчатки, народ. Нам лучше не оставлять следов.

— Спасибо, Малдер. Хотя убийство прошло сто лет назад, вряд ли мы что-то испортим, — сказала я, но сунула пальцы в перчатки. Если боги удачи улыбнутся нам, мы найдем оружие убийства, и я хотела, чтобы оно пригодилось. Исаак говорил, что у семьи брала отпечатки для расследования, и полиция могла найти их на ноже, если он был не тронут.

Марина и Арти начали обыск, а я повернулась к Исааку.

— А вы можете рассказать, кто жил в доме после 1910.

Он нахмурился, размышляя.

— Точно мои родители, а потом мама осталась одна, ведь отец умер в 1918. Ллойд женился на Мод, они жили со своим сыном отдельно, а сюда въехали, когда мама умерла, — он покачал головой и шумно выдохнул. — Думаю, он был рад стать лордом поместья. Он всегда думал о себе выше, чем был, — он недовольно смотрел вперед.

Я делала заметки, чтобы ничего не забыть.

— У них были дети?

Исаак покачал головой.

— Только один.

— А у вас? — мягко спросила я. — У вас были дети после Чарльза?

Он помрачнел и покачал головой. Я ожидала это, но нужно было проверить. Я подумала о том, что он говорил до этого.

— Значит, Ллойд и его жена провели тут остаток жизни?

— Он был вдовцом, когда я вернулся сюда вот так в 1968, — он указал на свое призрачное тело. — Дуглас уже был здесь, конечно, и мы ждали Ллойда, и он умер в гостиной в 1971.

Я вспомнила первый разговор с братьями о смерти Ллойда. Он был почти три недели назад, а казалось, что мы заняты этим намного дольше.

— После этого здесь жил сын Ллойда с женой и их сын Донован, — мы подумали немного о Доноване. — Остальное ты знаешь.

Я дописала и закрыла блокнот.

— Спасибо, Исаак. Знаю, это непросто, но это могло помочь.

— Надеюсь, — вздохнул он, а потом прижался головой к спинке кресла и закрыл глаза. — Мне надоело. Я слишком долго на этой земле, Мелоди. Пора уходить.

* * *

Марина убрала челку с глаз пару часов спустя, вытирая пыль со лба при этом. Мы еще не закончили с чердаком, работа была тяжелой и бесплодной.

— Ничего. Книги, картины, одежда, столько барахла... без обид, — добавила она, посмотрев на кресло Исаака, но он не открывал глаза. Он вдруг сдался, и это показывало, что и призраки могут доходить до конца существования, как и живые.

— Я искал поднимающиеся половицы, проверил стены и ящики, — сказал Арти, появляясь из-за одной из поддерживающих балок с долотом в заднем кармане. — Чисто.

Мы провели все утро на чердаке, лазая на четвереньках, но ничего не получили.

— Думаю, чердак можно вычеркнуть из списка, — сказала я, кивая Марине.

Она растерялась.

— У меня нет списка.

— Ты положила его к своему телефону, — сказал Арти, кивнув на ее грудь. Мы посмотрели на него. — Что? — пожал плечами он. — Вы же хотели, чтобы я все замечал?

Марина вытащила листок и развернула его, а потом посмотрела на него.

— А ручка? Или ты не заметил?

— На столе у кресла Исаака, — парировал он и передал ей ручку, чуть поклонившись.

Она ровной линией вычеркнула чердак, а потом спрятала список обратно, Арти успел отвести взгляд.

Мы спустились с чердака к вершине широкой лестницы и отправились к спальне.

— Пять спален, — сказала я, считая двери. — Начнем с ближайшей и пойдем дальше.

— Мы как подразделение SWAT, все зачищаем, — сказал Арти. — Все проверяем.

Я вытащила блокнот из кармана и озвучила им родословную.

— Есть проблема. Дом видел три поколения после смерти Дугласа. Место могли изменить пять раз после того, как оружие спрятали, если его вообще прятали. Значит, его могли спрятать так хорошо, что никто не увидел.

— Или кто-то нашел его и уже избавился, — сказала Марина, прислонившись к стене у двери одной из спален, пока она разворачивала серебряную упаковку жвачки.

— Или его кто-то перепрятал, — предположил Арти.

— Сплошные но и может, да? — было неприятно знать, что мы могла ничего не найти, но что-то подсказывало мне продолжать. Инстинкт был моим основным умением, я знала, что его нельзя игнорировать. А когда я пыталась это делать, случалось что-то неожиданное, как Лестат.

Я росла Биттерсвит, я привыкла полагаться на умения, отличные от навыков других девушек. Я не жила, слушаясь Фейсбука или журналов, я выработала свой стиль, оглядываясь на моду. Я никогда не была популярной, это меня не беспокоило, потому что мне нужны были лишь черный лак. Марина и мои инстинкты. Я становилась старше, добавились сладости и супергерои, а еще конверсы, но инстинкт был частью моего наследия Биттерсвит дольше, чем моя красная помада. Инстинкт был важной частью моего выживания, и он говорил мне, что в стенах этого дома еще есть секреты.

Я хотела предложить устроиться в Булочке и пообедать, когда зазвенел телефон Арти в его кармане.

— Тема из «Индианы Джонса»? — сказала я, узнав тут же мелодию.

— Я вчера поменял, — сказал он, глядя на экран. Меня его выбор порадовал, я надеялась, что он отражал факт, что Арти нашел приключения в жизни, став частью агентства. — Это мама, — просиял он и включил громкую связь, чтобы мы слышали новости.

— Малыш Арт, — заговорила она. — Ты меня слышишь, сарделька?

— Да, мам, — сказал он и издал смешок, потому что ее голос эхом разносился, отражаясь от высокого потолка. — Ты говоришь по громкой связи, так что тебя все слышат.

— О, ясно! — она вдруг зазвучала застенчиво. — Я еще так не говорила. Мне даже петть захотелось!

— Не стоит, мам, — быстро сказал он, она не успела даже вдохнуть. — Ты что-то нашла?

— Арти, ты меня знаешь. Я ищайка, сыщик, называй, как хочешь, — он кивал. Ее игра придавала ей очарования, а он явно привык к этому, потому что терпеливо ждал. — Ты дал

мне запах. И я, как терьер, копала, копала, пока не нашла кость.

И все же я хотела бы, чтобы она перешла к делу, мы никуда не успевали, и я хотела есть.

— Она нашла кость? — прошипела Марина.

— Ты нашла кость, мам?

Я не знала, ходила ли его мама на курсы актерского мастерства, или она такой родилась, но она сделала паузу в стиле Дермота О'лири, когда он сообщал победителя «Х-фактора». Я почти слышала барабанную дробь, пока мы смотрели на телефон Арти.

— Нашла ли я кость? — выдохнула она. — Нашла! — ее голос дрожал от радости. —

Чарльз Фредерик Скарборо Хенсон, родился в госпитале в Халле у Присциллы Элизабет Хенсон 22 июня 1920. Отец неизвестен.

— Неизвестен? — сказала я. Остальное я знала, но это было удивительным.

— О, ей пришлось это написать, милая, ведь она не была замужем, и его там не было, — сообщила миссис Элиотт. — Но она дала ребенку фамилию и Скарборо, значит, отца она все же хотела включить.

— Верно, — сказала я громче, чтобы она меня слышала. — Это отлично, спасибо, миссис Элиотт.

— О, я еще не закончила, милая, — рассмеялась она. — Есть и еще, если у вас есть время?

Я надеялась, что она это скажет.

— Продолжайте, — попросила я, мы с Мариной приблизились к Арти, чтобы ничего не упустить.

— Чарльз вырос, женился на любимой Эванджелине перед Второй Мировой войной. Она была беременна, когда он ушел, и он, к сожалению, домой не вернулся. Он умер, служа в британской армии, а Эванджелина осталась растить их сына, Ричарда Чарльза Скарборса Хенсона.

В глазах Марины уже были слезы, я тоже была близка к этому. История этой семьи была запутанной и поразительной, и я знала Исаака уже довольно хорошо, чтобы понимать, что для него это будет ударом. Он оставил Присциллу и Чарльза, чтобы на них не было клейма семьи убийцы, но Чарльз прожил недолго, и Присцилла сама несла горе от потери ребенка.

— Вы еще там? — спросила мама Арти, и он уточнил, хочет ли она рассказать что-то еще. — Хочу, — сказала она. — Ричард Скарборо Хенсон еще жив, он живет в Халле с дочерью Джоджо.

Я обдумывала все это.

— И у Исаака есть внук Ричард, который еще жив, и он в Халле?

— Да, милая, ты все поняла! — мне нравилась миссис Элиотт. Она звучала так, словно носила фартук и пекла пирожки, хотя я знала от Арти, что она скармливала крыс Пандоре и пела старикам.

— Ого, — сказала я, когда Арти закончил разговор. — Мне нужно рассказать все Исааку, потому что если он не убивал Дугласа...

— И если это был Ллойд... — добавила Марина, угадав мои мысли.

— То Ллойд не получил бы этот дом, — сказала я. — Если бы его признали виновным, его бы могли за это повесить.

— И это значит, что его сын не родился бы, как и его внук и...

— Донована Скарборо не было бы, — выдохнул Арти, заканчивая теорию за нас. Мы молчали и думали над тем, что это значит.

— Какая несправедливость, — сказала я. — Исаак не только потерял семью и дом, но и его дети и внуки потеряли шанс унаследовать это место.

Казалось, в моей голове медленно крутится бензопила. Я понимала теперь, почему горе Исаака было так велико, что удержало тут не только его, но и Ллойда. Столько вопросов, и только один способ найти ответ.

— Нам нужно найти нож, которым убили Дугласа, — сказала я с решимостью. — Если мы сможем доказать, кто убил Дугласа, а потом, может, сможем все исправить.

— Как? — растерялась Марина.

Арти обдумывал факты.

— Думаешь, дом не в тех руках?

Я пожала плечами.

— Не знаю тонкостей закона, но знаю, что братья Скарборо упокоятся, если все это будет исправлено. Потому мы здесь, так что сосредоточимся на этом, — я жевала ноготь указательного пальца, повреждая алый лак. — Кто знает? Может, это значит, что внук Исаака — законный владелец дома, или сможет получить хотя бы половину.

— Мелоди, — тонкий голос Исаака раздался позади меня с лестницы чердака.

— Мелоди Биттерсвит! — рявкнул второй голос снизу, и он был намного громче.

Я увидела Исаака, его лицо показывало, что он был тут достаточно долго, чтобы услышать много моих слов.

— Исаак, мне очень жаль, — сказала я, прижав ладонь к сердцу. — Я бы пришла к вам и все рассказала.

— Я пришел предупредить тебя, что они прибыли, — сказал он, я нахмурилась. Через миг я поняла, что он имел в виду, когда Донован Скарборо поднялся по ступенькам ко мне с Лео и его женщинами-роботами.

— Прочь! — вопил Скарборо. — Ключ, и прочь! Я нанял тебя очистить это место, а ты, судя по последним минутам, решила придумать, как опозорить мою семью и лишит меня дома! Кем вы вообще себя возомнили? Это не «Игры наследников»!

Он злился, его лицо было багровым, и он слышал наш разговор.

Близняшки за ним кивали во время его речи, и я заметила взгляд Лео, выражение его лица прочитать не удавалось. Не помогало и то, что следы от удара книгой он скрыл под слоем грима.

— Это любимая программа моей мамы, — сказал Арти невольно, так умел только он.

— Подбитый пацан, ты снова нанят, — рявкнул Скарборо. — А вы все — прочь!

Я уязвлено смотрела на Исаака.

— Прости, — прошептала я, он качал головой.

— Найди его, Мелоди. Найди Ричарда.

Я сглотнула, быстро посмотрела на Лео, потому что только он здесь мог услышать Исаака. Но он был безразличен.

Я посмотрела на Марину и Арти, покачала головой, прося их не спорить.

— Идемте, — сказала я. — Мы закончили. Нам пора уходить.

Я отдала Доновану ключ, мы прошли мимо него, Лео вскинул руки перед близняшками, словно защищая их от нас, пока мы шагали мимо. Я не знала, но, может, он делал так, чтобы они не попытались подставить нам изящную ножку.

Мы вышли из дома Скарборо, и я оглянулась на чердак. Как я и думала, Исаак стоял там, смотрел на нас. Он узнал столько того, что не слышал о сыне, о том, что его любимая

женщина больше не выходила замуж и не рожала. Я надеялась, что она не была несчастна всю жизнь. Это было ужасно печально, убийство Дугласа повлияло на столько жизней.

— Мы же не оставим все это? — спросил Арти, застегивая ремень безопасности.

— Конечно, нет, — сказала я.

Марина рассмеялась, пока мы уезжали, разрядив обстановку.

— Твоя мама назвала тебя сарделькой!

* * *

— Халл далеко отсюда, — сказал Арти, склонив голову, глядя на карту на экране.

Мы были в офисе, проводили вечер за тем, что узнали, записывали даты рождений, смерти, свадеб, возможные сценарии на доске, пока не пришли к неизбежному выводу. Нам нужно было ехать в Халл.

— Надеюсь, Ричард не хилый, — с тревогой сказала я. Не хотелось быть ответственной за смерть правнука Исаака. Я надеялась, что, когда мы расскажем все Ричарду и, может, его дочери, они согласятся приехать на Бримсдейл Роуд и встретить Исаака. Знаю. Знаю. Нам придется добратся до их порога на Булочке из другого конца страны, показать свои удостоверения охотников на призраков и рассказать им, что их родственник-призрак хочет срочно увидеть их, чтобы уйти, а еще есть хорошая новость, что они могли получить половину большого поместья, если мы найдем орудие убийства и докажем, что Ллойд убил Дугласа. Многовато, да? Но путь предстоял долгий, и мы успеем придумать, как донести это до них, судя по карте Арти, ехать туда больше трех часов.

— Нам нужно что-то взять с собой? — спросила я. — Кроме коробки со сладостями Нонны.

— Я попрошу маму распечатать родословную, чтобы мы показали им, — предложил Арти, и я кивнула. Это хорошо.

— Дневники Агнес? — предложила Марина. Мы прочитали почти все, но ничего полезного не нашли.

— Жаль, что нет фотографий или свидетельств о рождении, — я понимала, что физическое доказательство будет убедительнее, чтобы они поняли, что мы не шутим.

— О, мама уже все это нашла. Она любит все организовывать.

— Арти Элиотт, как нам повезло с тобой, — сказала я. Он пожал плечами, как уже делал, когда мы хвалили его. — Итак, — я закрыла колпачком маркер, Марина сунула банку с печеньем в сумку, чтобы пополнить запасы. — Тогда встречаемся в шесть утра и выедем до часа пик.

Арти встал и протянул Марине ее куртку. Они пошли прочь, и она подмигнула мне, а потом серьезно посмотрела на Арти.

— Эй, сарделька. Путь долгий и в замкнутом пространстве, так что никаких сэндвичей с яйцом, ясно?

Он расстроился на миг, а потом просиял.

— Но я могу взять маринованные корнишоны?

Они ушли, а я думала о своих делах на остаток вечера. Я могла пойти поесть с мамой и бабушкой, но они могли спросить, как там дело, а у меня не было сил рассказывать. А еще я была уверена, что мама может много рассказать мне о путешествии на Булочке по стране, а я не могла выдержать и это. Я могла пойти наверх, поесть наедине и лечь спать. План был логичным, потому что завтра будет долгий и необычный день. Если я буду выспавшейся, это поможет. Будет даже доехать сложно, но эта часть дня беспокоила меня меньше всего.

Есть ли у меня логика? Думаю, ответ вы уже знаете, мне бы хотелось такой быть. Но поступала я иначе. Потому, наверное, я и взяла перчатки и последний дневник Агнес Скарборо и начала читать.

Чертов Бэтмен. Простите за такое, но вырвалось. Агнес нашла оружие убийства.

Глава двадцать первая:

В ноябре 1922-го Агнес Скарборо нашла нож, которым убили ее младшего сына. Она нашла его случайно спрятанным в теле любимого плюшевого мишки Ллойда, а тот — на чердаке. Он недавно сам стал отцом, и она хотела найти его мишку, чтобы передать его ребенку. Находка ножа в крови в платке с монограммой Ллойда причина ей жуткую боль, она не могла смириться с мыслью, что обвинила в убийстве не того сына. Конечно, там нож мог спрятать Исаак, чтобы подставить брата, но стежки на мишке настораживали ее.

Ллойд был придирчивым, особенно, в одежде. Он даже подумывал стать портным в детстве, дошло до того, что друг семьи устроил его учиться к одному из лучших портных «Савил Роу». Он уехал в Лондон с самоуверенным видом, а вернулся из столицы через пару месяцев, потому что адское рукоделие ужасно отразилось на его пальцах, а это он вынести не мог, потому что собирался стать следующим английским драматургом. Он долго на месте ученика не удержался, потому не мог даже сшить себе штаны, но он умел чинить рубашки, штопать носки, как и смог бы зашить оружие убийства в плюшевой игрушке так аккуратно, чтобы это не замечали долгое время.

Через одиннадцать лет после убийства Дугласа Агнес Скарборо поняла, что ужасно ошиблась. Как она могла? Она потеряла след Исаака, а даже если бы нашла его, не смогла бы извиниться так, чтобы он простил ее. У нее остался только Ллойд, и малыш знаменовал новое начало для семьи после долгого времени боли. Он не был ее первым правнуком, но был первым правнуком, которого ей можно было видеть, любить. Ради него она решила выждать, скрыть и позволить старшему сыну праздновать Рождество с семьей, пока она решала его судьбу.

Дневник резко обрывался за пару дней до Рождества, мне показалось это странным, а потом меня словно ударили по животу, слова Ллойда Скарборо всплыли в голове.

Она убила себя на Рождество 1922.

Через два дня после последней записи в дневнике. Боже. Она спрятала мишку. А потом не сказала полиции правду, а лишила себя жизни от отчаяния.

Я закрыла последний дневник с ужасно тяжелым сердцем и написала Марине.

«Я знаю, где нож».

* * *

— Я шутил про корнишоны, — сказал Арти бодро ранним утром, складывая свои припасы в сумку-холодильник, которую принесла Марина. Она подошла к поездке как настоящая итальянка — сначала еда. И еды было столько, что в Халле можно было устроить пикник.

— Где Лестат? — она огляделась в поисках собаки.

— Я оставила его на кухне мамы с его лежанкой, миской и запиской, где сказала, что заберу его ночью. Я боялась просить их посидеть с ним заранее, они могли отказаться, и нам пришлось бы брать его с собой.

Я снова проверила рюкзак. Мама Арти помогла нам с доказательствами, он пришел

утром со стопкой свидетельств о рождении, распечатанными фотографиями и заметками из газет того времени. Я не успела осмотреть все, но я и на это не надеялась. Я могла лишь молиться, что правнук Исаака поверит.

— Это круто! — глаза Арти блестели, пока мы грузили вещи в Булочку, стараясь шумом не беспокоить соседей, а еще мою семью, пока мы не поехали в Халл. Арти был прав, мне было не по себе от волнения, но и от заманчивой перспективы, что мы сможем справиться. Много всего могло пойти не так, в плане было много дыр, больше, чем в лейке, но оставался шанс, что все получится исправить. Мы словно играли в кости, я надеялась, что в этот раз мы победим. Дом Скарборо. Я не хотела, чтобы его снесли ради денег, чтобы не осталось и следа. Я хотела увидеть, как дом снова становится шумным, и чтобы несчастная семья, что столько лет была там, смогла уйти отдыхать.

* * *

Мы были в дороге больше часа, и мы попали в утреннюю пробку. Невооруженным глазом казалось, что мы едем отдыхать или на мероприятие фанатов на нашем дряхлом грузовичке. Мы были в солнцезащитных очках, Булочка выделялась гавайской гирляндой, висящей на окне. Она тряслась и оставляла след выхлопов, но у нас была музыка 80-х на телефоне Арти, и солнце согревало салон и наши щеки.

Но внутри Булочки атмосфера беспечной не была, потому что я рассказала им о содержимом последнего дневника Агнес.

— Значит, это все же был Ллойд, — сказала Марина, качая головой. — Скарборо этого еще не знают?

— Нет. Но, если все пойдет хорошо, узнают к концу дня.

— Бедный Дуглас, — сказал тихо Арти. Я понимала, что он сочувствует ему и из-за близости в возрасте. — Ты знаешь, почему Ллойд сделал это?

Я покачала головой.

— Нет еще, — я надеялась, что и на это ответ мы узнаем к концу дня.

— Это дело мы решаем всего три недели? — вздохнула Марина, открыла бутылку воды. — Кажется, что уже полгода.

Она была права, мне тоже так казалось. Моя голова была набита историей семьи Скарборо, и я почти не помнила, когда началось это дело. Мне не было жалко только живого Скарборо. Донован мне совсем не нравился, потому мы спешили. Если его покупатели уйдут, он мог вполне нанять экскаватор и снести дом самостоятельно.

Халл, когда мы добрались туда к 11 утра, сливался с монохромным небом. Он был серым, безликим, когда мы свернули с шоссе, обычные бетонные джунгли городов Англии.

Марина включила навигатор на телефоне, чтобы мы прибыли на место усилиями Шэрон Осборн. Она всегда казалась мне слишком эмоциональной, и я подозревала, что она пошлет нас не туда, если будет в игривом настроении.

— Нельзя выбрать кого-то другого? Дэвид Аттенборо или кто-то похожий? У них власти больше.

— Мне нравится Шэрон, — возмутилась Марина. — Она всегда кричит на меня.

— И это хорошо?

— Ты знаешь мою семью. Мы кричим друг на друга. Это наш стиль.

— И Шэрон Осборн этим тебя успокаивает?

— Эй, мне предлагали Шэрон Осборн или Дарта Вейдера, а ты знаешь мое отношение к страшным фильмам.

— «Звездные войны» — не страшный фильм, — сказала я, улыбаясь с сарказмом и махая лузерам в мини-автобусе, что скалились нам в соседнем ряду.

— Вот и нет, — поежилась Марина. — От его костюма у меня кошмары.

Марина была почти все время такой боевой, что ее страх ужастиков был даже милым.

— Почувствуй силу, — прорычал Арти, Шэрон Осборн завопила, и Марина согласно кивнула.

— Видите? Она милая. И она любит собак. А я уверена, что Дарту Вейдеру Лестат не понравился бы.

— Марина, — сказала я. — Никому не нравится Лестат. Ни мне. Ни тебе.

— Мне нравится, — выступил в защиту Арти.

— Хорошо. Он будет теперь жить с тобой.

Арти помрачнел, показывая, что с этим будут сложности.

— Пандора. Она опасная. Говорят, лучше держать ее подальше от детей и других питомцев.

— Она может съесть Лестата, — сухо констатировала факт Марина.

Арти кивнул.

— Может.

Я представила это на миг, живот питона, раздутый из-за Лестата. Это радовало не так сильно, как я надеялась, и это вызывало тревогу. Боже, только бы не привязаться к Лестату, он был моим соперником в сладостях, в кровати, из-за моих тапочек, если не говорить, что он появился из-за Флетчера Ганна.

Меня спасла от мыслей о привязанности к Лестату Шэрон Осборн, кричащая на меня, что пора сворачивать. Я перестала думать о собаке и сосредоточилась на вождении Булочкой по улицам Хала, пока мы искали правнука Исаака Скарборо и праправнучку.

* * *

— Напомни, как мы это сделаем?

Мы сидели на одной из парковок в торговом центре за городом и ели припасы Марины, пока обсуждали план. Мы уже увидели дом, он был непримечательным, узкий дом в ряду высоких серых зданий.

— Я буду говорить, — сказала я, вытирая руки от жира курицы салфеткой. Я обращалась к Марине, потому что Арти вряд ли пошел бы общаться с незнакомцем, а она могла, если они не поверят нам. — Они, наверное, попросят доказательства, — сказала я. — Я пытаюсь думать с их точки зрения. Мы — кучка охотников на призраков в Булочке, это уже нас делает странными для них. А потом мы скажем им, что я вижу призраков, что прадедушка Ричарда хочет с ним встретиться, и что если они уедут с нами в Чейплвик, то сильно нам помогут. О, и мы пытаемся разгадать убийство брата прадедушки, — я вдохнула и потянулась за бутылкой воды. — Это все очень мило.

— Хорошо, что мы не взяли Лестата, — сказал Арти, поглощая серебряной ложкой отдельный тирамису. — Он бы их вывел из себя.

— Потому что охотников на призраков, посланий из могилы и убитого дяди не хватило бы, — заявила Марина, и я застонала, закрыв лицо руками.

— Зависит от того, какие они люди, — сказала я. — Судя по тому, что я знаю, есть два типа людей. Открытые и закрытые. Вы, например, открытые, — рассказывала я. — А вот разум Флетчера Ганна закрытый. Он видит мир черно-белым, отказывается поднять голову и увидеть красивую радугу над головой, потому что он настроен считать, что он прав, а я

всегда неправа. Он застрял в своих убеждениях, хотя они заставляют его ссориться со мной, и все, кроме внезапного секса, оказывается недоступно.

Марина понимающе смотрела на меня, Арти рылся в сумке-холодильнике, а потом дал мне безмолвно маленькую плитку шоколада. Я отломил кусочек и рассосала, позволяя сахару течь по моим венам и повышать настроение после признания.

— Я просто говорю, что если они очень закрытые, то нам лучше вернуться в дом Скарборо, а не биться с ними.

Марина собрала использованные тарелки и мусор и спрятала в сумку-холодильник, а потом мы нервно переглянулись.

— Что ж, начнем, — сказала я и повернула ключ в зажигании.

Глава двадцать вторая:

Я припарковала Булочку в стороне, чтобы ее не было видно сразу тому, кто откроет дверь. Думаю, мы выглядели утром нормально, хотя избежать того факта, что мы покажемся религиозными попрошайками, не удалось бы. Арти не мог выглядеть еще мягче в своих джинсах и футболке с «Доктором Кто», а Марина в куртке, узких джинсах и на каблуках выглядела так, словно с работы шла в ночной клуб, и я была в схожем виде — в кроссовках и красно-белым с синим щитом Капитана Америки на груди. Выглядели мы круто и неопасно. Пусть эти люди радуются, что это не Лео и его психо-барби, потому что они на пороге напоминали бы дьявола и женщин-роботов.

— Звони, — прошипела Марина у меня за спиной.

— Собираюсь, просто готовлю себя к этому, — прошептала я, поведя плечами. Я поднесла палец к звонку, потом почесала им нос, и мне становилось жарко и тревожно.

— Может, сначала сходим и выпьем кофе в кафе за углом? — спросила я, и Марина в ответ потянулась через мое плечо и сама нажала звонок. Я ударила ее по руке, она задела мою ухо, когда убирала руку.

— Как бы ты жила без меня, Биттерсвит? — спросил она.

— Пила бы кофе в кафе за углом, — сказал Арти, и я невольно тихо рассмеялась, потому правнук Исаака увидел меня улыбающейся, как дура, когда открыл дверь семь секунд спустя. Я сразу поняла, что это правнук Исаака, они были очень похожи. Но там где Исаак выбрал бы аккуратный кардиган и узкие брюки, его правнук... как бы сказать? Он выглядел современно. Его белые волосы удерживала красная повязка, а рубашка свободно свисала, заляпанная краской. Его выцветшие джинсы тоже были в пятнах, он был босым. Он выглядел пожилым человеком, и, судя по тому, что у него был хороший загар, жил он долгое время не в Англии.

— Мистер Хенсон, полагаю? — спросила я, хотя ответ знала.

— Слишком в стиле Шерлока, — шепнула Марина, я улыбалась и не слушала ее.

— Да, — сказал он, глядя на нас с любопытством и подозрением.

— Меня зовут Мелоди, мистер Хенсон. Мелоди Биттерсвит, а это Марина Малонэ и Арти Элиотт.

Он посмотрел на каждого из нас. Марина кивнула, Арти склонил голову, услышав свое имя, словно ребенок.

— Я не буду покупать ничего из того, что вы предложите мне, — ровно сказал он. Ох, он ошибался.

— О, мы ничего не продаем, — возразила я. — Мы приехали сюда из Шропшира, чтобы увидеть вас.

Он нахмурился, и я поняла, что звучу странно, потому спешно сдала назад.

— Ну, не только для этого, и у нас недавно был пикник, так что я не жалею... — блин, я только все усложняла, а он все сильнее тревожился и раздражался, собираясь прервать нас.

— Слушайте, не хочу быть грубым, но я занят, — сказал он, и я запаниковала, потому что он закрывал дверь. Я не знала, как уговорить его послушать, и вперед выпрыгнула Марина.

— Это будет звучать странно, но выслушайте. Мы хотим поговорить с вами о вашем прадеде Исааке Скарборо.

Дверь замерла приоткрытой, а потом медленно открылась снова.

— Вы сказали Скарборо? — спросил он, насторожившись.

Мы кивали, как собачки, которых люди ставят у заднего окна машины. Я могла даже упасть на колени и молить, чтобы нас впустили.

Он смотрел на нас, и я видела, что он размышляет, впускать нас или нет.

— Можете войти, — сказал он, и я была так рада, что казалось, что кто-то надул в моей груди воздушный шар. — Но только потому что ты — фанат «Доктора Кто», — добавил Хенсон, кивнув Арти. Я была обижена, что он не оценил мою футболку с Капитаном Америка, но Арти был так счастлив, что я забыла о раздражении.

— Мы можем войти с миром? — я попыталась звучать как фанатка «Доктора Кто».

Арти покачал головой.

— Не тот сериал.

— Проверяешь нас? — отозвалась Марина.

— Технически — да, но, боюсь, это неуместно, — сказал Арти, и я заметила улыбку на лице Ричарда Хенсона, он отошел, пропуская нас в дом.

Внутри Арти оглядел просторный белый холл. Здесь было красиво, свежо, большая абстрактная картина висела на стене, простого цвета ковер был всплеском цвета на медового цвета паркете. Это хорошо играло в узком доме.

— Больше, чем снаружи, — отметил Арти, Ричард Хенсон безмолвно дал ему пять.

— Проходите, — сказал он, и я поняла, что он не только выглядит как Исаак, но у него и такой же низкий голос. Но я этого, ясное дело, не сказала. К призракам нужно было подобраться осторожно. — Я схожу за дочерью, — сказал он. — А вы пока устраивайтесь в гостиной.

Он махнул на приоткрытую дверь. Арти пошел первым, а потом застыл, и мы с Мариной врезались друг в друга за ним.

— Что за...? — сказала я, а потом увидела, почему он остановился. На диване лежала женщина, читающая книгу, ее тело было морщинистым и довольно обнаженным, я бы дала ей за девянство. Она подняла голову, когда мы вошли, и опустила книгу, подвинув очки, чтобы посмотреть на нас поверх них.

— Ох, черт, — сказала она. Она звучала как принцесса Анна, и не собиралась прикрыться. Арти закрыл глаза руками.

— Я ничего не видел, — пропищал он, словно хотел убедить ее, что ее честь не тронута.

— О, боюсь, видели, молодой человек. С того ушла вы точно видели мою вагину, — заявила она.

Марина давилась смехом за мной, мы прошли внутрь, чтобы впустить Ричарда Хенсона.

— Ах, простите! Я совсем забыл про Марго, — сказал он и подбежал с халатом. — Мы хотели порисовать, — он махнул на мольберт, а Марго встала и надела халат. Мы уже догадывались, но все равно это стало шоком. Бедный Арти. Еще один пункт добавился в список того, о чем он не расскажет маме.

* * *

Пять минут спустя мы сидели в гостиной с чашками кофе и без голых пенсионерок. К нам присоединилась Джоджо, оригинального вида дочь Ричарда. Я знала, что ей за сорок, потому что я видела ее свидетельство о рождении, но по ее виду этого сказать нельзя было. Ее длинные темные волосы были заплетены в две косы с оранжевыми резинками-пружинками, она была в четырех или больше полосатых жилетках разных цветов. Ее запястья звякали от браслетов, она была босой, как и ее отец. Думаю, Марина одобрила леопардовые ногти на ее ногах, и я был потрясена татуировке с множеством мелких цветов, что обвивала ее лодыжку, поднимаясь до бедра, исчезая под ее обрезанными джинсами. Татуировки делать было ужасно больно, и то, что она перенесла это, говорила мне, что, несмотря на ее вид, у нее был сильный дух.

— Так в чем дело? — спросила она, сев на подлокотник кресла отца. Они смотрели на нас, сидящих на диване, и вежливо ждали. Ладно. Здесь я должна была заговорить, потому что это мое агентство, и я хотела, чтобы все получилось. Это мой миг. Я взяла себя в руки и кашлянула.

— Меня зовут Мелоди Биттерсвит, и я вижу мертвых.

Черт. Серьезно? Сейчас не время для таких заявлений.

Чашка с кофе Ричарда застыла на половине пути, глаза Джоджо чуть не выпали из орбит.

— Простите, я не с этого хотела начать, — ступсевалась я.

— Это радует, — сказал Ричард и издал смешок. — Потому что на миг мне показалось, что ты сказала, что видишь мертвых.

— О, видит, — встрял Арти. — Все время. Это нормально для Мелоди, это не пугает. Я сначала тоже не знал, но мертвые такие же, как живые. Только мертвые и невидимые. Я смотрел на прошлой неделе снукер с тем, кто умер больше сотни лет назад. И он был... — он замолчал, потому что теперь они глазели на него, и я была рада, что он замолчал и не выдал им, что снукер он смотрел с их убитым родственником.

Марина вытащила из кармана куртки две новые гладкие черные визитки с нашим логотипом, что Гленда сделала нам, и вручила каждому. Я ждала, пока они их прочитают, перевернут и снова прочитают. Они, наверное, хотели уже, чтобы мы оказались просто попрошайками.

— Никогда не видела охотников на призраков, — сказала Джоджо со скепсисом. — Вам нужно как-то доказать это, чтобы я поверила.

— Она не может делать этого по приказу, она не мистик Мэг, — рывкнула Марина, привыкшая защищать меня при таких просьбах. Я коснулась ее колена, чтобы успокоить ее. Она была права, не было ничего, что заставляло меня чувствовать так неловко, чем когда люди ждали, что я исполню какой-то трюк. Это было другим. Нам нужно было, чтобы они верили нам. А еще лучшая подруга Джоджо, Зена, что умерла год назад во время серфинга на Фиджи, была тут, пришла вместе с Джоджо и очень хотела поговорить.

— Точно хотите доказательств? — спросила я, потому что порой люди тут же

переставали этого хотеть.

Джоджо кивнула, я заметила, что она скрестила пальцы за коленом.

— Хорошо, тихо сказала я и минуту слушала Зену. — Здесь Зена.

Глаза Джоджо тут же наполнились слезами, но она сглотнула и уставилась на меня.

— Это могли знать все. Она была моей лучшей подругой.

Я кивнула. Я это понимала. Я знала это, потому что чувствовала связь любви между Зеной и Джоджо, и это было похоже на нашу связь с Мариной. Я смотрела на Зену и описывала ее.

— Она вашего роста, — я замолчала, потому что Зена исправила меня. — Простите, она сказала, что она на полдюйма выше.

Джоджо выдохнула, словно об этом всегда велись споры.

— Она сказала, что ей жаль вашу доску, — передала я, Ричард передал дочери салфетку, Джоджо всхлипывала.

— Это была моя доска. Она плавала на ней, когда умерла.

Я кивнула, Зена уже рассказала мне. Я знала, что еще не сказала ей того, что не мог найти никто при исследованиях.

— Она просит напомнить вам о случае, когда ее мама выпорола вас за курение в ее спальне, хотя это были не вы. И о дне, когда она ударила Дэвида Райли в живот, потому что опрокинул на вас обед, когда вам было тринадцать, и о том, как вы встречались со Стивом, но считали себя лучше него и так и не вышли за него замуж.

К этому моменту Ричард смотрел на меня, раскрыв рот, Джоджо плакала.

— Но больше всего она хочет, чтобы вы знали, что ей жаль, что она оставила вас. Она скучает каждый день, — мой голос оборвался, Марина сжала мое колено. — Простите, — сказала я, злясь, что проявляла свои эмоции, мешая Зене и Джоджо.

Я встала, и Джоджо подошла и крепко обняла меня.

— Спасибо, — прошептала она. — Передай ей, что я тоже каждый день скучаю.

— Вы только что сами ей это сказали, — отметила я, а потом тихо рассмеялась, услышав последние слова Зены. — Она уходит. Она просит сказать вам, что будет приглядывать за вами, но она не будет ходить за вами на свидание или стоять над кроватью, ведь это будет оскорбительно.

Джоджо рассмеялась и вытерла глаза.

— Она все еще глупышка. Как мне ее не хватает...

Ричард поднялся и собрал чашки.

— Думаю, можно уже сказать, что мы убеждены. Я сделаю еще чая, а потом вам стоит рассказать, почему вы здесь.

* * *

— Мы поедem следом, — крикнула мне Джоджо, забравшись в вишневый хэтчбэк. Ричард уже сидел пристегнутый на пассажирском месте, они взяли с собой вещи, чтобы найти потом место для ночевки после посещения дома Скарборо с нами. Они пять минут восхищались Булочкой, а до этого целый час слушали меня, нас, пока мы рассказывали им все, показывали родословную и фотографии. Переломным моментом для Ричарда была фотография Исаака в важной позе, но они были так похожи, что связь отрицать не выходило.

Я ничего не скрывала, приходилось делать паузы, им было сложно воспринять все сразу. Они узнали о ветви семейного древа, что всегда была от них скрыта, и теперь они тоже думали об убийстве и призраках, которых нужно было освободить. Мы многого хотели от

них, и повезло, что они не выгнали нас на улицу, назвав шарлатанами.

— Хорошо, что они из открытых, — сказала я, закрыв дверь Булочки.

— Думаю, это было понятно еще с момента с Марго, — улыбнулась Марина, Арти закрыл рукой лицо от воспоминания.

— Знаешь, что, Арти? — я сверилась с часами. — Твоя футболка спасла нас. Без нее нас могли и не впустить.

Он прижался к спинке сидения и улыбнулся, а я выехала на дорогу, Джоджо следовала за мной. Был лишь час дня, и мы могли приехать в Чейплвик к четверем, если нам будет дуть попутный ветер.

* * *

Я почти угадала. Мы подъехали к Бримсдейл Роуд в полпятого, и я благодарно помолилась, увидев, что в доме все тихо. Я увидела, что Джоджо и Ричард остановились за мной, и показала им поднятый большой палец в зеркало, надеясь, что они еще готовы все увидеть. Час назад на заправке мы останавливались для туалета и кофе, и они явно всю дорогу обсуждали то, что слышали, и пытались связать это с собой.

— Знаю, мы не сможем видеть братьев, но все равно нервничаю, — сказала Джоджо, Ричард притих. Я была рада, что мы так быстро увели их с собой. Если бы они задумались, то могли никогда не приехать.

Я вылезла из Булочки и потянулась, тело затекло после стольких часов за рулем в постоянной тряске. Марина и Арти вышли и сделали так же, все мы стояли и ворчали, пока разминали плечи и шеи.

— Это то место? — Джоджо присоединилась к нам, прикрывая глаза от солнца и глядя на дом Скарборо. — Большое, да?

— И ему требуется уход, — сказал Ричард, потирая подбородок. Он был серьезен. Дом был бы его, если бы не эта путаница с обвинениями. И дом все еще мог оказаться его, хотя бы частично.

— Как мы войдем? — спросил Арти, у нас уже не было ключа.

— Пока не знаю, — сказала я.

Ричард нахмурился.

— Не хотелось бы вламываться.

— Ага, — медленно сказала я, пока обдумывала варианты. — Мне тоже. Надеюсь, до этого не дойдет.

Я схватила рюкзак и повела их через калитку по знакомой тропе к задней части дома. Я дернула заднюю дверь, зря надеясь, что Донован Скарборо забыл ее закрыть. Нет. Блин. Ладно. Я отошла, уперла руки в бока и озиралась.

— Тогда план Б, — сказала я. — Скрестите пальцы.

— Подвал? — спросила Марина, и я кивнула.

— Понадеемся, что засов не трогали, — сказала я. — Арти, пойдешь со мной? Марина, лучше останься с Ричардом и Джоджо здесь, а мы посмотрим, можно ли открыть заднюю дверь изнутри.

— Я не против, — сказала Марина, глядя на проем, из которого мы выбрались из подвала. Я боялась, что кто-то закрыл его изнутри, но нам могло повезти. — Эти каблучки сделаны не для того, чтобы изображать Алису, падающую в кроличью нору.

— Уверены? — спросила растеряно Джоджо.

— Да, — сказала я. — Арти, пойдешь первым? Тебе падать меньше, чем мне.

— Телефоны? — спросила Марина, мы вытащили мобильники и включили фонари.

— Готов? — спросила я у Арти, надеясь, что он не слышит дрожь в моем голосе.

— Как и всегда, сахарок, — сказал он, и я расхохоталась, не ожидая такое услышать от него.

— Прости, — сказал он. — Хотел тебя развеселить.

Я чуть не плакала от смеха.

— Тебе удалось, — я вытерла глаза. — А теперь идем в этот подвал.

Арти опустил длинные ноги в люк, решительно кивнул и скользнул в подвал. Я услышала, как он приземлился с тихим стуком, его телефон озарил мрак, чтобы я следовала за ним.

— Если не вернусь через десять минут, уходите и спасайтесь, — сказала я с драматическим надрывом, бросив Арти рюкзак, а потом опустившись по пояс. — И позаботьтесь о Лестате за меня.

Марина была в ужасе.

— Ни за что. Если ты не вернешься через десять минут, я пойду за тобой даже босиком.

— Веди меня, Арти, — сказала я, он поправил мои ноги, чтобы я попала на сундук, что он подставил для меня. Я подмигнула Марине и исчезла, а потом позвала. — Закрой за мной люк, — нужно было скрыть следы, ведь я уже знала, что это дело ужасно непредсказуемое.

Глава двадцать третья:

В подвале было жутко, и мы спешили пройти мимо ящиков и бочек, подняться по ступенькам, что вели в дом.

— Скрести пальцы, Арти. — прошептала я, положив ладонь на дверную ручку. — Потому что все будет сложнее, если дверь заперта.

Я повернула ручку и толкнула, но дверь не поддавалась.

— О, нет, — прошептала я, похолодев.

— Лучше толкни, — раздался сзади красивый голос, и я узнала в нем Дугласа. — Порой заедает.

— Попробуешь, Арти? — я отошла, пропустив его. Он не слышал Дугласа, и я подумала, что он все равно попытается толкнуть плечом, чтобы проверить.

— Хорошо, — шепнул он неуверенно, но все же поднялся. Он повернул ручку и толкнул дверь плечом, и она распахнулась и врезалась в стену, Арти ввалился в коридор. Он вскочил на ноги с довольным видом. — Мы вошли, — рассмеялся он.

Я кивнула, стряхивая паутину с волос. Тихо поблагодарив Дугласа, я пошла за Арти по коридору.

— Молодец, — сказала я и опустила рюкзак, закрыла дверь. Он пожал плечами, будто это были пустяки, но я знала, что он доволен собой. Если мы продолжим поддерживать его уверенность в себе, за шесть месяцев в агентстве Арти станет самоувереннее Канье Уэста.

Я попыталась открыть переднюю дверь, но она была заперта. Открыть ее и впустить остальных не вышло бы.

— Попробуем заднюю, — предложила я. — Донован мог оставить ключ в двери.

Дуглас покачал головой.

— Донован спрятал его в карман. Я видел.

— Мда. — я прижалась к холодной стене. — Плохо. И что теперь?

— Можно открыть одно из больших окон в столовой, — сказал Арти. — Они смогут пролезть.

Мне не хотелось делать этого на виду у всех, это могло привлечь ненужное внимание.

— Или открыть французское окно в гостиной, — просиял Дуглас. — Ключ всегда за картиной слева от двери.

— Окно в гостиной, — сказала я, чтобы Арти понял, и побежала. — Скорее.

Мы спешили, и я резко замерла, когда Ллойд преградил путь к окнам.

— Помнится, вам говорили не возвращаться, — сказал он, сцепив руки за спиной. В шелковом халате и пижаме он напоминал мне недовольного директора, заставшего школьников в полночь на кухне. Он бы точно позвонил Donovanу, если бы мог. Я решила не говорить Арти, что Ллойд здесь, так что не ответила.

— Ключ должен быть за той картиной, — указала я, Арти принялся ощупывать картину.

— Этот? — он вытащил маленький и старый серебряный ключ с улыбкой.

— Этот, — кивнула я. — Попробуешь, Арти? Тебе сегодня везет с замками больше меня.

Ллойд Скарборо рассчитывал, что я не пройду мимо него, и он был прав. Для меня он казался из плоти и крови, и я не могла пробиться сквозь него. Если бы Арти знал, что он там, то ему тоже было бы сложно. Но он оказался нос к носу с Ллойдом Скарборо, даже не понимая этого.

— Ты молодец, Арти, — сказала я, игнорируя ярость на лице Ллойда.

— Скажи ему, что я здесь, — потребовал он. — Пусть отойдет.

Я покачала головой и вздрогнула, рука Арти исчезла в теле Ллойда на моих глазах. Призрак казался мне таким настоящим, что было легко забыть, что он другой, но теперь, когда там был Арти, мне пришлось воспринимать Ллойда иначе. Мне стало не по себе, я отвела взгляд. Может, потому призраки не пугали меня, я видела их как обычных людей. Я не видела книгу, летящую без руки, что бросила ее, и теперь я видела злого старика, что не хотел, чтобы мы открыли окно.

— Бинго, — улыбнулся Арти, не зная о напряжении, он открыл окно с радостным смехом и вышел на солнце за остальными.

Ллойд отошел от окна, и его полный ненависти взгляд сказал мне, что при жизни он вполне мог убить.

— Отстань от нее, — Дуглас встал между мной и Ллойдом, братья упрямо смотрели друг на друга. Было странно думать, что они близнецы, и дело было не в возрасте. Не только в этом. Они были очень разными. Между ними было напряжение, что могло привести к удару ножом, и тут Ллойд вдруг рассмеялся с ядом. Этот звук был ужасным.

— Все еще таскаешься за женщинами, хоть ничего уже с ними делать не можешь, — сказал он, мрачно глядя на меня, мне стало не по себе, а потом он исчез.

— Прости за моего брата, Мелоди, — печально сказал Дуглас. — Ему не нравится, что все идет не по его задумке. Как и всегда.

— Все хорошо, — прошептала я, стряхивая тревогу от убийственного поведения Ллойда. Дуглас кивнул и провел ладонью по челюсти.

— Можно кое-что сказать, пока остальные не пришли?

Я смотрела на него и ждала.

— Я хочу поблагодарить тебя, — он очаровательно улыбнулся. — И не за телевизор, хотя это было познавательно, — он замолчал и выглядел застенчиво. — За эти недели я

чувствовал себя намного живее, чем за сто лет. Вы невероятная, мисс Биттерсвит. Если бы я мог, я бы поцеловал вашу руку.

Я испытывала разные эмоции от встреч с призраками, но не такие. Комок появился в горле, я коснулась пальцами с зелеными ногтями места, куда он поцеловал бы меня.

— Я это чувствую, — сказала я, остальные подошли к окнам. На его губах появилась скромная улыбка, он опустил голову и оставил меня одну в комнате.

— Получилось, — Джоджо осмотрела гостиную, а я взяла себя в руки и пошла к ним.

Ричард все еще был встревожен.

— Вы же ничего не сломали?

— Мы использовали ключ, — я показала на ключ в замке. — Вреда нет.

Хотя мы все еще вломились в дом, но я не врала, мы ничего не испортили, и все могло привести к торжеству справедливости.

— Думаю, нам стоит пройти, и я схожу за Исааком на чердак, чтобы спустить его к вам. Знаю, это странно, но я уже так делала, это не страшно. Это как обычное общение.

— С тем, кого не видно, — добавила Марина.

— И не слышно, — кивнул Арти.

— Но остальное нормально, — сказала я, с предупреждением посмотрев на них.

Джоджо разглядывала гостиную, мебель и украшения.

— Здесь ведь сейчас только мы? — она скрестила руки на груди и потерла ладонями бицепсы, ее браслеты звякали. Здесь было холодно, несмотря на майское солнце, что светило снаружи. Я могла лишь представлять, как тут холодно зимой без современной отопительной системы.

— Только мы, — убедила я ее. — Я вернусь через пару минут. Ждите тут с Арти.

Она кивнула. Я посмотрела на остальных.

— Марина, пойдешь со мной? Арти, будь здесь и позови, если я понадобится, хорошо?

Она кивнула, мы оставили Хенсонов и Арти в креслах на солнце у открытого окна и пошли искать Исаака.

— Как думаешь, как все пройдет? — тихо спросила Марина, когда мы ушли далеко.

— Надеюсь, хорошо, — я подхватила свой рюкзак в коридоре. — Быстрее. Нужно найти орудие убийства.

Марина посмотрела на меня, пока я закидывала рюкзак за спину.

— Ты похожа на городскую Китнисс Эвердин. Стоит заплести тебе ее косу.

Мы добрались до лестницы, когда услышали, как в двери повернулся ключ.

Черт! Мы с Мариной бросились к ближайшей открытой двери спальни и застыли, слушая.

— Когда я доберусь до этой девчонки, я сверну ей шею! — ревел Donovan Скарборо у входа. Ого! Он знал, что я здесь, потому что Булочку было сразу видно. Я очень хотела, чтобы Джоджо и Ричарда сейчас здесь не было, ведь такой встречи им не желала.

Стук каблуков подсказал, что Скарборо не один, и я услышала голос Лео.

— Уверен, Мелоди здесь не без причины. Если она вообще здесь.

Он говорил громко, словно пытался предупредить меня о грядущей опасности.

— Она где-то здесь, — вопил Скарборо. — Это лучшая двадцатка, что я потратил, заплатив соседу, чтобы он дал мне знать, если она придет. Она как собака с чертовой костью.

Я слышала смех. Отлично. Психо-барби тоже здесь. Отличная вечеринка с тремя

призраками, двумя маньячками, одним разъяренным бизнесменом и без выпивки.

— Думаю, стоит спрятаться, — прошептала Марина мне на ухо. — Выиграть время.

Под нами Скарборо ходил по кухне, я кивнула и быстро осмотрела комнату. Квадратная большая спальня была с огромной старой кроватью и парой деревянных шкафов.

— Под кровать? — предложила Марина. Мест для прятков не было. Если бы это была игра, нас нашли бы мгновенно, но я все равно залезла под кровать, ведь был шанс, что он только откроет дверь и заглянет в комнату.

Мы лежали как статуи, слышали, как он шумит. Он, конечно, пришел в гостиную и начал оглушительно кричать.

— Вы кто такие и что делаете в моем доме?

— Он будет здесь с ними через пару минут, — быстро сказала я и с трудом вытащила телефон из заднего кармана и включила. Я была рада в этот миг, что у меня есть Лестат, ведь без него у меня не было бы номера, который так был нужен сейчас. Марина смотрела, как я печатаю: «ПОМОГИ. ЗАСТРЯЛИ ПОД КРОВАТЬЮ В ДОМЕ СКАРБОРО. ОПАСНОСТИ».

— Нельзя отправлять этого, у твоей мамы будет сердечный приступ, — сказала она.

— Это не маме, — я нажала «отправить». — Это Флетчеру Ганну.

Знаю, о чем вы подумали. Почему из всех людей я отправила сообщение Флетчу? Вот и ответ. Я видела чистую ненависть в глазах Ллойда Скарборо, когда я заставила Арти открыть окно, и я видела такой взгляд только у одного человека — праправнука Ллойда, Донована. В этом доме уже было одно убийство. Я не хотела, чтобы случилось еще одно, и понимала лишь, что для Донована Скарборо только свой имидж важнее продажи дома. Он любил камеру, прессу, платил за свой имидж влиятельного бизнесмена, и остановить его могло лишь то, что он мог появиться на первой странице в плохом свете.

— Флетчеру Ганну? — прошипела Марина. — Мелоди! Мы в смертельной опасности, а ты еще и зовешь его?

Я недовольно посмотрела на нее.

— Вот спасибо! Я знаю просто, что если он учует историю, он тут же будет здесь.

Она была недовольна.

— Думаю, он будет полезнее твоей мамы.

— Если он придет сразу из офиса, то будет минут через пятнадцать, — подсчитала я.

— Он может быть на встрече, в пабе, на свидании. Может не смотреть на экран.

Мне бы понравилась мысль о том, что он на встрече, так он напоминал Дона Дрэпера. Я не представляла, что он в пабе так занят, что не посмотрит на телефон, но за мысль о свидании мне захотелось ударить Марину.

— Понадеемся на лучшее, — хмуро пробормотала я, и потом мы замолчали, задержав дыхание, потому что кто-то пошел по лестнице.

— Ох, Мелоди, — Марина нашла мою ладонь. — Если он убьет нас, я буду скучать каждый день.

Я не успела ответить, потому что дверь открылась, и я увидела сияющие туфли Донована Скарборо. Я крепко сжала пальцы Марины, а он приблизился и прошептал:

— Выходи, выходи, где бы ни была, — ему это все нравилось. Он точно был правнуком Ллойда.

Появились еще одни сияющие туфли, заговорил Лео:

— Я вам помогу.

Он стоял у кровати, а потом опустился на колени, склонил голову и посмотрел на меня здоровым глазом. Я смотрела на него, на миг я ощутила себя Лисель из «Звуков музыки», я надеялась, что Лео мне верен больше, чем Рольф ей. Только не свисти, Лео, Марина на каблуках бежать не сможет.

Он встал и опустил край простыни.

— Ничего.

Они покинули комнату, стуча подошвами по деревянным половицам, мы с Мариной переглянулись и выдохнули.

Марина отпустила мою руку.

— Думаю, теперь ты перед Лео Дарком в долгу.

Мы слышали, как они уходят к другим спальням, я думала над следующим ходом.

— Нам нужно пройти в главную спальню, — сказала я, а потом вскрикнула, когда рука схватила меня за лодыжку и потащила. Я вцепилась в панике в Марину, она ударила по пальцам своим каблуком. Я отметила, что фильм «Заложница» был бы совсем другим, если бы у дочери Лиамы Нисона были каблуки. Ему не нужно было бы искать похитителей и убивать их, но в Интернете было бы много хороших мемов.

Тот, кто держал меня за ногу, пробормотал «черт возьми» и отпустил, а потом склонился и посмотрел на нас.

— Флетч, — с облегчением выдохнула я, стараясь не смотреть на кровь на его костяшках, когда он протянул руку и вытащил сначала меня, а потом Марину из нашего укрытия. — Ты пришел.

Он пришел всего за пять минут. Может, был рядом, а, может, он все же был моим супергероем, появлялся, когда я нуждалась в нем.

— Что тут происходит? — спросил он тихо и с тревогой.

— Так быстро и не ответишь, — сказала я, думая, как описать все вкратце, стоило ли опустить при этом призраков, чтобы он не скалился и не ушел. К счастью, были и фрагменты черно-белого цвета. — Донован Скарборо злится на меня, потому что думает, что я вломилась и хочу помешать ему продать дом.

— Так ведь и есть?

— Технически — да, но по хорошей причине.

Флетч закатил глаза, словно ему не нравилось то, что он слышал.

— Не говори, что это связано с призраками, иначе я тебя тут брошу.

Марина пришла на помощь:

— Забудь о призраках. В доме было убийство сто лет назад, и мы разгадаем его, если ты нам поможешь.

О, теперь он заинтересовался. Уши репортера наострились, глаза цвета мха блестели от восторга.

— Не шутите?

Мы покачали головами, Марина поклялась.

— Почему мне кажется, что я пожалею? — пробормотал он и тяжело вздохнул. — Что мне делать?

* * *

План был сочинен наспех, но я думала, что мы справимся. В плане было две ветки, и первая Флетчу не нравилась, потому что попадала в серую зону между черным и белым, его логичный мозг не понимал ее. Я вытащила телефон и быстро написала Арти:

«Что внизу?».

«Донован выгнал нас, мы в саду. Осторожно, он злой».

«Можешь отвести Ричарда и Джоджо в подвал?».

Ответ пришел после паузы.

«Думаю, да».

«Хорошо. Встретимся там через пять минут».

Я спрятала телефон в задний карман джинсов, поблагодарила богов удачи, что Дуглас появился сейчас. Я не упустила его взгляд на Флетча, словно он завидовал, что у того билось сердце, что он мог поцеловать мою руку, если бы захотел.

— Что я упустил? — спросил он.

— Дуглас, нужна твоя помощь. Можешь подняться и попросить Исаака встретиться со мной в подвале? Нужно, чтобы он пришел как можно скорее.

Он кивнул, беспечное настроение пропало.

— Это оно, да? — спросил он серьезно, и я кивнула.

— Думаю, да.

Он посмотрел на меня, словно хотел сказать больше, а потом исчез.

Я повернулась к Марине и Флетчу, который подвинул серую занавеску, чтобы видеть улицу, пока я делала то, что он считал ненормальным.

— Готово. Теперь мне нужно незаметно попасть в подвал.

Флетч прислушался у двери.

— Они на чердаке. Я пойду туда и отвлеку их. Они не знают еще, что я здесь, входная дверь была ответа, и я просто вошел.

— Этого должно хватить, — сказала я. — Иди, но помни, что мне нужно будет вернуться в спальню и найти мишку, когда я закончу в подвале.

Он пошел в коридор, а потом заглянул в спальню.

— Биттерсвит... — он замолчал. — Будь осторожна.

И он ушел, а я была потрясена тем, что Лео оказался вернее Рольфа из «Звуков музыки», а Флетч — потенциальным супергероем, но не без минусов. Я ведь не зря была потрясена? Когда все это кончится, мне понадобится выходной, чтобы все обдумать. Это если я выживу и найду, кому сплавить Лестата. Ага, будто такое случится.

Марина сбросила каблуки, и мы пошли на носочках к лестнице, стараясь не шуметь. Мы пробежали холл и скользнули в подвал, боясь и радуясь, мы прижались к стене и чуть не рассмеялись, когда Арти поднялся к нам по ступенькам.

— Вот вы где, — сказал он, на его лице были страх и восторг, а еще облегчение при виде нас.

— Донован Скарборо явно хочет избавиться от нас, — сказала я и успокаивающе похлопала его по руке.

— У него не выйдет, даже если он станет Джеком Николсоном из «Сияния», — добавила Марина, обуваясь. — Он не справится.

Исаак и Дуглас прошли через закрытую дверь подвала и присоединились к нам у вершины ступенек. Исаак был встревоженным, как пациент в больнице, ожидающий результатов.

— Исаак и Дуглас прибыли, — сообщила я.

Арти кивнул.

— Джоджо и Ричард там, у люка.

Я думала, как начать встречу, когда на другой стороне двери повернулся ключ и запер нас, каблуки простучали по половицам.

— Опять эти чертовы близняшки! — сказала я, быстро думая. — Арти, вылезай из люка и смотри, чтобы они тот выход не закрыли. Скажи Ричарду и Джоджо, что я буду через секунду.

Он побежал через две ступеньки, а я повернулась к Исааку и Дугласу.

— Исаак, прости за случившееся с Чарльзом, — сказала тихо я. — Это было ужасным ударом, я хотела бы преподнести это тактично.

— Не в том дело, что я его не видел, — он потрясенно опустил голову. — Но я всегда надеялся, что его жизнь была счастливой.

Я хотела как-то поддержать его, а потом кое-что вспомнила.

— Исаак, посмотрите на меня, — он поднял голову и пронзил меня уставшим голубым взглядом. — Ваш правнук Ричард, сын Чарльза, здесь, и он хочет вас встретить. Он еще и со своей дочерью Джоджо. Они приехали из города Халл, они ждут вас там.

Я повернулась к неловко стоявшему Дугласу.

— И ты тоже, Дуглас, — сказала я. — Ричард — твой далекий племянник, да? — в этом я не разбиралась.

Дуглас посмотрел на брата. Ему было ужасно провести больше ста лет, не зная, какой из братьев его убил. У него могли быть свои подозрения, ведь он постоянно обдумывал это.

— Иди первым, — сказал он. — Это твоя семья. Я подойду позже.

— Моя семья, — Исаак повторил слова Дугласа, словно никогда еще их не произносил.

— Марина, оставайся у двери. Вдруг кто-то придет? Дуглас с тобой. Готовы? — спросила я у Исаака. Он кивнул, и я медленно пошла по ступенькам.

— А если я им не понравлюсь? — спросил Исаак, мое сердце дрогнуло, он звучал как ребенок, который встречался с семьей, что хочет усыновить его, если он хороший. Забавно, но он надеялся, что Ричард и Джоджо примут его как часть своей истории, новую ветвь семейного древа.

Впереди я уже видела их. Ричард и Джоджо сидели на перевернутых ящиках, а кто-то, наверное, Арти, оставил мне ящик напротив них.

— Готовы? — спросила я, они кивнули, глядя на меня.

Арти появился в люке наверху.

— Тут все тихо.

Я показала ему поднятые большие пальцы и повернулась к Хенсонам.

— Простите за случившееся выше. Насчет Донована.

— Поверить не могу, что мы ему родственники, — поежилась Джоджо.

— Прадед с тобой? — спросил Ричард, глядя вокруг меня, хотя не мог увидеть Исаака.

Я глубоко вдохнула.

— Да. Он здесь.

Исаак был рядом со мной, я посмотрела на него и заметила, что он сцепил дрожащие руки.

— Он назвал меня прадедом, — он смотрел на Ричарда и медленно качал головой. — Он очень похож на меня, — сказал он и робко взглянул на меня. — Как мне объяснить им, Мелоди?

Я сосредоточилась на нем.

— Говорите от сердца, а я буду повторять, — я посмотрела на Ричарда и Джоджо. —

Все в порядке? Можете перебивать, Исаак видит и слышит вас прекрасно.

Я была рада, что у нас был случай с Зеной в их гостиной в Халле, это было разминкой перед главным событием. Они понимали, как это работает, кивнули и ждали моих слов.

Это звучало странно, но мне это было знакомо. Моя семья передавала слова между живыми и мертвыми долгое время, это было частью моей работы. Но в таких странных обстоятельствах я ее не делала. Где-то над нами Донован Скарборо обыскивал дом, Лео и Флетч пытались отвлечь его по своим причинам, близняшки пытались как-то показать Лео, что мы в подвале. Времени было мало.

— Я оставил этот дом во тьме, хоть и был невиновным, — говорил им через меня Исаак. — И я не ожидал влюбиться, но Присцилла была... — он замолчал, пытаясь подобрать слово, чтобы описать бабушку Ричарда. — Она была красивой и доброй, самой милой, а я был эгоистом. Я не остановился, — он покачал головой. — Я дал ей поверить, что у нас может быть совместное будущее, а потом оставил ее. Я не представляю, через что она прошла, пока растила ребенка одна.

— Бабуля Цилла, — прошептала Джоджо, сжимая руку Ричарда при упоминании прабабушки. Исаак разглядывал ее лицо, а потом повторил фразу, удивляясь:

— Бабуля Цилла. Для меня ей всегда будет двадцать три. Но я не мог представить, что мой позор станет ее, — сказал им Исаак. — Она была слишком хорошей и хрупкой, чтобы вынести это.

— Она никогда не говорила о вас плохо, — вмешался Ричард. — Но она не говорила никому ваше имя, так что мы не могли вас отследить.

— Это к лучшему, — стоически сказал Исаак. — Так и должно было быть.

— Я так хотела, чтобы мы знали вас, — вдруг расплакалась Джоджо, ее отец обнял ее плечи.

Исаак кивнул.

— Как и я, — он придвинулся ближе к семье. — Не плачь, Джоджо. У тебя красивые глаза прапрабабушки, я не любил, когда она плакала.

— Знаю, — сказала Джоджо, вытаскивая платок из кармана шортов. — Она так мне тоже говорила.

— Она была счастлива? — вопрос Исаака был полон волнения и страха за женщину, которую он любил.

Я посмотрела на Ричарда.

— Думаю, да, — медленно и задумчиво сказал он. — У нее были и свои проблемы. Потеря вас, потом папы. Она вынесла много печали, но я помню все хорошее. Она была счастлива, хоть и не выходила замуж снова, как и не рожала никого после меня, — он сделал паузу. — Она была прекрасной бабушкой. У нее не было других правнуков, и я был для нее миром после того, как умер папа. Она оставалась со мной, и я старался проводить много времени у нее дома.

Исаак впитывал детали, и я надеялась, что слова о жизни Присциллы станут мазью для его израненного сердца.

— Я хочу извиниться, — сказал Исаак.

Джоджо резко вскочила, и она не впервые напомнила мне Марину.

— Вам не за что извиняться. Оставить нас было сложнее всего для вас, это было очень смело.

Исаак нежно улыбнулся.

— Джоджо, я сражался в войне, меня обвиняли в убийстве, но ты права. Оставить Присциллу и шанс получить свою семью было сложнее всего.

Ричард встал и протянул мне руку.

— Хотелось бы пожать вам руку, прадедушка. Может, выйдет хоть так.

Я сделала то, чего еще никогда не делала. Я видела, как это делает бабушка, а редко — мама, но для меня это всегда было слишком интимным. Я повернулась к Исааку, сглотнула и сказала:

— Исаак, шагните в меня.

Он нахмурился, но я быстро покачал головой.

— Я уверена. Сделайте это. Поверьте, для вас это проще, чем для меня.

— Ты что-то почувствуешь? — спросил он.

— Вряд ли. Я никогда так не делала. Исаак, я хочу, чтобы вы пожали правнуку руку, ладно? — от слез сжималось горло, я тяжело дышала, словно долго бежала. — Исаак, прошу. Я хочу сделать это для вас.

Исаак замер, а потом шагнул в меня. О. Боже. Это было неопишимо. Он выглядел для меня живым человеком, но вошел в мою душу, и его тело сцепилось с моим. Я не чувствовала его тела, не было груза и удушения. Но я ощущала его, он перегрузил меня, и я не могла это облечь в слова. Я была Мелоди Биттерсвит, но в эти моменты я была и Исааком Скарборо.

— Обхватите мою ладонь, Исаак, — прошептала я и восторженно смотрела, как его рука накрывает мою. Никто этого не видел, и хорошо, потому что мы словно сошли из «Экзорциста».

А потом я обхватила руку Ричарда и пожала ее, глядя ему в глаза.

— Это великая радость в жизни — встретить тебя, сынок, — сказал Исаак, и я чувствовала, как он дрожит. Слезы текли по моим щекам, потому что и мне было радостно, что я смогла им помочь.

— И для меня тоже, — ответил Ричард хриплым голосом, пока он осторожно держал меня за руку, словно я была девятидесятилетним ветераном в военной форме, а не девушкой, обожающей сладости, в футболке Капитана Америки.

— Джоджо, — сказала я и кивнула ей подойти. Ричард отпустил мою руку, Джоджо шагнула вперед.

— Я не очень умею жать руки, — ее глаза блестели от слез, пока она говорила. — Может, мне лучше вас обнять вместо этого?

Исаак раскинул руки, она не успела договорить, и я подняла свои руки, чтобы соединиться с ним.

— Конечно.

Мы дрожали, когда она обнимала меня, и я смотрела, как руки Исаака обвивают ее плечи вместе с моими.

— Это лучшее, что случилось со мной за сто лет, — сказал он. Я прошептала эти слова Джоджо, и я не знала, было ли это из-за близости его сердца к моему, но мой голос... слова выходили как его, а не мои. Я вздрогнула, и Джоджо с Ричардом удивленно смотрели на меня.

Я отпустила Джоджо и отошла в сторону, мне казалось, что меня стошнит. Словно воздух вокруг меня давил изо всех сил, и я несколько раз набрала полную грудь воздуха, чтобы успокоиться. Исаак рядом со мной стоял с огромными глазами, был таким же

реальным для меня, как раньше.

— Вы это слышали? — прохрипела я, он кивнул. — Это была я. Я это чувствовала.

Джоджо осмотрела меня, словно проверяла, в порядке ли я.

— Ты... это была не ты, да?

— Я никогда так не делала, — сказала я, прижав ладонь к груди. — Я не знала, что будет.

— Спасибо, — сказал Ричард, он крепко обнял меня. Это было неожиданно, но очень успокаивало, потому что он был настоящим и теплым, меня словно обнимал отец. Я снова плакала, он говорил мне, что я поступила очень смело, и он всегда будет это помнить.

Ого. Этого я от своей работы не ожидала. Я была эмоционально разбита, все мы были, но я резко вскинула голову, когда Марина позвала меня с другого конца подвала.

— Простите, — сказала я, проведя руками по глазам. — Нужно идти, — я позвала Арти, его лицо тут же появилось в люке.

— Босс?

Я вздрогнула от этого, но, может, я заслужу его, если все мы останемся сегодня целыми.

— Поможешь Джоджо и Ричарду выбраться наружу и подождать нас там?

Я побежала, не дожидаясь его ответа, потому что мне не нужно было слышать это, я полагалась на него.

— Они вернулись, — прошептала Марина, когда я подошла к ней у двери. Она была одна, Дуглас, видимо, ушел посмотреть, что происходит в доме.

— Арти и Хенсоны ушли наружу, так что в этот раз мы тут хоть не заперты, — сказала я, стараясь услышать, что там снаружи.

— Не стоит беспокоиться, — улыбнулась она. — Я выбила ключ из замка каблуком, Дуглас смог толкнуть его под дверь для меня.

— Часы пересмотра «Призрака» прошли не даром, — отметила я, она с сарказмом улыбнулась мне.

— У тебя нет романтики, Мелоди Биттерсвит.

— Я тебя уволю, если ты будешь бить посуду, — предупредила я ее, мы рассмеялись. Это было неуместно в этой ситуации, но мы уже были немного в истерике.

— Тише, — я прижала палец к своим губам, чтобы она притихла, потому что голоса снаружи стали громче, приближались к двери подвала.

— Немедленно выпустите ее, — потребовал Лео. Наверное, он говорил с близняшками.

— Да, выпустите, чтобы я сломал ей ноги! — гудел Скарборо, я отпрянула от двери, когда он забарабанил по ней кулаками. — Я нанял тебя сделать простую работу, Биттерсвит, а ты лишила меня покупателей и притащила из другого конца страны дальних родственников, вломилась в мой дом и пытаешься забрать у меня дом.

— Я думаю, вам нужно успокоиться, — заявил Лео, я услышала, как он вскрикнул от боли, близняшки защебетали, как птенчики, бросившись к своему папе.

— Боже, нужно выходить и посмотреть, что там происходит, — я дрожащими руками вставляла ключ в замок. — Если он убьет Лео, это будет моя вина.

Ключ вошел в замок, я посмотрела на Марину перед тем, как повернуть, потому что вдруг испугалась.

— Готова?

Она кивнула.

— Мы сможем.

Я набралась от нее решимости и повернула ключ.

Глава двадцать четвертая:

Я хотела медленно открыть дверь, но Донован Скарборо был быстрее, он распахнул ее, стоило повернуть ключ. Он напоминал мне Медведя из Златовласки, когда возник на пороге, раскинув руки с диким взглядом. Мы с Мариной были так потрясены, что пригнулись и побежали прочь, направляясь в холл, и он развернулся в гневе.

Лео лежал на полу, барби были на коленях рядом с ним, но он отмахивался и ощупывал нос, чтобы понять, сломан ли он. С ним точно все будет хорошо.

Все братья Скарборо были здесь. Исаак был в ужасе, Ллойд смотрел на все с мрачным удовольствием. Мне было все равно, старик ли он, из плоти ли он, но я хотела ударить его, чтобы стереть эту ухмылку с лица. И только Дуглас смог оказаться полезным.

— Ударь его этим! — крикнул он, показывая на высокую китайскую вазу на столике недалеко от меня.

— Только не Веджвуд! — закричал Ллойд, и ухмылка пропала. — Она стоила состояния!

— Жалко, — сказала я и обхватила хрупкое горлышко вазы. — Красивая.

Донован Скарборо бросился на меня, я инстинктивно взмахнула рукой и опустила вазу на его голову с приятным треском.

Он упал на колени, как в мультике, обхватил руками голову. Ваза была изящной. Ее веса не хватило, чтобы убить его, но хватило, чтобы у него болела голова, а мы с Мариной могли уйти к лестнице. Пока мы делали это, я думала, как героини фильмов глупят, когда идут к лестнице, а не к выходу, но у нас не было другого выбора — выход заслонял Скарборо.

И нам нужно было завершить вторую ветвь наспех сочиненного плана.

— Идем, — я почти тащила Марину за руку. — Нужно найти мишку.

Мы взбежали по лестнице за пять секунд, увидели, что Скарборо начинает оживать, и Марина сняла туфлю и бросила в него.

— Кстати, новые туфли я добавлю к зарплате, — сказала она, целясь. Я не спорила. Сегодня она ударила каблуком руку Флетча, когда он схватил меня под кроватью, выбила ключ из замка подвала, а теперь билась с Донованом. Она заслуживала Джимми Чу, а не Топшоп.

Ллойд, видимо, услышал мои слова о мишке, потому что ждал на вершине лестницы и уже не скалился, как пару минут назад. Он теперь еще сильнее напоминал своего праправнука, его лицо искажала ярость.

Если бы он мог столкнуть меня с лестницы и покончить со мной, он бы это сделал.

Исаак и Дуглас тоже были здесь, Донован почти добрался до вершины лестницы. Его голова была полна порезов от вазы и каблука Марины, он выглядел как боксер после долгого боя. Кто-то мог подумать, что они подрались с Лео, ведь тот все еще лежал на полу.

— Я знаю, вы убили Дугласа, — я смело уставилась на Ллойда. — Вы убили его, а потом зашили нож внутри любимого плюшевого мишки.

Дуглас застыл, глядя на брата.

— Это правда? Я всегда думал, что это ты.

— Ты этого не докажешь, — рычал Ллойд, кривя губы, как зверь.

— Прочь из моего дома! — вопил ошалевший Донован Скарборо. Он лежал на лестнице

без сил. Он выглядел как человек, который много времени провел на светских приемах, и мало — в спортзале. Он тяжело дышал, истекал кровью, и я не знала, кричал он на меня или на всех нас, включая призраков.

— О, я это докажу, — парировала я, вскинув голову. — Просто смотрите.

Я повернулась к коридору к главной спальне, но я остановилась, увидев, что Флетч выходит оттуда. Он был в пыли, грязи, он нес потрепанного пыльного мишку.

— Подумал, что это поможет, Биттерсвит, — сказал он, протягивая мне мишку. Я обхватила его руками, нажала на его живот и ощутила что-то подозрительно твердое внутри него.

— Спасибо, — сказала я. — Спасибо, — я благодарила Флетча, а еще и Агнес Скарборо за подсказки. — Как ты так быстро его нашел?

Он пожал плечами.

— Проверил половицы. Одна из них выделялась, словно ее забивала гвоздями женщина.

О, за это он пожалеет. Не сейчас, но позже. Мы пошли к лестнице, к братьям Скарборо.

— Флетч, ты сможешь увести Донована Скарборо вниз? Мне нужно еще кое-что сделать.

— Опять этот бред? — спросил он, я не ответила, и он пошел к Скарборо. — Можете встать и идти, или я потащу вас. Мне все равно.

Скарборо проигнорировал его, и он вздохнул.

— Вы сами так решили, — сказал он и потащил Донована за ногу по ступенькам.

— Думаю, теперь ты и перед Флетчем в долгу, — сказала Марина, мы стояли наверху и смотрели, как он тянет протестующего Скарборо по половицам и оставляет у стены возле входной двери.

— Найдешь Арти и остальных? — я сжала ее руку. — Я скоро буду.

Она знала, что это значит, она неуверенно посмотрела в сторону братьев Скарборо, подняла руку, махнув на прощание. Она взглянула на меня, кивнула и пошла по ступенькам.

Я повернулась к трем братьям, а вдали, казалось, раздались сирены.

— Оу, — закатил глаза Дуглас. — Кто-то вызвал по-по.

Ллойд и Исаак растерялись.

— «Гавайи 5.0»? — спросила я, Дуглас печально улыбнулся.

— Мне это нравилось. До конца серии не знал, что произойдет.

Это казалось пустяком во всем происходящем.

— Думаю, пора уходить, — сказал Исаак. Он отпустит их, это его право после груза обвинений и потерь, что он прошел за столько лет одиночества.

— Игра закончена, старик, — сказал Дуглас, махнув на мишку, которого я держала кончиками пальцев. — Только ты мог додуматься спрятать оружие убийства в игрушке.

Ллойд дрожал от злости.

— Ты не получишь ее, — процедил он. — Не после стольких лет. Не теперь и не так.

Дуглас нахмурился, растерявшись от слов Ллойда, как и я, но я не удержалась и задала вопрос, что давно терзал меня:

— Почему вы не признались после смерти, Ллойд? Вы избежали обвинений при жизни. Не было смысла медлить столько лет, но вы молчали.

Его глаза расширились, от ледяного смешка стало не по себе.

— Потому что он тоже оставался здесь, — он посмотрел на Дугласа. — Она не сможет выбрать его, если его там не будет, да?

— Ваша мать? — я пыталась понять.

— Конечно, нет, глупая и наивная девочка, — прорычал он тихо, словно терял терпение. — Моя жена.

— Мод? — Дуглас был потрясен, Ллойд в гневе повернулся к нему.

— Не произноси ее имя! — завопил он. — Ты не получишь ее! Она была моей подругой, но всегда хотела тебя. Она едва замечала меня, потому что, как и все, всегда смотрела на тебя сверкающими глазами.

— Ты убил меня, чтобы я не подобрался к Мод, которую даже не знал толком, к которой не проявлял интерес? — Дуглас был потрясен, ведь потерял жизнь из-за пустяка по его мнению.

— Все всегда для тебя, да, Дуглас? — заявлял Ллойд, его голос звенел. — Но не это. Это моя Мод. И без тебя она увидела меня. Она полюбила меня, и если ты думаешь, что я дам тебе вернуться в ее жизнь в таком виде, украсть ее у меня, ты...

Ллойд качал головой, сжимая кулаки. Он выглядел таким старым и неуравновешенным, каким и был, и ему было больно смотреть на Дугласа, вечно молодого, сильного и красивого, и он сам его таким сделал. Ллойд убил Дугласа, чтобы убрать от любимой, а теперь он создал себе соперника, против которого у него не было ни шанса. Мне было почти жаль его, вот только он был хитрым чудовищем.

— Ты не признался, чтобы я оставался в доме? — Дуглас почти смеялся от этого бреда. — Ты понимаешь, как странно это звучит?

Ллойд закипал и кривился, он ничего не мог поделать. Дуглас был прав. После сотни лет игра подходила к концу.

Я слышала хрип от Ллойда и все поняла, я сжалась, готовясь к тому, что случится, за пару секунд до этого.

Он смотрел на меня, раскрывая рот, словно хотел что-то еще сказать, но вдруг он разбился на миллион острых осколков. Порой так бывает. Быстро и яростно, словно он взорвался от своего гнева изнутри. Это было неприятно, я отвела взгляд и закрыла глаза, пока все не закончилось.

Когда я открыла глаза, Дуглас оказался ближе.

— Ты в порядке? — он смотрел на меня, тревожась за меня сильнее, чем за себя. Было просто понять, почему все так легко его любили.

Я кивнула, слеза покатила по щеке, ведь он тоже уходил, но не так страшно. Цвета тепло сияли вокруг него, словно он уходил в солнечный свет, чтобы занять свое место на поле для крикета. Пока я еще видела его, он прижал пальцы к ладони и улыбнулся так, что мог растопить сердце любой девушки, включая Мод.

Я тоже прижала пальцы к ладони, это было странно, но я чувствовала его поцелуй там. Он исчез.

Я закрыла на миг глаза и сглотнула комок слез, а потом открыла их и повернулась к Исааку.

— Остался только я, — сказал он с печальной улыбкой, я смотрела на него с тяжелым сердцем.

— Да, — сказала я. Хотелось взять его за руки и попрощаться. — Безопасной дороги, Исаак.

— Спасибо, Мелоди. Спасибо за все, — прошептал он. Или сказал четко, но он угасал так быстро, что я едва его слышала. Я успела услышать его последнее слово, и он исчез.

полностью. — Присцилла.

Я смотрела на место, где он был, и хотела, чтобы он нашел покой с Присциллой и их сыном, Чарльзом Фредериком.

* * *

Полиция ушла через пару часов. Они нашли Донована Скарборо спящим и в крови, Лео окруженного его барби, и Флетча, спешно пишущего в блокноте и делающего фотографии на телефон. Его любимым фото был кадр с Донованом Скарборо, тычущим кулаком офицеру полиции, который пытался поднять его. После этого Донована подвели к машине и увезли с сиренами.

Джоджо и Ричард вскоре уехали в местный отель, чтобы встретиться с нами через день или два, когда мы выспимся и придем в себя. Нож теперь был у полиции, никто не знал, что будет с ним или домом Скарборо, но это не было важным. Мы собрали воедино историю семьи, разбитую ревностью и ложью. И в конце важнее всего, как и всегда, оказалась любовь.

Марина и Арти без сил залезли в Булочку, а я перед этим повернулась к Флетчу.

— Спасибо, что спас, — сказала я. Мы были пыльными и в крови, словно актеры в конце блокбастера про катастрофу. Он был Брюсом Уиллисом без неряшливого жилета, и знаете, что я хотела сделать? Марина была бы в шоке, но я хотела упасть в обморок.

— Ты меня знаешь, охотница, — сказал он. — Все ради хорошей истории.

Я тихо рассмеялась. Я не знала его, но, может, когда-нибудь узнаю.

— Мне пора идти.

— Мне тоже, — сказал он, сжимая блокнот. — Нужно все оформить.

— Никакого отдыха, — сказала я, а потом, потому что он заслужил, а мне это было нужно, я встала на цыпочки и прижалась губами к его. День был странным, пугающим и потрясающим, но тридцать секунд, что я провела, целуя Флетчера Ганна у калитки, считались самыми прекрасными. Он держал меня, целовал так, как и бывало в этих блокбастерах в конце. Его губы были теплыми и твердыми, он обхватил мою голову ладонью, когда ненадолго скользнул языком в мой рот.

— Я ошибся тогда, назвав тебя проблемой, — сказал он. — Ты куда хуже. Ты чертова катастрофа.

Мне нравилось, как он ругает меня, это делало его сексуальнее. Я ошиблась в ту ночь, назвав его убийственным. К нему нужно прилагать предупреждение о вреде для здоровья. Он прижался губами к моему лбу и отошел.

— Сядь уже в свою смешную машину и уезжай домой, Биттерсвит.

Я, наконец, завела двигатель и посмотрела на окно чердака. Там было пусто, и я это знала, но надеялась, что дом Скарборо однажды наполнится смехом и хаосом новой семьи. Он заслужил счастливого конца.

Марина рылась в сумке-холодильнике, она вытащила три холодные стеклянные бутылки лимонада. Она сняла крышки и раздала нам бутылки, а потом произнесла тост:

— За первое выполненное дело, — она подняла бутылку, и мы к ней прикоснулись своими.

— Не думаю, что он нам заплатит, — нахмурился Арти, но я рассмеялась.

— К несчастью для него, но к радости для нас, Гленда Джексон заставила его подписать контракт. Он хотел, чтобы призраков не было, и теперь их нет. Думаю, это считается.

Марина снова подняла бутылку.

— За непотопляемую Гленду Джексон.

Я глотнула лимонад Нонны, а потом, казалось, в сотый раз, я подавила от эмоций.

— Получилось, да? — голос застревал в горле. — Мы сделали это.

— Сегодня Бримсдейл Роуд, а завтра весь мир, — Марина сжала мою руку. — А теперь бери себя в руки и вези нас домой.

Не думаю, что я когда-то чувствовала себя такой счастливой, что когда-то так ждала будущего. У меня была странная семья, сложная личная жизнь, надоедливый пес, но еще и лучшие друзья в мире и дело с моим именем на двери. Марина была права. Пора домой.

— Что ж, — сказал Арти, Булочка громко шумела, пока я выезжала на дорогу. — Очередной день работы, о котором маме рассказывать нельзя.

* * *

Прошло два дня после случившегося, и я сидела за столом на кухне мамы. Я только что съела свою порцию вафель и бананов с «Нутеллой» и начинала ощущать себя собой.

Я смотрела на маму, а она делала вид, что возмущалась на Лестата, скармливая ему кусок вафли, приготовленной специально для него. Такой она и была: очень щедрой, но не любящей, чтобы люди не видели этого. И тут я поняла кое-то, поражаясь, что не осознала этого раньше.

— Мам, ты присылала мне подарок по почте? — я потягивала кофе. У нее была шикарная библиотека редких книг в магазине, она знала, что я хотела их получить. Я бы читала их чаще, чем она, а это уже о многом говорило. — Например, книгу?

Она замолчала, захваченная врасплох, а потом взяла себя в руки и посмотрела на меня, словно мне было пять лет.

— Я, по-твоему, Санта Клаус?

Бабушка вздохнула и посмотрела на маму, словно пять лет было ей, а потом подвинула ко мне газету с понимающим кивком и бокалом шампанского.

Я посмотрела на часы и, пожав плечами, отодвинула кофе.

— Где-то всегда пять часов, да, бабушка?

Конечно, новость на первой странице. Там была фотография Донована Скарборо, пытающегося ударить по челюсти полицейского кулаком, и скандальные заголовки об убийстве на Бримсдейл Роуд. Флетч смог описать убийство с историческими деталями так сочно, что упоминать призраков не пришлось.

Я забрала из дома Скарборо дневник на замочке, и там было много тревожных мыслей Ллойда. Его любовь к Мод была безграничной и одержимой. Будучи близнецом Дугласа, он всегда был в тени, я понимала, как это произошло, ведь Дуглас сиял, как яркое солнце. Ллойд рано познал ненависть, и он научился скрывать эту ненависть за игрой. И он легко смог решиться на убийство, чтобы Дуглас не был перед Мод, и Ллойд смог сбросить вину на серьезного Исаака. Я была рада, что вернула справедливость, которую Исаак заслужил, хоть и на век позже.

История могла легко попасть на первую страницу без упоминания призраков. Тут было лишь одинокое упоминание Лео Дарка, чтобы задеть его, но больше ничего такого не было. Словно ничего и не случилось. Я не была удивлена, да и не расстроилась. Флетчер Ганн не мог видеть мир не черно-белым.

Я листала страницы и заметила лицо Флетча рядом с колонкой обзора фильмов. Я узнала название фильма, который мы смотрели вместе.

«Было увлекательнее, чем я представлял. Я пришел, ожидая два часа романтического бреда, но она как-то захватила мое внимание. Не знаю, что в ней такого особенного, у нее есть очарование. Она словно готова каждому открыть сердце. Это заманчиво».

Я улыбнулась, а потом закрыла газету. На эту Лестат сходить не сможет.

* * *

В понедельник утром мы собрались в офисе. Арти сунул коробку с едой в холодильник и пошел к чайнику. Марина сняла крышку с коробочки и показала сегодняшнее угощение.

— Ричиарелли, — сказала она. — Или макарены.

О, я их любила. Я хотела взять немного, но она опустила крышку, расстроив не только меня, но и Лестата. Он пришел, понимая, что в банке угощение, а теперь растянулся у ноги Марины и смотрел на нее, свесив язык.

— Только ты могла найти собаку, что любит сладкое больше тебя, — сказала она, ставя коробку высоко на полку.

— Я его не выбирала. Он меня выбрал, помнишь?

Я смотрела, как Лестат идет к лежанке, ощущая симпатию. Я не ожидала, что в двадцать семь лет у меня появится собака, но он теперь был тут, он вплел себя в ткань моей жизни. Он был занозой в заднице, но моей занозой.

Я посмотрела на остальных, они собирались начать новую неделю. Марина помогала Арти готовить утренний чай и кофе, они тихо смеялись о чем-то, я не слышала четко. Гленда за столом печатала, в ее волосах торчал карандаш. Я нажала на паузу в голове и позволила себе ощутить теплый прилив гордости.

Два месяца назад мне исполнилось двадцать семь, до этого я мало думала о реальности. А теперь словно кто-то нажал на ускорение, и этим кто-то была я. Я это сделала. Это агентство было моим. Я сделала это, мечтая параллельно о сладостях и супергероях, советуясь с волшебным шаром. Теперь я работала, и я собиралась стать крутым боссом.

Хотелось бы сказать, что в личной жизни все тоже наладилось, но я хотя бы не была одна теперь. Мне понравился призрак, красавец из прошлого, чей поцелуй навеки останется на моей руке. Лео Дарк вернулся в мою жизнь, на восемьдесят процентов идиот, на двадцать — кумир. Я не сомневалась, что наши пути будут пересекаться и дальше, так что кто знал, как изменятся эти проценты в будущем? А еще был Флетч. Что мне о нем сказать? Он был непостоянным. Мы с ним не могли быть вместе, но в моих венах текла ртуть, когда он касался меня. Он не просто разжигал меня. Я светила, как маяк, и ярче света я представить не могла.

— Земля вызывает Биттерсвит, Земля — Биттерсвит, — Марина шуршала упаковкой от жвачки, чтобы привлечь мое внимание. Она кивнула на Гленду, когда я подняла голову.

— Тебе звонит женщина, — Гленда накрыла трубку, пока говорила. — Хочет срочно прийти насчет проблемы с призраком ведущего в цирке и его питомца льва.

Я передала ей дневник и улыбнулась.

— Запиши ее.

Благодарности

Первое и огромное спасибо моему редактору Кирсти Гринвуд за смех над моими шутками, поддержку и помощь в создании из этой истории того, чем можно гордиться. Книга была бы другой без тебя, Мелоди будет считать тебя одним из своих любимых

супергероев.

Спасибо и Клэр Борд из «Bookouture» за идею сделать про Мелоди серию, за предоставленный шанс. Я очень благодарна и хочу написать больше.

Спасибо прекрасной Ким Нэш, ты невероятная сила! Организованный вихрь, плечо поддержки, ты во всем шикарна, и я рада, что мы встретились за кофе. Кто знал, что это приведет к такому?

Спасибо моей прекрасной новой семье из авторов «Bookouture» за теплый прием, за радость и возможность собираться с вами.

Спасибо Джо Дингли за редактирование, а Эмме Роджерс за фантастическую обложку! Мне она нравится.

Спасибо всем в «Bookouture», я рада быть в команде, мне повезло невероятно.

Любовь и благодарности всем блогерам, обзорщикам и читателям, что помогают книгам. Ваше время, верность и дружба не остаются незамеченными.

И спасибо моей семье и друзьям. Вы сумасшедшие, но вы — мои, и я вас очень люблю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net